НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі

2015

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г.)

Мінск
«Медысонт»
2018

УДК [069+94](476.5-21Полацк)(082)
ББК 79.1(4Беи)я43
М35

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнай рады
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Укладальнік:
намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

М35 **Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі**: (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск: Медысонт, 2018. — 182 с.

ISBN 978-985-7199-47-1

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культуролагам.

УДК [069+94](476.5-21Полацк)(082)
ББК 79.1(4Беи)я43

ISBN 978-985-7199-47-1

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, 2018
© Афармленне. ТАА «Медысонт», 2018

ЗМЕСТ

Авчинникова Ю. А.
Объекты городской застройки и топографии Полоцка конца XVI—XVIII вв. по материалам «Археографического сборника документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» 5

Бараненко Т. В.
Платья второй половины XX века в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. 17

Воднева І. П.
Феномен асобы ў фарміраванні музейных калекцый (на прыкладзе перыядычных выданняў з фондаў НПГКМЗ)..... 24

Гаврилова С. В.
Полоцкий Спасский детский дом 28

Даўгун В. М.
Фатаграфіі Полацка 1941—1950 гг. з музейнага збору НПГКМЗ..... 34

Кисляк А. В.
К вопросу о городском управлении Полоцка во второй половине XIX — начале XX вв. 44

Копыл С. П.
12-я бомбардировочная авиационная дивизия: формирование соединения и его вступление в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. 53

Ледник В. А.
Зарождение природоохранного законодательства Беларуси в 1918—1927 гг..... 66

Магалінскі І. У.
Металічная ліцейная форма XII ст. з музейных збораў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 78

Нарейко К. А.
3-я Белорусская партизанская бригада: организационно-штатная структура и хозяйственная деятельность 82

Орлова Т. А.
Историческая застройка кварталов, расположенных на территории г. Полоцка, ограниченной с севера — чётной стороной пр-та Франциска Скорины, с юга — ул. Нижне-Покровской, с запада — ул. Энгельса, с востока — ул. Юбилейной (по картографическим материалам середины XIX в.)..... 95

Романенкова Г. Н.
К вопросу атрибуции фотографии. Полоцкие адреса Викторины Розио..... 124

Рудаков П. С.
Немецкие долговременные инженерные сооружения 1944 г. в северном секторе обороны Полоцка 131

Смирнова Т. Р.
Образовательные проекты как одна из форм социального партнёрства (из практики работы Детского музея)..... 136

Соловьёв А. А.
Итоги археологического наблюдения за прокладкой теплотрассы по ул. Шенягина в 2001 г..... 138

Соловьёв А. А.
Исследования дома на Нижне-Покровской 19 144

Студзенікіна Ю. У.
Да пытання аб выніках паўстання 1863—1864 гг. на Полаччыне..... 158

Філімонава В. А.
Палоніка XVIII ст. у фондах НПГКМЗ 172

Звесткі аб аўтарах..... 180

Ю. А. Авчинникова

ОБЪЕКТЫ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ И ТОПОГРАФИИ ПОЛОЦКА КОНЦА XVI—XVIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ «АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ»

«Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» (полное название «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа») представляет собой серию публикаций документов по истории Беларуси, Литвы и Украины XV—XIX вв.

«Сборник» издавался в Вильне на протяжении 1867—1904 гг. Всего вышло в свет 14 томов. Основу опубликованного материала составляют исторические документы из фондов рукописного отдела Виленской публичной библиотеки, собрание древних актов, хранившихся в Литовской духовной семинарии в Вильне, документы Несвижского и Кейданского архивов Радзивиллов, архивного собрания Жировицкого и Супрасльского монастырей, фондов Виленского и Витебского центральных архивов, а также политического отдела канцелярии Виленского генерал-губернатора [18, с. 147—148, 154—156].

Издание «Археографического сборника» осуществлялось по инициативе попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова. Основная роль в подготовке материалов к публикации принадлежит П. А. Гильтебрандту, заведовавшему отделом рукописей Виленской публичной библиотеки, преподавателю Виленской гимназии А. Л. Миротворцеву, а также учителям Литовской православной семинарии в Вильне. Издание заключительных трёх томов (12, 13, 14) «Сборника», вышедших на рубеже XIX—XX вв., осуществлялось преимущественно членами Виленской археографической комиссии Ю. Ф. Крачковским и Д. И. Довгялло [18, с. 154—156].

Исторические документы, вошедшие в «Сборник», представлены в хронологическом порядке. Тематика материала неоднородная, основную группу составляют документы социально-экономического характера (инвентари, привилеи, цеховые уставы, фундуши, акты судопроизводства и др.), также представлены материалы политического и культурно-религиозного содержания.

Наиболее значимыми и информативными источниками по истории г. Полоцка второй половины XVI—XVII вв., опубликованными в со-

ставе «Археографического сборника», являются материалы актовых книг Полоцкого магистрата. В «Сборник» вошли 65 магистратских документов разного характера, в их числе исторические акты, содержащие прямое или косвенное упоминание объектов городской застройки Полоцка, его оборонительных сооружений, культовых зданий и исторической топографии:

1. «Увязчий (вводный) листъ дворянина Годебскаго епископу Полотскому Афанасию Терлецкому, на владение имениями архиепископии, съ инвентарёмъ» от 13 декабря 1588 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1588 г.) [1, с. 167].

Документ представляет собой реестр (инвентарь) архиерейского недвижимого имущества на территории Полоцкого воеводства, составленный для передачи прав на владение этим имуществом вновь рукоположенному архиепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Афанасию Терлецкому (1588—1592 гг.) от покойного владыки Феофана Рыпинского (1576—1588 гг.). Опись имущества и оформление инвентарного акта осуществлялись специальным королевским уполномоченным Фёдором Годебским [1, с. 171].

Наибольший интерес представляет инвентарь двора Полоцкого епископа на Верхнем замке: «въ нёмъ будованья: светлицы две на подклетахъ напротивко себе, одна съ коморою, между ними сень, светлица поземная, изба напротивко, межы ними сень, светлица на подъизбицы, напротивко клеть на подклете, межы ними сень, спижарня[1] на пивницы[2], стайня[3], броваръ старый, лазня, клеточка малая» [1, с. 171].

Инвентарь даёт представление о застройке восточной части Верхнего замка конца XVI столетия, где, согласно документальным данным и археологическим исследованиям, находился епископский двор [9, с. 68—69]. Последний включал в себя комплекс 10—11 деревянных построек жилого и хозяйственного назначения [1, с. 171]. Упомянутые в инвентаре строения «на подклетахъ» («подклетях») представляли собой двухэтажные деревянные жилые дома, традиционные для городской застройки Полоцка XI—XVIII вв.

Самые ранние изображения таких усложнённых построек выявлены на миниатюре Радзивилловской летописи, изображающей события около 1092 г. О домах на «подклетях» многократно говорится и в «Полоцкой ревизии 1552 года» [14, с. 36, 73; 19, с. 49].

---

[1] кладовая, помещение для хранения продуктовых припасов.

[2] погреб для хранения пива.

[3] конюшня.

В инвентаре встречается также упоминание четырёх культовых объектов с привязкой к местности: «церковъ соборная Святой Софии в замку вышнемъ Полоцкомъ», «церковь Светого Спаса у месте Полоцкомъ на посаде Великомъ»; «церковъ на том же посаде Рожества Христова»; «церковъ Светого Козмы-Демъяна заложенья, в месте Полоцкомъ на посаде за Полотою» [1, с. 174].

2. «Инвентарь имениямъ Полоцкой архиепископии» от 26 апреля 1601 г. (из Книги земской Полоцкой 1601 г.) содержит более подробное описание архиерейского двора начала XVII в. [1, с. 221].

Указанная опись составлена для учёта недвижимой собственности архиепископа Полоцкого Витебского и Мстиславского Григория Германа Загорского (1596—1600 гг.) и её передачи в ведение главе Полоцкой униатской архиепархии — Гедеону Брольницкому (1601—1618 гг.). Опись имущества и оформление инвентарного акта выполнены королевским уполномоченным Абрамом Бедрицким совместно с возным Полоцкого воеводства Станиславом Пивонским. Авторы приводят следующее описание униатского архиерейского двора: «…то есть найпервей дворъ архиепископский в замку вышнемъ Полоцкомъ; в немъ будованье: ворота уезные покрытые, противъ церкви Светое Софии; подле тыхъ воротъ по левой руце келья, где пономарь мешкаеть; подле кельи светлица з коморою и з сенкою; подле нее пивница, подле пивницы пекарня; противъ пекарни светлица служна; подле светлицы ворота въ куте; подле воротъ спижарня; подле спижарни кухня; там же светличка при кухне; броваръ и лазня. Далей, вколо идучы, домъ великий з кганкомъ; светлица столовая; напротивъ светлицы другая светлица покоевая съ коморою; на горе светлица; коло ней кружкганокъ[1]. За тымъ домомъ поветь, где возы ставляютъ; подле повети свиренъ, где шоръ ховаютъ; подле клети стайня; подле стайни ворота великие вьезные; одъ ворот идучи свиренъ с кружкганками, зъ двоимъ схованьем» [1, с. 221].

Таким образом, епископский двор, размещавшийся на восток от Софийского собора, и включавший (по материалам «Инвентаря») не менее 18—20 деревянных жилых и хозяйственных строений, занимал значительную часть застройки территории Верхнего замка конца XVI — начала XVII вв., наряду с такими объектами, как двор Полоцкого наместника, княжеский терем, храмы, дворы знати, фортификационные сооружения и др. [1, с. 221; 14, с. 69]. Комплекс епископской усадьбы составляли типичные по своему функциональному назначению и архитектуре деревянные здания, характерные для дворов высших сословий Полоцка периода XVI — начала XVII вв. [11, с. 73].

[1] внешняя крытая галерея, веранда.

В «Инвентаре» 1601 г. в числе архиерейских имений указан древний Полоцкий Борисоглебский монастырь (XII в.): «монастырь за рекою Двиною на Белчычы Глеба и Борыса, до которого служобъ полтораста, нижли на сесь часъ розные особы межы себе безправне разобрали», а также епископские дворы на улице Великой (современная ул. Нижне-Покровская) — одной из важнейших улиц города, известной по письменным источникам с 1557 г.: «дом небощика владыки (Григория Германа Загорского) в месте Полоцкомъ на Великой улице з одное стороны отца Романа протопопы, а з другое стороны Василья райцы, который домъ, за особливым писаньем его королевское милости до себе яко спадокъ подалом его милости теперешнему архиепископу въ держанье» [1, с. 224; 11, с. 88; 19, с. 120].

3. «Заявление подвоеводы Полотскаго Яна Лисовскаго о томъ, что при нападении на Полотскъ Московскаго войска, некоторые Полотские мещане не хотели ни укреплять замка, ни переселиться в него изъ посада» от 6 июля 1633 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1633 г.). Документ содержит информацию об объектах фортификации Полоцка первой половины XVII столетия в контексте военных конфликтов Московской державы с Речью Посполитой 1632—1634 гг. и бунта полоцких мещан 1633 г. [1, с. 271].

Для предстоящей обороны города от нападения Московского войска члены городской ратуши, воевода и войт призвали горожан к строительству необходимых фортификационных сооружений (башни на Нижнем замке) и переселению мещан Заполотского посада на территорию укреплённого Верхнего замка: «…абы якую колвекъ для обороны места своего вежу на рогу отъ Полоты, на замку нижнем збудовали, або хоть дерева на тую вежу дали; …ижъ бы Заполочаномъ до замку вышнего знести се позволили». Неповиновение полочан привело к трагедии, в ночь с 12 на 13 июля 1633 г. Московские войска напали на Полоцк, практически весь город — Великий и Заполотский посады были разрушены и сожжены: «…всё место Полоцкое и Заполотье сплюндровало и попалило; …также и замокъ вышний ледво се одержалъ» [1, с. 272].

4. «Постановление Полоцкихъ мещанъ о постройке городского тына» (паркана) от 21 июня 1638 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1638 г.) [1, с. 308].

Впервые «паркан» (деревянное оборонное укрепление посада) был возведён в Полоцке ещё в XI—XII вв. К 1501 г. относится первое письменное упоминание о паркане Великого и Заполотского посадов, который неоднократно претерпевал разрушения в ходе военных действий, пожаров и вновь отстраивался на протяжении практически всего XVI столетия [11, с. 102—106].

«Постановлением» Полоцкой ратуши от 1638 г. было положено начало восстановлению паркана Великого посада впервые после разрушительной Ливонской войны (1558—1583 гг.): «…згодне постановили и уфалили парканъ коло места робити тымъ способомъ, же напродъ вси пляцы, полпляцы и четвертпляцы и полчетвертипляцы мають компутовать, а потомъ того вколо коло места всего шнуромъ смерить, а по размеренью шнуромъ, тогды мають обраховать якъ много на пляцъ, на полпляца, на четвертпляца и полчетвертипляца будовати мають, жебы каждому кривды въ будованью паркана не было, и где которому будеть назначено мейсце, тамъ, а негде индей маеть свой парканъ ставить» [1, с. 308].

Таким образом, согласно «Постановлению», городская оборонительная стена была вымерена, точно определена длина и местоположение части паркана, которую требовалось восстановить тому или иному мещанину, пропорционально размеру его земельной собственности на территории города (пляц[1], 1/2 пляца, 1/4 пляца или 1/8 пляца). Контроль за восстановительными работами возлагался Полоцкой ратушей на сотников, поручников и десятников [1, с. 308—309].

Упоминания отдельных топографических объектов содержатся в актах по рассмотрению членами городской ратуши уголовных преступлений. В томах первом и третьем «Археографического сборника» в числе таких документов:

1. «Донесение вознаго Полотскому земскому суду о томъ, что вопреки судебному определению, трое крестьян помещика Корсака не были доставлены въ Полотскъ для прикования ихъ къ позорному столбу» от 2 октября 1618 г. (из книги земской Полоцкой 1618 г.) [2, с. 93].

В тексте документа встречается упоминание следующих городских объектов: «…на выконанье везенья въ куницу до пренкгера[2] въ месте Полотскомъ на ринку передъ ратушомъ стоячого осадить…» [2, с. 93]. В данном случае речь идёт о рыночной площади, которая в XVII в. располагалась в районе современной площади Свободы, являлась не только традиционным местом сосредоточения городской торговли и органов самоуправления (ратуша), но и местом исполнения публичных наказаний.

2. «Декретъ по делу Василия Паука съ девкою Федорою Моргуновною о сожжении ею его дома, а вследствие этого и всего города Полоцка, за что сама приговорена къ сожжению» от 31 августа 1643 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1643 г.) [1, с. 350].

---

[1] в XVI—XVIII вв. площадь пляца в Полоцке варьировалась от 1077 до 1236 м2 [6, с. 12].

[2] позорный столб.

Документ содержит материалы следствия по делу о причине возникновения пожара в г. Полоцке в 1643 г. Пожар, начавшийся 29 июля 1643 г. по вине служанки Федоры Моргуновны на Великом посаде в доме полоцкого мещанина Василия Паука, уничтожил практически весь город. В «Декрете» упомянуты Верхний и Нижний замки, Иезуитский коллегиум, костёлы и церкви (на территории Великого посада), городская ратуша, башни и паркан вокруг всего города [1, с. 353].

3. «Донесение вознаго о прибитии имъ листов от имени Задорожского плебана[1] Полотскому подвоеводе Лисовскому и жене его урожденной Друцкой-Соколинской» от 26 февраля 1646 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1646 г.) [1, с. 368].

«Донесением» полоцкий возный Фёдор Садовский информирует членов городской ратуши об обнародовании бониции[2] подвоеводе Полоцкому Яну Лисовскому и его жене Марине Друцкой-Соколинской от имени Задорожского плебана отца Томаша Рычицкого. Традиционно в средневековых городах бониционные листы вывешивались в местах судопроизводства, большого скопления или транзита людей, в этой связи в документе упомянуты полоцкие городские въездные ворота «брамы»: «…прыбиломъ першую копию (бониции) до воротъ у брамы въездное Полоцкое, подъ замкомъ вышнимъ у Полоцку стоячое одъ Двины реки, другую копию прыбиломъ до воротъ великих въездных при костёле ихъ милостей отцовъ езуитовъ колеюмъ Полоцкого на цментаръ, третию копию прыбиломъ до воротъ ратушу Полоцкого великихъ уездныхъ, а четвертую копию прыбиломъ до воротъ брамы въездное Полоцкое, названое Ложное, отъ Двины реки» [1, с. 368].

Упоминание таких топографических объектов, как «Мамоновщына» и «Шорошковский бродъ» содержится в документе «Определение повинностей, которыя долженъ платить Михалко Ходаровичъ, принятый въ число полоцкихъ мещанъ» от 10 апреля 1652 г. (из актовой книги Полоцкого магистрата 1652 г.) [1, с. 390].

Объекты упомянуты в связи с решением Полоцкого магистрата о «прызнанье въ оселость мескую» Михалко Ходаровича, определением места расположения его земельного надела («грунта»), а также перечня предусмотренных городских налогов и повинностей: «…позволили есмо на кгрунте мескомъ, на Мамоновшыне, за Шорошковскимъ бродомъ, надъ

[1] католический приходской священник.

[2] уголовное наказание в ВКЛ, в соответствии с которым преступники-шляхтичи лишались всех прав и изгонялись из пределов государства [9, с. 142].

рекою Полотою будовати се и всякие пожитки собе тамъ нашечы, оруючы, боронуючы — вынайдовать и на той оселости меской жить» [1, с. 390].

Предположительная локализация объектов «Мамоновщына» и «Шорошковский бродъ» возможна при использовании дополнительных топографических привязок, содержащихся в документе из актовой книги Полоцкого магистрата 1656—1657 гг. от 8 апреля 1657 г. В указанном документе зафиксирована покупка Михалко Ходаровичем небольшого участка земли под огород, возможно для расширения уже имеющейся усадьбы: «… продалъ Михалъку Ходаровичу огород тут, в месте Полоцком за парканом за Невельскою брамою над Полотою рекою на полчетверти пляца лежачыи…» [16, с. 629].

Поскольку Невельская «брама» (въездные ворота) находилась на пересечении оборонительного паркана Великого посада (трасса современной ул. Свердлова) с ул. Невельской (трасса современной ул. Войкова), местность «Мамоновщына» можно локализовать как территорию над р. Полотой ориентировочно за зданием ГУО «Средняя школа № 10 г. Полоцка» (современная ул. Ф. Скорины, д. 25). По всей видимости, в указанном районе находился и упомянутый в документе Шорошковский брод через р. Полоту [12, с. 12].

Группа записей исторических событий середины — второй половины XVIII в., изложенных в хронологической последовательности, объединена редакторами десятого тома «Археографического сборника» под общим названием «Дневникъ Полотскаго Софийскаго монастыря, начатый въ 1746 г. » [6, с. 340].

До опубликования в составе «Сборника» в 1874 г. «Дневник Полоцкого Софийского монастыря» хранился в фондах архива Виленского Свято-Троицкого монастыря, куда был перевезён вместе с другими документами после ликвидации Брестской церковной унии в 1839 г. и перевода базилианских храмов и обителей в ведение православной церкви [6, с. 7, 340].

Полоцкий Софийский базилианский монастырь основан униатским архиепископом Иософатом Кунцевичем в первой половине XVII в. [17, с. 206]. Так называемый «Дневник» вёлся настоятелем Софийской обители и его приближёнными из числа монашеской братии на протяжении 1745—1772 гг. на польском и латинском языках. В хронику регулярно вносились записи о важнейших событиях политической, экономической, культурно-религиозной жизни Полоцка, а также другая информация, значимая для членов базилианского ордена (полемика униатских церковных иерархов, папские постановления и др.) [6, с. 340—371].

Записи «Дневника» содержат некоторые сведения и о внутренней хозяйственной деятельности Софийского монастыря, природно-климатиче-

ских явлениях, стихийных бедствиях, где нередко встречается информация об объектах городской архитектуры и топографии.

Так, запись, датируемая 8 июня 1750 г., сообщает о сильном пожаре на территории Полоцкого иезуитского коллегиума, в результате которого был причинён значительный ущерб учебным зданиям и храму (костёлу Святого Стефана) [6, с. 343].

Некоторые объекты города упомянуты в связи с описанием пожара с 25 на 26 мая 1762 г. Автор записи указывает, что пожар начался со стороны реки Двины от пляца базилиан, огнём были уничтожены: «целая юрыдыка наша (отцов базилиан) по мост великий, школа жидовская, канцелярия, школы иезуитские, костёл и кляштор францисканский, церковь дизунитов и кляштор, дворки, дома на трёх улицах аж до рва на Привозе» [6, с. 344].

В соответствии с приведённым в «Дневнике» описанием, пожар 1762 г. начался на ул. Великой вблизи Верхнего замка, где располагались пляцы базилиан согласно Полоцкой ревизии 1765 г. Упомянутый «мост великий» через р. Двину находился напротив Великого посада в районе пересечения современных улицы Нижне-Покровской и Замкового переулка [10, с. 4; 12, с. 9]. Огонь распространился по ул. Великой вдоль реки, охватил дворы и постройки по правой стороне улицы, включая комплексы францисканского и православного Богоявленского монастырей, далее двигался вплоть до моста через ров бывшего оборонительного паркана Великого посада. По левой стороне от ул. Великой пожар распространился на Пробойный заулок (место расположения упомянутой еврейской школы), ул. Рождественскую, ул. Вознесенскую (вблизи комплекса зданий Иезуитского коллегиума) и ул. Ильинскую [6, с. 344; 7, с. 38; 10, с. 4].

Апрель 1763 г. отмечен в «Дневнике Полотскаго Софийскаго монастыря» в связи с наводнением в Полоцке. В результате весеннего разлива р. Двины практически за одну ночь была затоплена городская застройка по обоим берегам реки. В хронике упомянуты францисканский, бернардинский монастыри и прилегающие к ним территории, монастырь Бориса и Глеба на Кобаке Боханьском, а также остров напротив Верхнего замка. Потоком воды были разрушены береговые деревянные укрепления — «завалы» [6, с. 346].

В описании паводка 1770 г. (запись от 30 марта 1770 г.) приведены названия некоторых полоцких завалов вдоль правого берега Двины — «жидовский, пакошовский[1], францисканский, дизунитский» [6, с. 356, 364].

---

[1] предположительно название завала является производным от фамилии полоцкого мещанина Пакоша, чьи пляцы располагались в непосредственной близости к завалу на ул. Великой [6, с. 364; 13, с. 111].

Ряд записей «Дневника», датируемых 1760 г., 1765 г., 1768—1770 гг., посвящён описанию строительных и земляных работ, которые вели базилиане на территории Софийского монастыря на Верхнем замке.

1760 г. указан в хронике как год закладки фундамента одного из каменных корпусов базилианского монастырского комплекса (с момента основания в первой половине XVII в. и до 60-х гг. XVIII в. здания монастыря были деревянными) [6, с. 343; 17, с. 206]. Кладка стен жилого корпуса и устройство его деревянной кровли были завершены уже в 1761 г. [6, с. 343].

В мае 1765 г. начаты работы по очистке монастырской территории от строительного мусора, произведена нивелировка поверхности земли для последующего строительства, упрочены фундаменты монастырских зданий. Одновременно велись инженерные работы по укреплению склонов Верхнего замка путём забивки деревянных свай и утрамбовки грунта, оставшегося после нивелировки. По направлению к рекам Двине и Полоте монахами были проложены водоотводные каналы, вымощенные бутом, для стока дождевых вод. В течение двух лет (до 1767 г.) все описанные работы были завершены [6, с. 347—348].

В «Дневнике» имеются упоминания об обвинениях в адрес базилиан со стороны воеводы и подвоеводы полоцкого о нарушении части фортификационных укреплений Верхнего замка (вала) в ходе интенсивных строительных и земляных работ на монастырской территории [6, с. 347—348].

В период с 1768 по 1772 г. базилиане вели активное строительство каменных жилых и хозяйственных зданий монастырского комплекса с западной стороны Софийского собора. В августе 1768 г. практически завершено строительство жилого трёхэтажного корпуса для братии (начато в 1752 г.), за исключением отделки фасадов и оштукатуривания верхних этажей здания [6, с. 350]. Корпус имел форму буквы «Н», направленной своей нижней частью в сторону Софийского собора [17, с. 206].

В марте 1770 г. заложены каменные хозяйственные постройки — конюшни и оффицины; одновременно по инициативе архиепископа Иасона Смогоржевского начаты работы по накрытию кровли Софийского собора листовым железом (окончены в феврале 1772 г.) Руководил строительством приглашённый из Могилёва архитектор — Йозеф Ковшович [6, с. 356, 363].

По данным «Дневника» в 70-е годы XVIII в. Софийский базилианский монастырь населяли как монашеская братия, так и сестричество. Территория кляштора была разделена на две части относительно Софийского собора: западную — мужскую и восточную — женскую. Несмотря на то, что общее руководство обителью осуществлял униатский архиепископ, монастырское сестричество, во главе с настоятельницей,

осуществляло самостоятельную хозяйственную деятельность. Так, хроника содержит неоднократные упоминания о территориальных спорах, которые велись между настоятельницей и архиепископом, в том числе и в судебном порядке: «…mniszki ani nas braci, ani arcybiskupa nie aprehendowali, pozwami, processami nas okrywali» [6, с. 356].

В марте 1771 г. для разрешения судебной тяжбы по определению величины монастырских земельных владений, принадлежавших базилианской братии и сестричеству на Верхнем замке, был приглашён Витебский коморник Вольф [6, с. 361].

В 1770 г. начато возведение трёх деревянных жилых корпусов с хозяйственными пристройками и воротами для монахинь-базилианок с восточной стороны Софии. Настоятельница самостоятельно наняла для выполнения работ архитектора Флориана Рыпинского, отказавшись от услуг упомянутого выше Йозефа Ковшовича [6, с. 356, 363].

Таким образом, к 1772 г. плотно застроенная территория униатского монастыря занимала практически всю юго-западную часть Верхнего замка [17, с. 206]. По свидетельству «Дневника», кроме каменных зданий (кафедральный собор Св. Софии, жилые корпуса братии, хозяйственные постройки (оффицины), колокольня, ризницы, архив, библиотека) на территории монастыря находились: деревянные кельи для сестричества, дом монастырского доктора, деревянная церковь Благовещения, кладбище, колодец, базилианские юридики, пляцы монахинь-базилианок (межевали с садом иезуитского коллегиума на Верхнем замке). Вся территория кляштора была обнесена каменной оградой [6, с. 361, 363].

В «Дневнике» имеется также упоминание, датируемое 30 марта 1770 г., о заложении униатами деревянной церкви Святых Петра и Павла «на Волотовках при горах Баторейских под Пшесмушками» [6, с. 356]. Местность Пшесмушки (Прасмужки) являлась «сяльцом» с пахотными землями и сенокосами вокруг, располагавшимся на восток от полоцкого Великого посада [10, с. 9].

Таким образом, рассматривая «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» в качестве источника данных об объектах городской застройки и топографии г. Полоцка, можно отметить следующее:

1. Данные о городских архитектурных и топографических объектах представлены в «Сборнике» преимущественно в материалах актовых книг Полоцкого магистрата XVI—XVII вв., а также в хронологических записях середины — второй половины XVIII в., объединённых под общим названием — «Дневникъ Полотскаго Софийскаго монастыря, начатый въ 1746 г. ».

2. Исторические акты, содержащие информацию об объектах градостроительства и топографии г. Полоцка, представлены преимущественно в томах 1, 3, 10, 13 «Сборника» и охватывают исторический период второй половины XVI — конца XVIII в. Краткие упоминания некоторых объектов содержатся также в томах: 5 (Свято-Николаевский кафедральный собор) [3, с. 119]; 6 (Полоцкий Софийский собор) [4, с. 53]; 7 (Спасская церковь Спасо-Евфросиниевского монастыря) [5, с. 308]; 14 (Полоцкий иезуитский коллегиум) [8, с. 126]. Оригинальные тексты документов в «Сборнике» написаны на русском, польском и латинском языках.

3. Несмотря на разнородность и фрагментарность сведений, данные, содержащиеся в магистратских актах и хрониках, опубликованных в составе «Археографического сборника», могут служить дополнительным документальным источником для исторических исследований древнейшего города Беларуси.

Список литературы и источников

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: П. Гильтебрандт, А. Миротворцев. — Вильно: Печатня губернского правления, 1867. — Т. 1. — 409 с.

2. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: А. Миротворцев. — Вильно: Печатня губернского правления, 1867. — Т. 3. — 365 с.

3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: О. Щербицкий., А. Демьянович. — Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1871. — Т. 5. — 136 с.

4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: А. Демьянович., Ф. Елеонский., Ф. Смирнов. — Вильно: Типография О. Блюмовича, 1869 — Т. 6. — 411 с.

5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: П. Гильтебрандт., А. Миротворцев. — Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1870. — Т. 7. — 376 с.

6. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: О. Щербицкий, О. Добрянский. — Вильно: Типография О. Блюмовича, 1874. — Т. 10. — 392 с.

7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: Ю. Крачковский. — Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1902. — Т. 13. — 235 с.

8. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост.: Д. Довгялло. — Вильно: Типография А. Г. Сыркина. 1904. — Т. 14. — 229 с.

9. Довнар, Т. И. Бониция / Т. И. Довнар // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. — Т. 1. — С. 142.

10. Дук, Д. В. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным Ревизии 1765 года / Д. В. Дук // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А Гуманитарные науки. — 2015. — № 9. — С. 2—13.

11. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2010. — 180 с., іл.

12. Дук, Д. У. Сацыятапаграфічная структура і забудова Полацка ў XVII—XVIII стст. / Д. У. Дук // «ARCHE». — 2010. — № 3. — С. 7—61.

13. Кніга магістрата места Полацка 1727 г. / Беласток: Беларускае навуковае таварыства. Вільня: Інстытут беларусістыкі; склад.: А. М. Латушкін, М. Дз. Макараў. — Вільня, Беласток, 2014. — 405 с.

14. Полацкая рэвізія 1552 года // «ARCHE» (тэматычны дадатак). — 2011. — № 5. — 271 с.

15. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX—XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV—XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2012. — 743 с.: ил.

16. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. — Мінск: Беларуская навука, 1998. — 183 с., іл.

17. Тарасаў, С. В. Полацкі базыльянскі кляштар / С. В. Тарасаў // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. — Т. 2. — С. 206.

18. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. — Москва: Наука, 1973. — 304 с.

19. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX—XIII вв.) / Г. В. Штыхов. — Минск: Наука и техника, 1975. — 133 с., ил.

Т. В. Бараненко

ПЛАТЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ВВЕДЕНИЕ

Гардероб женщины всегда трудно себе представить без многочисленных вешалок с разнообразными видами одежды, ведь с давних времён женщинам свойственно желание красиво одеваться, выглядеть более привлекательной в глазах окружающих.

Одним из наиболее простых способов выигрышно показать достоинства и скрыть недостатки фигуры женщины считают ношение платья. Ношение платьев наиболее практично и рационально (не нужно думать о сочетании «верха» и «низа»). Эти особенности данного вида одежды известны не только современным женщинам, но и модницам прошлого века.

Целью данной статьи является общий обзор, научная характеристика и систематизация коллекции платьев второй половины XX века из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее НПИКМЗ).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В фондах НПИКМЗ хранится коллекция платьев второй половины XX века. Данная коллекция сложилась в результате комплектования фондов музея-заповедника на протяжении 1976—2015 гг. и по состоянию на 1 января 2016 г. насчитывает 40 единиц, находящихся на постоянном хранении (за 39 лет почти по одному платью в год).

Хронологические рамки коллекции охватывают советский период, а конкретно — вторую половину XX в. В свою очередь, вторую половину XX в. условно можно разделить на отдельные промежутки времени согласно политическим, социально-экономическим и модным тенденциям последних [6, с. 43—54] (*см. таблицу*).

Таблица. Периодизация второй половины XX века и соотношение единиц в коллекции согласно данной периодизации

Период	*Краткая характеристика периода*	*Количество единиц в коллекции согласно периодизации фондов НПИКМЗ*
вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг.	Послевоенное время. Восстановление народного хозяйства. Появление нарядных платьев из крепдешина и штапеля в цветочек, с юбками-клёш, плиссированными от талии юбками.	2
вторая половина 50-х — 1960-е гг.	«Хрущёвская оттепель». Проникновение западного стиля: фасоны платьев с длиной «мини»: обсолютно простого кроя «трапеция», без акцента на талии, излишней отделки и перегруженности деталями (фасон «футляр»). В моде также фасон силуэта «песочные часы»: узкий, облегающий лиф, акцент на талию и юбка-колокол.	5 (1960-е — 1970-е гг. — 4) Всего — 9 единиц
1970 — середина 1980-х гг.	Период «застоя». Мода на платья-рубашки, деловые платья, платья с длинным широким рукавом с манжетой или коротким рукавом — «фонарик», платья из лёгких тканей с цветочным принтом с просторными юбками.	5 (1970-е — 1980-е гг. — 8) Всего — 13 единиц
1985 — начало 1990-х гг	Период «перестройки». Товарный дефицит в СССР. Мода на платья с рукавами фасона «летучая мышь» и узкими длинными манжетами от запястья до локтя, с длинной юбкой или короткой юбкой-мини.	6 (1980-е — 1990-е гг. — 9) Всего — 15 единиц
1990-е гг.	Распад СССР и возникновение суверенных государств. Господство стиля «унисекс», минимализма и «экологического стиля» в моде. В моде платья-футболки с принтом и широкими плечами, платья с плиссированными юбками.	1

Рис. 1. Карта локализации единиц коллекции платьев второй половины XX в. из фондов НПИКМЗ

В процессе научной характеристики и систематизации коллекции были использованы методы общенаучного (анализ, синтез, дедукции, индукции, сравнения и описания) и исторического познания. В частности был применён историко-генетический метод, который позволил на основании визуальной информации и изучения историографических исследований распределить предметы коллекции согласно периодизации советского периода в истории СССР и представить результат в виде таблицы [2, с. 387—388].

Коллекция платьев НПИКМЗ является разновозрастной. В неё включены предметы как гардероба взрослого (26 единиц), так и детского (в том числе и подросткового) — 14 единиц. Среди детских платьев следует отметить школьные платья советских девочек (5 единиц), которые в сочетании с белым или чёрным передником составляли комплект школьной формы. Платья изготовляли из шерстяной ткани коричневого цвета, отрезными по талии, с застёжкой спереди на пуговицы. Такое платье в комплекте с передником белого или чёрного цвета выглядело более нарядным и современным, если было украшено воротничком и манжетами согласно последним

веяниям моды [3, с. 3]. Воротник и манжеты в школьных платьях были белого цвета и могли быть выполнены в разных техниках (вязание крючком, ришелье, шитьё и т. д.). В школьных платьях из коллекции НПИКМЗ воротник и манжеты выполнены из фабричной ткани (креп, органза). В большинстве случаев, для удобства ношения и стирки воротник и манжеты школьных платьев являлись съёмными.

В музейном собрании заповедника хранятся платья в основном производства СССР и, в частности, БССР. В коллекции представлены платья, выпущенные на швейных предприятиях следующих городов БССР: Полоцк, Брест, Гомель, Молодечно (*рис. 1*).

Рис. 2. Платье производства Полоцкой швейной фабрики Министерства лёгкой промышленности БССР. 1970 — середина 1980-х гг.

Таким образом, 18 единиц коллекции были выпущены на швейных предприятиях БССР, в их числе — 14 — произведены в г. Полоцк,. 9 из 14 платьев произведены на Полоцкой швейной фабрике Министерства лёгкой промышленности БССР. Здание фабрики размещалось по адресу: г. Полоцк, ул. Октябрьская, 25 [1, л. 45]. На сегодняшний момент по данному адресу размещаются цеха и администрация правопреемника Полоцкой швейной фабрики — ОАО «Мона», которое в 2013 г. вошло в состав ОАО «Моготекс» (г. Могилёв) и стало его филиалом [4]. Продукция Полоцкой швейной фабрики представлена в коллекции женскими и детскими платьями весенне-летнего сезона, выполненными из лёгких хлопчатобумажных тканей яркой цветовой гаммы (ситец, бязь, штапель) (*рис. 2*). У оставшихся 5 платьев производственное предприятие не локализовано.

Следует также отметить, что у 12 единиц коллекции не имеется точной локации места производства. Учитывая этот факт, 12 единиц

Рис. 3. Платье женское индивидуального пошива. Вторая половина 1950-х — 1960-е гг.

коллекции мы можем территориально отнести как к произведённым в СССР.

Многие советские женщины не только приобретали изделия отечественной и зарубежной лёгкой промышленности, но и могли шить их своими руками. Бесспорно, умеющая шить женщина всегда находится в лучшем положении, чем та, которая вынуждена пользоваться услугами предприятий индивидуального пошива или торговой сети. У неё больше возможностей выразить свой вкус, дать волю фантазии, изобретательности, быть не похожей на других [5, с. 3]. В рассматриваемой коллекции присутствуют платья индивидуального пошива в количестве 10 единиц.

Среди платьев индивидуального пошива наибольший интерес представляют четыре музейных предмета, датированные второй половиной 50-х — 1960-ми гг. Первое платье (КП-21 28686) представляет собой женскую плечевую одежду, отрезную по талии, с откладным воротником, коротким рукавом «фонарик» на манжете и полуклёшной юбкой. Платье выполнено из домотканой ткани и украшено изображением стилизованных цветов с листьями и бутонами, выполненными в технике «вышивка гладью» разноцветными нитками (*рис. 3*).

К платьям индивидуального пошива относится также три платья, местом происхождения которых является д. Емельяники Полоцкого района. Два из них представляют собой отрезную по талии женскую плечевую одежду с короткими рукавами и откладным воротником. Одно платье (КП-21 34556) выполнено из фабричной ткани светло-розового цвета и по подолу украшено вышитыми кленовыми листьями зелёного цвета. Второе платье (КП-21 34557) сшито из фабричной ткани бирюзового цвета и по подолу украшено вышитыми гроздьями винограда с зелёными листьями (*рис. 4*).

Рис. 4. Платье женское индивидуального пошива. Вторая половина 1950-х — 1960-е гг.

Третье платье (КП-21 34555) представляют собой отрезную по талии женскую плечевую одежду с длинными рукавами, с манжетами белого цвета. По горловине и плечах платье украшено разноцветной вышивкой растительного характера (цветы с листьями) и неширокими оборками в тон изделия. Платье является свадебным (*рис. 5*).

Приведённые выше предметы и их описания могут быть использованы при рассмотрении трансформации женской традиционной народной одежды конца XIX — начала XX в. в условиях советской моды второй половины 50-х — 1960-х гг. XX в.

Коллекцию платьев второй половины XX века НПИКМЗ можно также охарактеризовать с точки зрения функциональности (применения, использования, ношения). Так, большая масса единиц коллекции (34) — это платья для повседневного ношения. Коллекция включает также форменные изделия — школьные платья (5 единиц) и одно праздничное — свадебное (КП-21 34555).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одежда в общем и палатья в частности, являясь материальным источником информации, отражающим тот или иной исторический период в развитии любого общества, заслуживают глубокого и всестороннего изучения. В связи с этим коллекция платьев второй половины XX века в фондах НПИКМЗ оправдывает своё существование и целесообразность пополнения. Дальнейший сбор музейных предметов с целью пополнения коллекции можно вести по следующим направлениям:

Рис. 5. Платье свадебное индивидуального пошива. Вторая половина 1950-х — 1960-е гг.

— пополнение коллекции платьями, что датируются второй половиной 1940-х — началом 1950-х гг. в связи с их малой представленностью в коллекции на сегодняшний момент (только 2 единицы);

— пополнение коллекции платьями периода 1990-х гг. в связи с их малой представленностью в коллекции на сегодняшний момент (только 1 единица);

— сбор музейных предметов на территории современной Витебской области с целью получения лучшей территориальной репрезентативности;

— при сборе музейных предметов для коллекции платьев уделять внимание платьям наиболее характерным тому или иному периоду советской истории;

— при сборе музейных предметов для коллекции учитывать сезонность (в настоящий момент большую часть коллекции составляют платья сезона «Весна-Лето»).

Список литературы и источников

1. Баланс по основной деятельности производственного объединения (предприятия) на 1 января 1979 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцк. — Ф. 2170. — Оп. 1. — Д. 230. — Л. 45—48об.

2. Гринин, Л. Е. Методы исторического исследования / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин // Теория и методология истории: учебник для вузов / ответственные редакторы: В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. — Волгоград: Учитель, 2014. — Гл. 19. — С. 386–408.

3. Еременко, Т. Для школы / Т. Еременко, И. Крутикова, Т. Леснова. // Бесплатное приложение к журналу «Работница». — № 8, 1980. — С. 1.

4. История компании [Электронный ресурс] / ОАО «Моготекс». — Режим доступа: http://mogotex.com/about/history/. — Дата доступа: 20.01.2016.

5. Мартопляс, Л. В. Курсы кройки и шитья на дому / Л. В. Мартопляс, Г. В. Скачкова. — Минск: Полымя, 1989. — 335 с.

6. Старикова, Ю. А. История и индустрия моды. Конспект лекций. / Ю. А. Старикова. — М.: А-Приор, 2009. — 128 с.

І. П. Воднева

ФЕНОМЕН АСОБЫ Ў ФАРМІРАВАННІ МУЗЕЙНЫХ КАЛЕКЦЫЙ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПЕРЫЯДЫЧНЫХ ВЫДАННЯЎ З ФОНДАЎ НПГКМЗ)

Адным з асноўных відаў дзейнасці музея з'яўляецца камплектаванне яго фондаў, якое працягваецца на ўсіх этапах існавання музея і вядзецца шляхам адбору з навакольнага асяроддзя разнастайных па знешнім выглядзе і прызначэнні прадметаў [5, с. 53]. Граматная селекцыя дазваляе структурна адлюстраваць свет рэчаў, адносін да іх людзей, згрупаваць прадметы вакол грамадска значымых падзей, біяграфій, з'яў. У працэсе камплектавання не заўсёды музейныя спецыялісты з'яўляюцца ініцыятарамі адбору прадметаў. У асобных выпадках музейны збор папаўняецца прадметамі, якія выдзелены з асяроддзя калекцыянерамі-аматарамі. Як знакавыя крыніцы інфармацыі і паказчыкі той або іншай эпохі, прадметы адбіраюцца з улікам суб'ектыўных поглядаў асобы на разнастайныя падзеі ці з'явы. Гэта можна праілюстраваць на прыкладзе калекцыі газет XX ст. з фондаў Музея-запаведніка.

У 1950—1970 гг., у перыяд існавання Савецкага Саюза, адной з галоўных задач збору перыядычных выданняў быў пошук матэрыялаў, якія б раскрывалі сутнасць гарманічна развітага сацыялістычнага грамадства, станоўчых бакоў як эканамічнай, так і сацыяльнай палітыкі. Фонды Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка папаўняліся газетамі, якія ўтрымлівалі звесткі пра найбольш яскравыя падзеі, што адбываліся як у краіне ў цэлым, так і жыцці непасрэдна Полаччыны. Змест газетных артыкулаў і паведамленняў распавядаў пра палачан — удзельнікаў з'ездаў, партканферэнцый, перадавікоў вытворчасці і сельскай гаспадаркі. У канцы 1980-х — пачат-

ку 1990-х гг. у сувязі з правядзеннем у краіне шэрагу рэформаў, са зменамі ў грамадскім жыцці, адбылася пераацэнка многіх каштоўнасцяў. Развіццё дэмакратыі дало калекцыянерам большую свабоду выбару. Змены адбыліся і ў камплектаванні фондаў Музея-запаведніка. Ад прыватных асоб сталі паступаць новыя прадметы музейнага значэння, сярод якіх значнае месца займалі перыядычныя выданні. У выніку была сабрана вялікая калекцыя газет, якая ўжо на канец 2009 г. налічвала 1630 адзінак захоўвання (1593 — асноўнага фонду, 37 — навукова-дапаможнага фонду). У наступныя гады камплектаванне перыядычных выданняў працягвалася, але ў асноўным гэта былі адзінкавыя нумары, звязаныя з выдатнымі падзеямі ці асобамі Полаччыны.

Аналіз музейнага збору дазволіў вылучыць некалькі асоб, якія перадалі вялікія калекцыі перыядычных выданняў розных часоў. Кожны збор мае свае асаблівасці ў залежнасці ад калекцыянера-здатчыка. Першая калекцыя, якая заслугоўвае ўвагі — гэта матэрыялы палачаніна, Заслужанага настаўніка БССР *Мікалая Аляксандравіча Маніса* (1912—1996). Падчас працы ў школе ён праводзіў вялікую пошукавую і краязнаўчую працу. Валодаючы здольнасцямі пісьменніка, ён стаў аўтарам некалькіх дзясяткаў нарысаў і кніг па гісторыі Полаччыны, быў саўтарам гісторыка-дакументальнай хронікі «Памяць. Полацк» і «Памяць. Полацкі раён». У 1960-я гг. Мікалай Маніс разам са сваімі аднадумцамі стаяў ля вытокаў стварэння Полацкага гарадскога аддзялення таварыства аховы помнікаў даўніны і мастацтва. У 1960—1980-я гг. М. А. Маніс займаўся пошукам палачан-рэвалюцыянераў, іх родных ці таварышаў, з якімі вёў актыўнае ліставанне. Ім была сабрана вялікая калекцыя матэрыялаў па гісторыі краю першай паловы XX ст. У выніку ў фонды запаведніка паступіла шмат мемарыяльных прадметаў, сярод якіх значную частку займалі газеты (104 экзэмпляры). Найбольшую музейную каштоўнасць прадстаўляюць 20 нумароў газеты «Известия армейского совета солдатских депутатов 3 Армии, Полоцкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», датаваных студзенем-лютым 1918 г., і два нумары газеты «Чырвоная Полаччына» за 1926 г. [2, с. 103].

У час Вялікай Айчыннай вайны Мікалай Аляксандравіч ваяваў на Полаччыне ў складзе 3-й Беларускай брыгады. Ён прымаў актыўны ўдзел не толькі ў баявых аперацыях, але і з'яўляўся супрацоўнікам полацкай раённай падпольнай газеты «Большавіцкі шлях», з якой падтрымліваў сувязь і пасля вайны. У калекцыю М. А. Маніса ўвайшлі асобныя нумары газеты за 1943—1945 гг., што распаўсюджвалася сярод жыхароў акупіраванай фашыстамі тэрыторыі, а таксама станок падпольнай друкарні [2, с. 83].

Такім чынам, дзякуючы намаганням полацкага краязнаўцы Мікалая Аляксандравіча Маніса ў фонды НПГКМЗ трапілі даволі рэдкія прадметы

музейнага значэння, якія з кожным годам набываюць усё большую каштоўнасць. Газеты першых гадоў савецкай улады, часоў беларусізацыі і перыяду акупацыі Полаччыны ў гады Вялікай Айчыннай вайны з'яўляюцца каштоўнымі крыніцамі па гісторыі краю. Менавіта гэты прадметы, перададзеныя А. М. Манісам, склалі аснову навуковых каталогаў «Газеты 1917—1940 гг., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі, з фондаў НПГКМЗ» і «Газеты 1941—1945 гг., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі, з фондаў НПГКМЗ».

Сярод іншых асабістых калекцый музея-запаведніка неабходна выдзеліць збор друкаваных выданняў і рукапісаў вядомага беларускага журналіста Алеся Лявонцьевіча Матусевіча (1902—1985), удзельніка партызанскага руху і арганізатара падпольнай друкарні на Міншчыне ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Калекцыя паступіла ў музейны збор ад родных А. Л. Матусевіча ў 1988 г. пасля яго смерці. Сярод перададзеных прадметаў была і ўнікальная калекцыя газет XX ст. У 1924 г. Алесь Лявонцьевіч звязаў сваё жыццё з журналістыкай. У той жа час ён стаў мэтанакіравана збіраць рэдкія друкаваныя выданні [6]. Яго калекцыя газет уключае 53 адзінкі, большую частку якіх складаюць выданні часоў вайны (41 адз.). Асобую цікавасць прадстаўляюць рукапісныя газеты, якія выходзілі ў партызанскай брыгадзе «Штурмавая». Матэрыялы насценнай газеты пра баявыя аперацыі і паўсядзённае жыццё ў брыгадзе, зводкі Інфармбюро падтрымлівалі дух байцоў у барацьбе супраць нямецкіх захопнікаў. З-за цяжкасцяў у дастаўцы паперы і фарбаў выданне газеты было у той час сапраўдным подзвігам. Акрамя газет часоў вайны, сабраных А. Л. Матусевічам, заслугоўвае ўвагі падшыўка за 1907 г. першай легальнай беларускай газеты «Наша Ніва», а таксама газеты, якія выдаваліся беларускай дыяспарай у Беластоку ў пасляваенны час [1, с. 78]. Такім чынам, друкаваныя і рукапісныя газеты з калекцыі А. Л. Матусевіча, маючы ў асноўным добрую захаванасць, адносяцца да прадметаў музейнага значэння, якія характарызуюць ключавыя перыяды гісторыі нашай краіны і могуць яскрава іх праілюстраваць у музейнай экспазіцыі.

Калекцыя газет з фондаў НПГКМЗ уключае не толькі выданні мінулага. Даволі вялікую частку складаюць сучасныя выданні. Шырокі выбар прымушае ўсебакова разглядзець кожны прадмет, перш чым зрабіць заключэнне аб яго музейным значэнні і мэтазгоднасці ўключэння ў музейны збор. Дапамагаюць у гэтым музейным спецыялістам калекцыянеры-аматары. Так, у 2005 г. навапалачанін Анатоль Паўлавіч Бясперстых перадаў Музею-запаведніку 99 нумароў газет канца XX — пачатку XXI стст. Гэтыя прадметы характарызуюць пераломны этап у гісторыі савецкага грамадства. А. П. Бясперстых, чалавек з вялікім жыццёвым вопытам і дапытлівым розумам, змог вылучыць сярод мноства перыядычных выданняў тыя, якія

найбольш рознабакова прадставілі жыццё пэўнага адрэзку часу. У фонды НПГКМЗ паступіла тры асобныя калекцыі: «Калекцыя газет, выдадзеных на Полаччыне ў пачатку 1990-х гг.» (24 адз.), «Калекцыя газет, прысвечаных юбілейным датам і знакамітым асобам» (11 адз.) і «Калекцыя першых нумароў газет, выдадзеных на Беларусі ў канцы XX — пачатку XXI стст. » (41 адз.). Пры адборы прадметаў улічваліся не толькі час выдання, іх захаванасць і тыраж, але і інфарматыўнасць, і першаснасць. На фарміраванне калекцыі ўплывала і асоба самога калекцыянера, які з'яўляецца даволі неардынарным чалавекам. Анатоль Паўлавіч па адукацыі філолаг, ён 45 гадоў прысвяціў педагагічнай дзейнасці. Зацікаўленасць літаратурай дала яму магчымасць і самому стаць аўтарам 15 паэтычных зборнікаў, складальнікам двух слоўнікаў фразеалагізмаў і эпітэтаў, стваральнікам школьнага музея. А. П. Бясперстых, будучы членам Полацкага літаратурнага аб'яднання «Надзвінне», акрамя калекцыі газет, перадаў музею-запаведніку болей за 40 зборнікаў твораў мясцовых аўтараў, у выданні якіх удзельнічаў асабіста як карэктар і ўкладальнік.

Сёння частка газет, сабраных М. А. Манісам, А. Л. Матусевічам і А. П. Бясперстых, экспануецца ў музеях НПГКМЗ: Музей беларускага кнігадрукавання — 31, Краязнаўчы музей — 9, Музей баявой славы — 6, Музей-кватэра З. М. Тусналобавай-Марчанка — 1. За 2003—2006 гг. было складзена чатыры каталогі газет, выдадзеных на тэрыторыі Беларусі з к. XIX ст. па 1979 г. [4, с. 98]. Агульная колькасць вывучаных выданняў склала 405 адзінак захоўвання.

Такім чынам, у працэсе селекцыі выключную ролю іграе феномен асобы збіральніка калекцыі. Адабраныя з улікам індывідуальных поглядаў людзей, прадметы характарызуюць не толькі асобу збіральніка, але і ўвогуле погляды соцыума, часткай якога з'яўляюцца калекцыянеры. На адбор прадметаў аказвае ўплыў прафесійная прыналежнасць асобы, яго ўласныя інтарэсы. Пошукавая работа калекцыянераў вядзецца мэтанакіравана і дасканала, у выніку чаго фонды Музея-запаведніка папаўняюцца рэдкімі і ўнікальнымі прадметамі. Своечасовы адбор перыядычных выданняў дапамагае захаваць асобныя нумары газет, якія з'яўляюцца асабліва каштоўнымі крыніцамі інфармацыі пэўнага часу. Збіральнікі ўжо падчас набыцця прадметаў разумеюць каштоўнасць гэтых матэрыялаў і лепшым месцам іх захавання бачаць музеі. Перадача такіх калекцый у музейныя фонды робіць апошнія найбольш поўнымі і дае магчымасць пры неабходнасці прадставіць тую ці іншую гістарычную эпоху ў музейнай экспазіцыі. На прыкладзе трох асобна ўзятых калекцый Музея-запаведніка можна прасачыць, як суб'ектыўны фактар адбору калекцыянерам прадметаў уплывае на камплектаванне музейных фондаў і далейшую іх прэзентацыю.

Спіс літаратуры

1. Воднева, І. П. Газеты ў фондах НПГКМЗ. Каталог. Частка І. Газеты XIX— пач. XX стст., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі / І. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай працы ў 2003 г.); уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: НПГКМЗ, 2004. — С. 77—97.
2. Воднева, І. П. Газеты ў фондах НПГКМЗ. Каталог. Частка ІІ. Газеты 1917—1940 гг., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі / І. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай працы ў 2004 г.) уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: НПГКМЗ, 2005. — С. 103—113.
3. Воднева, І. П. Газеты 1941—1945 гг., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі, у фондах НПГКМЗ / І. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай працы ў 2005 г.); уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: НПГКМЗ, 2006. — С. 82—130.
4. Воднева, І. П. Газеты 1946—1979 гг., надрукаваныя на тэрыторыі Беларусі, у фондах НПГКМЗ / І. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай працы ў 2006 г.); уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: НПГКМЗ, 2007. — С. 91—156.
5. Левыкина, К. Г. Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. — Москва: Высшая школа, 1988.
6. Песіна, І. Я. Калекцыя Алеся Матусевіча ў фондах НПГКМЗ / І. Я. Песіна. — Рукапіс. — 12 с.

С. В. Гаврилова

ПОЛОЦКИЙ СПАССКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Жизни одного из древнейших белорусских монастырей — Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря — посвящено множество различных изданий. Среди книг, вышедших в последние годы, стоит отметить «Монастырь у церкви Спаса. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь с древности до наших дней» — очерк истории обители, составленный насельницами монастыря. В книге «Евфросиния Полоцкая» цикла «Святые» содержится много фактов и гипотез, связанных с личностью преп. Евфросинии Полоцкой, с судьбой бесценных реликвий, ставших на-

циональным достоянием белорусского народа, а также монастырей, основанных княжной-монахиней. Юбилейное издание «Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские торжества 1910 года» посвящено не только хронике событий возвращения мощей преподобной в Полоцк; оно содержит также обзор истории обители со времён Евфросинии до наших дней. Но на сегодняшний день мало изученным остаётся 10-летний период: с 1915 г., когда сёстры и имущество монастыря были эвакуированы в Ростов-Великий, до середины 1920-х гг., когда монастырь был официально закрыт властями. Лишь узкому кругу специалистов известно, что при монастыре в тот период существовал детский дом, который находился в ведении отдела народного образования, но учителями и воспитателями в котором служили монахини. Основой исследования существования этого заведения стали мемуары бывшей воспитаницы детского дома Ариадны Фаддеевны Червинской, записанные её сыном Олегом Алексеевичем Лукьянченко в 1990-х гг., а также воспоминания её матери Софьи Петровны Червинской.

В апреле 1918 г. в помещениях Спасо-Евфросиниевского монастыря был открыт первый в городе детский приют. В период оккупации Полоцка немецкими войсками (февраль—ноябрь 1918 г.) он содержался исключительно на деньги монастыря. Сразу после освобождения города, с ноября 1918 г., заведение перешло в ведение Полоцкого отдела социального обеспечения. С 27 июня 1920 г. бывший приют, преобразованный в I Детский дом, был переведён в ведение Уездного отдела народного образования (УОНО) при Полоцком Наробразе, а 8 марта 1922 г. решением Коллегии УОНО был переименован в детский дом имени III-го Интернационала. В конце июня 1922 г., когда было проведено сокращение числа дошкольных учреждений города и уезда, дом имени III-го Интернационала попал в число сохранённых детских домов Полоцка наряду с Евкоммуной и детским домом имени I-го Мая [1].

По свидетельству С. П. Червинской, работавшей в школе при детдоме с 1922 г., «в 1920 г. закончилась ужасная гражданская война. Полоцк жестоко пострадал от неё. Край был разорён, погибло много людей и очень много осталось сирот, о которых некому было заботиться. Война сопровождалась, кроме бедствий войны, ещё очень сильной эпидемией сыпного тифа. В эти годы очень много подбрасывали детей, и новорождённых, и постарше. Их подбирали и ухаживали за ними оставшиеся в Спасе монашенки, а когда жизнь начала налаживаться, их взяли в детдома, а детей постарше оставили и сделали из них детдом в ведении Отнароба» [4, с. 1].

В детдоме при монастыре воспитывались дети в основном от 4 до 16 лет, хотя поначалу принимали и детей до года (в 1919 г. таковых было 4). Не все дети были сиротами. У некоторых воспитанников имелся хотя бы

один из родителей или иные родственники, но из-за бедственного положения они не могли содержать своих детей, о чём свидетельствуют заявления, адресованные УОНО, с просьбами принять детей в детдома [1].

Из года в год количество воспитанников в монастырском детдоме увеличивалось. В 1919 г. в приюте находилось 30 детей, в 1920 г. — 40, в 1921 г. — 47, в 1922 г. — 52. В 1923 г. в детский дом поступило почти такое же количество детей, как за все предыдущие годы: число воспитанников с 53 увеличилось до 69. Связано это было с тем, что детдом при монастыре в тот год принимал детей из голодающих семей Поволжья, а также из расформированного детского дома I-й пограндивизии [1].

В архивных документах сохранилось упоминание лишь об одном случае побега из монастырского детского дома. В июне 1923 г. из детдома ушла 8-летняя девочка Оля Сивохо, по словам детей, к своей матери в Дриссу, но вскоре была доставлена обратно [1].

По документам полоцкого УОНО в 1919 г. заведующей тогда ещё приютом была настоятельница монастыря игуменья Елена (Елена Александровна Волкова), помощницей заведующей — казначея Лариса (Александра Захаровна Ксюнина). С 1920 по 1922 г. обязанности заведующей детским домом были возложены на А. З. Ксюнину [1]. По воспоминаниям А. Ф. Червинской, «официально заведующей была матушка Лариса. При ней детдом процветал и считался лучшим в Полоцком округе» [3, с. 3]. С. П. Червинская была более смелой в суждениях: «Матушка Лариса (монашеское имя А. З. Ксюниной) была заведующей этим домом в течение шести лет и, по отзывам многочисленных комиссий, приезжавших из Полоцка и из Москвы, его действительно можно было объявить первым по Сов. Союзу» [4, с. 2]. С 1923 г. должность заведующей занимала Мария Иосифовна Пашкевич. «Педагогическими служащими» (учительницы и руководительница) в основном были сами монахини или послушницы. «Технический персонал» составляли няни, прачки, стряпухи, «сторожихи», которыми в большинстве случаев также работали насельницы монастыря. Все служили бесплатно. Число служащих постоянно менялось. Если штат педагогов за время существования детдома увеличился с 3 до 4 человек, то штат технического персонала сократился до 1—2 [1].

Обязанности воспитания и обучения детей лежали непосредственно на руководительницах детских домов. Как и все работники просветительных учреждений, педагогические служащие детского дома при Спасском монастыре повышали свою квалификацию. Так, в июне 1923 г. от полоцкого УОНО на губернские курсы по переподготовке школьных работников командировали М. И. Пашкевич, занимавшую должности

заведующей детским домом имени III-го Интернационала и школьного работника в школе при детдоме [1].

Все детские дома обслуживались штатом врачей и лекпомов, насчитывавшим до 1923 г. 6 специалистов: 2 врача и 4 лекпома; после число их изменилось: 1 врач и 5 лекпомов. 1 и 2 октября 1923 г. фельдшер отдела УОНО Рейхтрудель провёл проверку санитарного состояния детских домов в Полоцке. В своём докладе он отметил: «в детском доме III-го Интернационала находилось 60 человек, из которых 5 человек одержимы резким малокровием с упадком питания, 2 рахитичных, 4 чесоточных, 1 с коньюктивитом и 1 со слепотой правого глаза. 20 человек за неимением достаточного количества кроватей спят по 2 на одной кровати. Изолятора нет, а чесоточные спят совместно со здоровыми. Дети, в особенности взрослые, несмотря на наступление холодов, посылаются на различные работы совершенно разутые и раздетые, вследствие чего у многих припухли конечности. В бане моются каждые 2 недели. Бельё как постельное, так и нательное имеется по 2 смены. Кухня и посуда содержатся опрятно. Продукты также хранятся в чистоте. Общее санитарное состояние удовлетворительное» [1]. Скученность, отмеченная в докладе, была вызвана переполненностью детдома. После оккупации белополяками в 1919—1920 гг. детей значительно прибавилось, и, рассчитанный на 50 воспитанников, детский дом не мог обеспечить всем комфортные условия.

По воспоминаниям А.Ф. Червинской, «никакого религиозного влияния на детей не оказывалось, и в церковь они не ходили. Отдавалась дань пролетарскому мировоззрению. К сельхозработам их также не привлекали. Но дети были приучены к труду. Уборка помещений, работа на кухне, мытьё посуды — всё это делалось их руками в порядке очерёдности. Чистота была идеальная. Учили их и рукоделиям, наряду с занятиями в школе, которая находилась в помещении детдома ... Воспитанники жили в большом 2- или 3-этажном доме, к которому вела широкая аллея (липовая?) от входных ворот монастыря. За домом были огороды, ручей. В этом доме располагались (на втором этаже) спальни, внизу кухня, столовая; в этом же здании проводились и занятия. Здесь же жили руководительницы монастыря. Рядом с домом был вход в большой фруктовый сад с чудесными яблоками апорт и антоновка» [3, с. 4].

В детском доме имени III-го Интернационала практиковалось полное самообслуживание детей, имелась детская организация — Детком. Со временем появилась и шефствующая организация. Договором от 18 января 1923 г. 13-й полк взял шефство над детским домом. Уже в марте завдетдомом писала комиссару полка: «Служащие вверенного Вам полка (политрук

и др.) часто посещают детский дом III-го Интернационала и разрешают себе вмешиваться в педагогическую и хозяйственную жизнь этого дома» [1].

Из доклада комиссии по осмотру учреждений дошкольного воспитания от 1 мая 1921 г.: «детский дом «Спас» — один из самых лучших детских домов во всём городе и уезде, не смотря на то, что домом заведует монахиня. Как санитарное, так и воспитательное положение детей заставляет желать ничего лучшего. Относительно пищи дети поставлены также в самые лучшие условия, какие только можно при настоящем положении республики. Но это сделано не благодаря Наробразу и ЕПО (*Единое потребительское общество — С. Г.*). Всё сделано собственными средствами — частью монастыря и главным образом Сельско-хозяйственным обществом при монастыре при главном участии игуменьи монастыря, отдающей всё, что только можно, на дело воспитания детей и сама принимает в нём очень большую долю участия. Несмотря на близость монастыря и участие игуменьи и монахинь в деле воспитания пролетарских детей, дети настроены в самом революционном коммунистическом духе и влияния церкви совершенно нет» [1]. Большое монастырское хозяйство (упомянутое выше Сельско-хозяйственное общество) было хорошим подспорьем для воспитанников дома. Установленные нормы продуктов на одного человека в день (хлеба — 1 фунт, крупы — 1\4, соли — 1\30, картофеля — 1\2, овощей — 1\2, мяса-рыбы и грибов — 1\25, клюквы — 1\8 и т.д.) были крайне малы. Месячный расход на содержание детского дома составлял 702 рубля 80 копеек, вещами — 57 рублей, мануфактуры — 114 аршинов (на 1923 г.). Помощь детским домам оказывала и «АРА» (*Американская Администрация помощи — С. Г.*): детдому при монастыре выделялось какао, сахар, молоко, мука, крупа, жиры, сукно, фланель, мусин, пуговицы, катушки [1].

Уроки в детском доме велись с детьми старшего возраста, причём основную массу составляли девочки, мальчиков было очень мало. Занимались русским языком, арифметикой, музыкой [2]. Учебные занятия проводились не только на территории монастыря. Детей водили на экскурсии, например, на мельницу и кирпичный завод, а также в центральные учебные мастерские, созданные для обслуживания всех школ для трудового воспитания и обучения. В детском доме был организован кружок по изучению природы. Целью кружка являлось изучение путём непосредственного наблюдения и опыта. Дети наблюдали за превращениями бабочки, лягушки, наблюдали за жизнью улитки и других обитателей ближнего пруда. Ребята составляли гербарии, для чего под руководством воспитательниц засушивали растения. Воспитанники вели 2 диаграммы для ежедневного измерения теневой температуры в установленное время

дня и ежедневной отметки солнечных и пасмурных дней в течение лета. Были организованы занятия с детьми и на общем огороде, индивидуальных грядках, в саду и поле [1].

«Коллектив преподавателей был дружный, талантливый. Развивалась художественная самодеятельность. Ставились живые картины и спектакли, преимущественно на сказочные сюжеты. Сценарии к спектаклям обычно писала С. Червинская. У неё, несомненно, был писательский талант, и много сказок она сочинила сама. Эти спектакли получали высокую оценку со стороны городского начальства», — вспоминала А. Ф. Червинская [2, с. 3].

В 1924 г. монастырь был закрыт. Детский дом имени III-го Интернационала был расформирован. Большинство детей перевели в другие детдома. «В 1924 г. все детдома г. Полоцка перевели куда-то в пограничную полосу (в 8 км от границы). Я осталась в Спасе, преобразованном в сельхозартель», — напишет позже бывшая учительница монастырской школы. «Доверять работу по воспитанию детей монахине — это было несовместимо с коммунистической идеологией, проповедующей воинственный атеизм. Вскоре … Спасский детдом перевели из монастыря в город», — рассказывала бывшая воспитанница детдома [3, с. 5]. Несколько девочек старшего возраста, 15—16 лет, пожелали остаться с монахинями и стали вместе с ними членами сельскохозяйственной артели «Пеньки», образованной в 20 км от города.

Просуществовав всего несколько лет, детский дом при Спасо-Евфросиниевском монастыре стал одним из лучших учреждений народного образования в городе и уезде. Поддерживая традиции просвещения, заложенные ещё в XII в. основательницей монастыря Евфросинией Полоцкой, сёстры и послушницы не ограничивались в образовании детей только школьными занятиями. Большое внимание уделялось духовному и эстетическому воспитанию и развитию ребят без навязывания религиозного мировоззрения. В тот сложный период, когда народное хозяйство и экономика республики находились в бедственном положении, большим подспорьем в материальном благополучии воспитанников было собственное хозяйство монастыря. В Спасском детском доме сложились наилучшие условия для воспитания и образования детей, по большинству своему, сирот. И только политика атеизма, проводимая советской властью, разрушила уклад монастырской жизни и судьбы воспитанников детдома и их воспитателей.

Источники

1. Дела о работе дошкольных учреждений Полоцкого уезда 1920—1923 гг. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 141, 164, 166, 180, 207, 211—212, 224.
2. Переписка с О. А. Лукьянченко // Рукопись. — Ростов-на-Дону—Полоцк, 2011 г. — 9 с.
3. Червинская, А. Ф. Мемуары / А. Ф. Червинская // Рукопись. — Ростов-на-Дону, 2009. — 47 с.
4. Червинская, С. П. Воспоминания / С. П. Червинская // Рукопись. — Ростов-на-Дону, 1978. — 3 с.

В. М. Даўгун

ФАТАГРАФІІ ПОЛАЦКА 1941—1950 ГГ. З МУЗЕЙНАГА ЗБОРУ НПГКМЗ

Фатаграфіі часта называюць нямымі сведкамі гісторыі, таму што найважнейшай уласцівасцю фотаздымкаў з'яўляецца дакладнасць, сапраўднасць адлюстраваных падзей.

У музейным зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ёсць невялікая калекцыя фотаздымкаў з відамі Полацка 1941—1950 гг., самага складанага і трагічнага дзесяцігоддзя XX ст. у жыцці горада і краіны.

Па зразумелых прычынах фатаграфій гэтага часу захавалася вельмі мала, таму цікавасць для нас уяўляюць не толькі арыгіналы, але і копіі. Фотаздымкаў з відамі горада 20—30-х гг. XX ст. у музейным зборы няма і верагодна ўвогуле іх існуе вельмі мала. Гэта тлумачыцца тым, што да 1940 г. фатаграфаваць у Полацку, які быў горадам пагранічным, забаранялася.

Фотаздымкі з адлюстраваннем горада Полацка 1941—1950 гг. паступалі ў фонды НПГКМЗ з архіва Беларускага Дзяржаўнага праектнага інстытута, ад прыватных асоб, з раней незарэгістраваных матэрыялаў, былі набытыя на інтэрнэт-аўкцыёнах. Збор утрымлівае фатаграфіі з калекцый матэрыялаў: Пятрова Георгія Сяргеевіча, былога сакратара Полацкага падпольнага райкама КПБ; Дэйніса Івана Пятровіча, выкладчыка Полацкага лясного тэхнікума; Глазунова Мікалая Пятровіча, галоўнага архітэктара горада 1946—1969 гг. Даціроўка фотаздымкаў недакладная, часта вельмі шырокая,

Мал. 1. Нямецкія сапёры падчас узнаўлення пешаходнага маста праз З. Дзвіну 1941 г.

ці ўвогуле адзначана як «пасляваенная». Многія фотакопіі шматразова дубліруюцца. Пытанні выклікае і атрыбутаванне адлюстраваных вуліц і будынкаў, шмат з якіх не захавалася.

У канцы 1930-х гг. Полацк з'яўляўся прамысловым і культурным цэнтрам на паўночным захадзе рэспублікі, у якім пражывала больш за 29 тысяч жыхароў. Да пачатку 1940 г. у Полацку было 90 прамысловых прадпрыемстваў, працавалі 3 электрастанцыі і амаль было завершана будаўніцтва новай, чацвёртай. У горадзе было 2 бальніцы, 2 паліклінікі. Працавалі 109 магазінаў, 11 сталовых і рэстаранаў. У горадзе было 6 дзіцячых ясляў і 12 дзіцячых садоў. У 1940—1941 навучальным годзе працавалі 16 агульнаадукацыйных і 2 вячэрнія школы, будаўнічы і лясны тэхнікумы, школьнае і дашкольнае педвучылішчы. Перад Вялікай Айчыннай вайной у Полацку працавалі 11 клубаў, Дом настаўніка, гарадскі тэатр, кінатэатр «Інтэрнацыянал», 9 масавых бібліятэк, краязнаўчы музей. Амаль усё створанае гадамі напружанай працы было разбурана ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Нягледзячы на гераічную абарону горада войскамі Полацкага баявога ўчастка, 16 ліпеня 1941 г. фашысты, валодаючы велізарнай перавагай у сілах і сродках, захапілі Полацк. З першых дзён акупацыі горад увайшоў у зону армейскага тылу групы армій «Цэнтр» і заставаўся ў ёй да вызвалення.

У музейным зборы ёсць фотаздымкі 1941—1942 гг., якія былі знойдзены і набыты на нямецкім інтэрнэт-аўкцыёне супрацоўнікамі Музея баявой славы.

На пяці фотаздымках, выкананых нямецкімі афіцэрамі і салдатамі, адлюстраваны вуліцы ці асобныя будынкі Полацка. Два фотаздымкі з відам

на цэнтральную частку горада з левага боку Заходняй Дзвіны (КП21-29707, КП21-29712). На першым плане аднаго з іх — выява нямецкіх сапёраў падчас узнаўлення пешаходнага маста праз раку (*мал. 1*). Адзін з фотаздымкаў (КП21-29716) адлюстроўвае трох нямецкіх салдат са спіны каля часовага маста ў Полацку. Удалечыні бачны правы бераг Заходняй Дзвіны з адзінаверніцкай царквой Святога Духа. Гэтая ж царква адлюстравана і на другім фотаздымку (КП21-29715). Апошні фотаздымак — з выявай Дома Чырвонай арміі, які пасля вайны атрымаў назву «Дом афіцэраў» (КП21-29708).

З-за абмежаванасці матэрыялаў вялікую цікавасць выклікаюць і копіі з фотаздымкаў, выкананых акупантамі ў Полацку. На 17 фотакопіях, прынятых ў навукова-дапаможны фонд, можна ўбачыць узарваны чыгуначны мост (КДФ5-7585, КДФ5-7645), помнік Леніну на фоне Мікалаеўскага сабора (КДФ5-7591) і тое, што засталося ад яго (КДФ5-7592), руіны сінагогі ў цэнтры Полацка (КДФ5-7589, КДФ5-7619), пантонную пераправу праз Заходнюю Дзвіну (КДФ5-7586, КДФ5-7630, КДФ5-7642) і спуск да яе па вуліцы Лепельскай (цяпер вул. 23-х гвардзейцаў) (КДФ5-7635), Дом Чырвонай арміі (КДФ5-7593), від на пешаходны мост праз Заходнюю Дзвіну (КДФ5-7582, КДФ5-7583) і руіны горада (КДФ5-7640). Да болю знаёмыя вуліцы горада паўстаюць на фотаздымках: гэта скрыжаванне вуліц Верхне-Пакроўскай (цяпер цотны бок пр. Ф. Скарыны) і Крыжовай з Богаяўленскім саборам на другім плане (КДФ5-7638), вуліца Віцебская (на сённяшні час — няцотны бок пр. Ф. Скарыны) з будынкам дзіцячай мастацкай школы па цэнтры (КДФ5-7610), вуліца Верхне-Пакроўская (КДФ5-7587).

4 ліпеня 1944 г. Полацк быў вызвалены ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Акупацыя і ваенныя дзеянні ператварылі яго ў гару развалін. Цалкам была знішчана цэнтральная частка горада, у астатніх раёнах ацалелі невялікія групы драўляных будынкаў. У горадзе не захавалася прамысловых прадпрыемстваў, жыллёвы фонд быў разбураны на 96%. Усяго па Полацку было поўнасцю разбурана 2328 дамоў. Тры чвэрці горада было знішчана, а па колькасці жылой плошчы — яшчэ больш. Як піша ў сваіх успамінах І. П. Дэйніс — «…ад вакзала да Дзвіны горада практычна не было. Драўляныя дамы згарэлі, многія цагляныя былі разбураны, па вуліцы К. Маркса скрозь стаялі каробкі цагляных будынкаў».

Пасля вызвалення Беларусі былі створаны камісіі, якія збіралі звесткі аб злачынствах, здзейсненых нямецка-фашысцкімі захопнікамі, і фіксавалі разбурэнні гарадоў. Шэраг фотаздымкаў з музейнага збору НПГКМЗ дае ўяўленне аб стане будынкаў і вуліц горада. Гэта фотаздымкі з выявай разбураных дамоў па вул. Арджанікідзэ (КП6-3131) (*мал. 2*), Камуністычнай (КП2-1684/16-7) і К. Маркса (КДФ1-272/10). На сёняшні час вул. Арджанікідзэ і К. Маркса — цотны і няцотны бакі пр. Ф. Скарыны.

Мал. 2. Разбураны дом па вул. Арджанікідзэ. 1944 г.

Аб разбурэннях сведчаць і фотаздымкі з выявамі будынка чыгуначнага вакзала (КДФ1-272/2), птушкакамбіната (КДФ1-272/3), адміністрацыйнага будынка 15 палка (КП6-3141/8), які знаходзіўся ў раёне сучаснага Спаскага гарадка, паляў разбуранага маста праз Палату (КП6-3141/9).

Цікавасць выклікае фотаздымак 1944 г. з відам на Заходнюю Дзвіну і чыгуначны мост з базарнай плошчы Полацка (КП6-3130). На другім плане фотаздымка адлюстраваны будынак, у якім цяпер, верагодна, знаходзіцца Дзіцячы музей.

На копіі фотаздымка 1944 г. з відам на Мікалаеўскі сабор бачны вугал будынка былога педвучылішча (КП6-3141/10). Перад саборам яшчэ не ўсталяваны помнік воінам-вызваліцелям, што дазваляе ўдакладніць дацiроўку да верасня 1944 г.

Дзе менавіта былі выкананы некаторыя фотаздымкі (КДФ1-272/1,4,8), на якіх адлюстраваны руіны Полацка, сказаць немагчыма.

Тым не менш, у гэтых цяжкіх умовах, нягледзячы на разбурэнні, адсутнасць умоў для жыцця, людзі не страцілі аптымізму. Шчырыя ўсмешкі на тварах жанчын, якія адлюстраваны на фоне былога будынка педвучылішча — яскравае таму пацвярджэнне (КДФ1-272/18).

У першыя месяцы пасля вызвалення Полацка аднавілі сваю работу гарадскі Савет дэпутатаў працоўных і гарадскі камітэт партыі. Першачарговай задачай для кіраўніцтва горада стала аднаўленне жыллёвага фонду, прамысловых прадпрыемстваў, устаноў адукацыі і культуры. Аднаўленню жыцця-

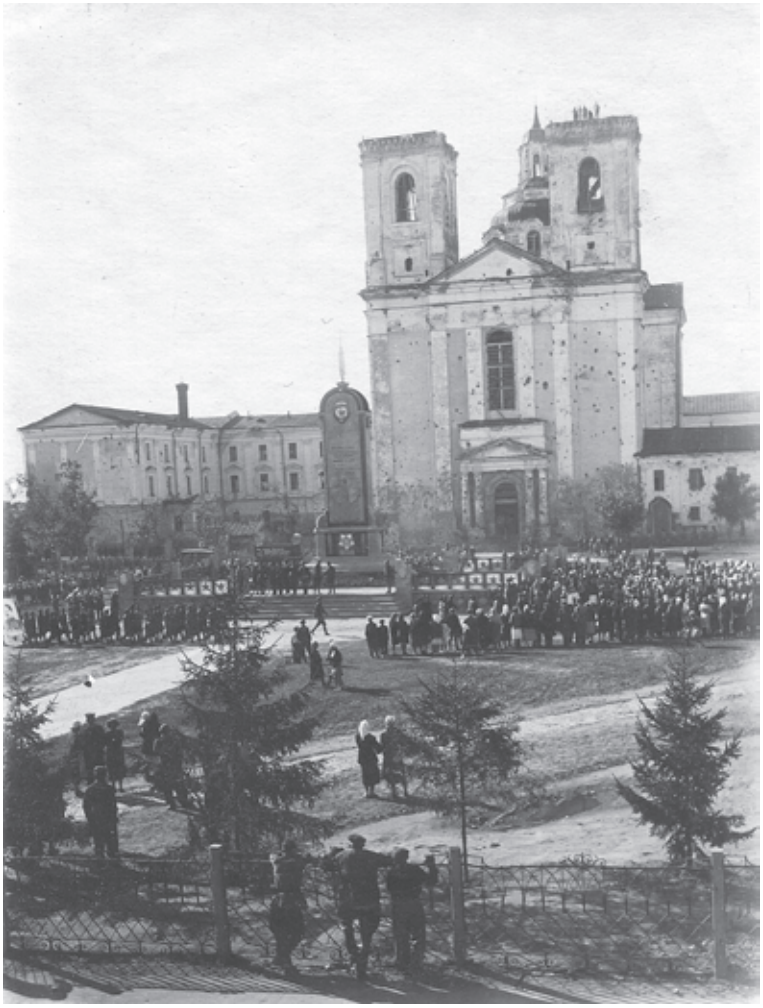
Мал. 3. Расчыстка вул. Леніна. 1944—1945 гг.

дзейнасці горада ў значнай ступені садзенічаў энтузіязм яго жыхароў, якія падтрымалі прынятае 18 кастрычніка 1944 г. сесіяй гарадскога Савета дэпутатаў працоўных рашэнне аб удзеле ўсяго гарадскога насельніцтва ў работах па адраджэнні Полацка. 3260 палачан выйшлі 22 кастрычніка на гарадскі нядзельнік па расчыстцы вуліц ад завалаў і падрыхтоўцы будаўнічых пляцовак. Пачалося цяжкае аднаўленне разбуранага амаль дашчэнту горада.

У фондах НПГКМЗ захоўваюцца копіі з фотаздымкаў 1944—1945 гг. (КП11-6904/14, КП22-33386), на якіх адлюстраваны нядзельнік па расчыстцы разбураных дамоў на вул. Леніна (цяпер вул. Ніжне-Пакроўская). На першым плане адлюстраваны Георгій Сяргеевіч Пятроў — сакратар Полацкага РК КП(б)Б, Мікалай Аляксандравіч Маніс — работнік гаркама партыі (*мал. 3*). Фотаздымкі даносяць непаўторную атмасферу пасляваеннага патрыятызму і энтузіязму людзей.

Арыгінальны фотаздымак 1944 г. адлюстроўвае мост праз Заходнюю Дзвіну, які быў адноўлены чыгуначнымі вайскамі адразу пасля вызвалення Полацка (КП6-3158).

Згодна з генеральным планам аднаўлення і развіцця Полацка, які быў зацверджаны Саветам Міністраў БССР у жніўні 1948 г., праводзіліся будаўнічыя работы па пашырэнні галоўнай магістралі горада — вуліцы К. Маркса, якая пазней стала праспектам. На фотакопіях адлюстраваны і першы пасляваенны суботнік на вул. К. Маркса (КДФ1-274), і больш познія работы па аднаўленні гэтай вуліцы (КП6-3042/6, КДФ1-378/3).



Мал. 4. Адкрыццё помніка воінам-вызваліцелям 17 верасня 1944 г.

Адразу пасля вызвалення Полацка Ваеным Саветам 1-га Прыбалтыйскага фронту было пранята рашэнне аб будаўніцтве помніка воінам Чырвонай Арміі, якія загінулі пры вызваленні горада. Ініцыятыва была падтрымана на пасяджэнні Полацкага райкома КП(б)Б 6 жніўня 1944 г.

17 верасня 1944 г. на плошчы Свабоды быў урачыста адкрыты помнік воінам-вызваліцелям (*мал. 4*). Імгненні гэтага мерапрыемства адлюстраваны на некалькіх сюжэтных фотаздымках (КП14-11664—11668). На жаль, помнік не захаваўся, на яго месцы ў 1981 г. быў усталяваны новы помнік «Освободителям Полоцка» (скульптар Г. Мурамцаў, архітэктар В. Аладаў).

Мал. 5. Від на Мікалаеўскі сабор з паўночна-ўсходняга боку. 1947 г.

Сафійскі сабор, як многія ацалелыя будынкі горада, пасля вызвалення Полацка быў заняты жыхарамі пад жыллё. У верасні 1945 г. былі праведзены першыя работы па ачыстцы і аднаўленні помніка архітэктуры. У ім адрамантавалі падлогу і дах, забілі вокны. Заява вернікаў аб выкарыстанні Сафійскага сабора пад богаслужэнні была адхілена, у ім планавалася адкрыць краязнаўчы музей. У канцы 1947 г. на рамонт помніка архітэктуры было выдзелена 53,3 тыс. руб. Копія з фотаздымка 1944 г. (КДФ1-895) і больш познія фотакопіі (КДФ4-1876/60—73, 141), якія маюць шырокую даціроўку 1940-х гг., даюць уяўленне аб разбурэннях гэтага помніка архітэктуры.

У даведцы аддзела аховы помнікаў архітэктуры ўпраўлення па справах архітэктуры пры Савеце народнай гаспадаркі БССР аб разбурэнні і рабаванні гітлераўскімі акупантамі гістарычных помнікаў архітэктуры на тэрыторыі Беларусі ў 1941—1944 гг. пішацца наступнае: «Храм Ефросиньи Полоцкой 12 века перед отходом немцы подготовили к взрыву, для чего, как сообщает монахиня храма, подвезли к стенам взрывчатку. Но стремительное наступление Красной Армии помешало осуществить это гнусное дело». Аб стане будынкаў Еўфрасіннеўскага манастыра сведчыць і копія фотаздымка 1944 г. (КДФ1-893).

Група фотаздымкаў 1947 г. дае ўяўленне аб тым, як выглядала плошча Свабоды і Мікалаеўскі сабор на гэты час (*мал. 5*). Сабор адлюстраваны з боку вуліц Талстога і Вароўскага (цяпер вул. Крыжовая), з усходняга боку (КП6-3141/2, КП6-3141/3, КП21-29967, КП21-29968, КП21-29970). Адлюстраваны віды на плошчу Свабоды з даху будынка абкама КПБ (КП6-3141/5, КП21-29966), на сабор і будынкі кадэцкага корпуса з левага берага Заходняй

Мал. 6. Дом афіцэраў. 1947 г.

Дзвіны (КП6-3141/4). Фотакопіі з архіва Беларускага Дзяржаўнага праектнага інстытута, з вельмі шырокай даціроўкай 1940-х гг., зафіксавалі ўсе разбурэнні Мікалаеўскага сабора (КДФ-1878/74—97).

Як піша ва ўспамінах І. П. Дэйніс: «Уцалела частка горада па вул. Леніна (ад Богаяўленскага сабора да Сафійскай горкі)». Будынкі Богаяўленскага сабора (КП6-2986) і лютэранскай кірхі (КП6-3042/1) па вул. Леніна (цяпер вул. Ніжне-Пакроўская) адлюстраваны на фотаздымках 1947 г. У тым жа годзе былі выкананы фатаграфіі Дома афіцэраў (КП6-3141/1, КП6-3141/6, КП21-29969) (*мал. 6*).

У адлюстраваным на фатаграфіях 1947 г. будынку пошты складана ўбачыць цяперашні будынак гарадскога Дома культуры па вул. Гогаля (КП6-3141/7, КДФ1-272/11).

Адносна нядрэнна захаваўся Домік Пятра І па вул. Сака і Ванцэці, які ў красавіку 1948 г., згодна з рашэннем гарсавета, пачалі аднаўляць пад музей і гарадскую бібліятэку. Зыходзячы з гэтай інфармацыі, групу фотакопій з архіва Беларускага Дзяржаўнага праектнага інстытута з выявай будынка магчыма датаваць 1945—1948 гг. (КДФ4-1876/108—128).

Іаана-Багаслоўская царква, якая знаходзілася на левым беразе Заходняй Дзвіны, адлюстравана на шэрагу фатакопій (КДФ4-1876/98—107). Помнік, на жаль, не захаваўся. У экспазіцыі Краязнаўчага музея знаходзіцца фотаздымак з выявай Пакроўскай царквы, які датуецца 1942—1943 гг. (КДФ2-501).

Горад паступова ўзнімаўся з руінаў. Была адноўлена энергетычная база. На копіі фотаздымка 1946 г. (КДФ1-284/1) — Полацкая ГЭС, электрастанцыя 7-га аддзялення паравознай гаспадаркі ст. Грамы па вул. Чыгуначнай, якая аднавіла сваю працу 25 лістапада 1944 г.

Рост энергетычнай базы дазволіў значна пашырыць выкарыстанне электраэнергіі ў прамысловасці. Да канца 1947 г. у Полацку было адноўлена і пабудавана 22 прадпрыемствы.

Арцель «Чырвоны маяк», якая займалася пашывам і рамонтам абутку, пачала працу 1 жніўня 1944 г. на вул. Верхне-Набярэжнай (цяпер вул. Тусналобавай-Марчанка) у раёне Задзвіння. На фотаздымку 1946 г. (КП4-1051) можна ўбачыць будынак арцелі «Чырвоны маяк», які, верагодна, не захаваўся.

Будынак гарпрамкамбіната, адлюстраваны на фотаздымку 1947 г. (КП6-3042/2) існуе і ў цяперашні час, у ім знаходзіцца ЖРЭУ-1 (вул. Свярдлова-4).

На копіях з фотаздымкаў 1944—1950 гг. адлюстраваны: птушкакамбінат па вул. Кастрычніцкай (КДФ1-280/1), хлебакамбінат (КДФ1-279/1), цагельны завод (КДФ1-377/1), завод будаўнічых дэталяў (КДФ1-281/1) і паравознае дэпо станцыі Полацк (КДФ1-398/1), якое было поўнасцю разбурана і аднавіла сваю работу 5 ліпеня 1944 г.

За першы год са дня вызвалення Полацка ў горадзе было адноўлена 12 прамысловых прадпрыемстваў, а ў 1950 г. працавалі ўжо ўсе прадпрыемствы, што дзейнічалі ў горадзе да вайны.

Аб'ектыў фотаапарата захапіў від горада з вышыні птушынага палёту (КДФ1-282/1). Перад намі паўстае панарама горада з СШ № 8 на першым плане і будынкамі былога кадэцкага корпуса, якія захаваліся параўнальна добра.

На фотаздымку 1947 г. адлюстраваны будынак школы фабрычна-завадскога навучання, больш вядомы як будынак былой гасцініцы «Брыстоль» па вул. Сака і Ванцэці (КП6-3042/2). На яго сцяне мы можам убачыць надпіс, які часткова заслонены агароджай: «[из] руин и пеп[ла]//[возрод]им тебя [род] одной Полоцк!». Гэтыя словы ў поўнай меры адлюстроўваюць мары і надзеі людзей на будучыню, на шчаслівае жыццё, якое ім яшчэ давядзецца будаваць.

Літаратура

1. Актуальные проблемы фондовой работы музеев, Труды 83 / под ред. В. Пронина; сост. Л. Лашевич. — М., 1979. — 215 с.

2. Гаўрылава, С. В. Аднаўленне жыллёвага фонду г. Полацка ў пасляваенны перыяд (1944—1948 гг.) / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. — Полацк: НПГКМЗ, 2011. — С. 37—54.

3. Дейнис И. П. Полоцк в XX веке (1905—1967). — Полоцк,1972. — рукопись, НПИКМЗ КП5-2774

4. З даведкі аддзела аховы помнікаў архітэктуры ўпраўлення па справах архітэктуры пры СНГ БССР аб разбурэнні і рабаванні гітлераўскімі акупантамі гістарычных помнікаў архітэктуры на тэрыторыі Беларусі ў 1941—1944 гг. // Памяць: гіст. -дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — С. 487—488.

5. З дакладной запіскі аб разбурэннях і злачынствах, здзейсненых нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў г. Полацку і раёнах Полацкай вобласці // Памяць: гіст. -дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — С. 486—487.

6. З пратакола № 24 пасяджэння Полацкага райкома КП(б)Б // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — С. 488.

7. Научное описание фотографических материалов: методические рекомендации / сост. И. Д. Иванова, А. П. Попова. — М. : Информ-Знание, 2004. — 80 с.

8. Несцяровіч, М. Б. Эканамічнае і сацыяльнае развіццё Полацка ў 1944—1985 гг. / М. Б. Несцяровіч // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22—23 мая 2012 г.) / Нац. акадэмія навук Беларусі, Ін-т гістрыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. — Мінск: Беларуская навука, 2012. — С. 343—349.

9. Орлова, Т. А. Советский период в архитектуре Полоцка / Т. А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2003 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2004. — С. 28—33.

10. Полоцк: истор. очерк / АН БССР, Ин-т истории; редколл. : П. Т. Петриков (отв. ред.) [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Наука и техника, 1987. — С. 225—245.

11. Секреты старого архивариуса. Беларусь, лето 1941 года // Архивы и делопроизводство. — 2011. — № 3. — С. 150.

12. Третьяк, Е. Лагерь смерти в Витебске: обличают архивные фотодокументы / Е. Третьяк // Архивы и делопроизводство. — 2012. — № 5. — С. 111—116.

13. Фотодокументы и редкие издания: сохранность в процессе использования / сост. А. А. Колчанова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. — 120 с.

14. Чарняўская, С. С. Пасля вызвалення / С. С. Чарняўская // Памяць: гіст. -дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — С. 484—485.

15. Яноўская, В. В. У мірнай працы / В. В. Яноўская // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелЭн, 2002. — С. 693—695.

А. В. Кисляк

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ ПОЛОЦКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Во второй половине XIX в. после отмены крепостного права в Российской империи начал складываться новый тип экономики, который требовал более быстрого и грамотного управления страной. Социально-экономические преобразования повлекли за собой необходимость изменений во всех сферах государственной жизни, в том числе и пересмотра системы городского управления. Возникла необходимость в более эффективном выполнении ряда административно-хозяйственных функций в городах. В связи с этим было принято решение передать ряд полномочий местным общественным органам управления, что и нашло отражение в Городовом положении 1870 г.

С 1875 г. на г. Полоцк, как и на другие города Беларуси, распространялось действие Городового положения, введённого в центральных губерниях Российской империи пятью годами ранее. Данный законопроект реально начал действовать только через 1,5—2 года. Так, в губернских центрах — Витебске и Могилёве — это произошло в 1876 г., а в уездном Полоцке — в мае 1879 г. [6].

По Городовому положению 1870 г., органы городского управления занимались вопросами благоустройства, благотворительности, народного образования и здравоохранения, много внимания уделяли местной торговле и промышленности.

Распорядительная власть в городе принадлежала городской думе, избираемой на 4 года плательщиками городских налогов [17, с. 102]. В Полоцке в состав думы входило от 40 до 60 гласных, которые избирались на основе возрастного (не моложе 25 лет) и имущественного (наличие недвижимого имущества, промышленных или торговых предприятий) цензов.

Городская дума выполняла следующие функции:

— назначение выборных должностей;
— установление некоторых видов городских налогов и сборов (на городское недвижимое имущество, на стоянку судов, сборы с торговли, трактирных заведений и постоялых дворов и др.);
— отчисления на благоустройство города (содержание мостовых, тротуаров, чистку и освещение улиц за счёт средств города); [5, с. 2—4].

— отчисления на содержание полиции, пожарной команды, учебных заведений, тюрем, расквартировку войск. Например, в Полоцке в 1912 г. на содержание пожарной команды было израсходовано около 12 тыс. руб., в то время как на благоустройство города и расходы на учебные заведения по 3 тыс. руб. [10, с. 6].

Однако деньги не всегда перечислялись вовремя и в полном количестве. В «Деле об уплате городской управой арендных денег за помещение женской гимназии» за 1912 г. есть сведения, что Полоцкая городская управа, обязанная оплачивать аренду помещений для женской гимназии в сумме 1 200 руб. ежегодно, «последние 5 лет не уплачивала всю сумму» [8, с. 2].

Осуществление мер по содержанию учреждений здравоохранения также требовало значительных финансовых затрат. В 1909 г. на борьбу с одной из самых сильных вспышек эпидемии холеры в городе местные власти израсходовали более 16 тыс. руб. Городским общественным управлением был приобретён дом для холерного барака за 25 тыс. руб., было окончено строительство хирургического корпуса при Полоцкой городской больнице [16, с. 251].

Члены городской думы, или гласные, избирали из своего состава управу (исполнительный орган, состоявший из 2—3 человек) и городского голову, который председательствовал как в думе, так и в управе [6].

Основные функции городской управы:

— исполнение решений думы, сбор нужных для неё сведений;

— составление городских смет;

— отчёт перед думой за расходование городских сборов.

Городской голова в Полоцке избирался сроком на 4 года и его кандидатура утверждалась в должности Витебским губернатором.

В Памятных книжках Витебской губернии найдены сведения о 9 городских головах Полоцка, которые занимали вышеуказанную должность с середины XIX до начала XX в. (*см. приложение*). Это были мужчины в возрасте от 32 до 63 лет, православного вероисповедания, возглавлявшие городскую думу и управу на протяжении одного или нескольких сроков. Подполковник *Николай Васильевич Литвинов* возглавлял органы общественного управления в г. Полоцке более 10 лет (1879—1889(?) гг.). Николай Васильевич имел знак отличия «безпорочной службы» за 25 лет, а также являлся кавалером ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, был награждён бронзовыми медалями в память Крымской войны 1853—1856 гг. и «за усмирение польского мятежа 1863—1864 гг. » [11, с. 90].

Как правило, городскими головами становились люди, уже имевшие опыт работы в органах общественного управления. Известно, что М. С. Мацкевич, А. Д. Чернышёв и С. К. Шпаков длительное время исполняли обязанности гласных в городской думе.

Городской голова был наделён довольно широкими полномочиями. В качестве председателя управы он руководил хозяйственной деятельностью города. В качестве председателя думы следил за деятельностью последней, назначая время и место её заседаний, инициировал обсуждение вопросов, приглашал на заседания чиновников других ведомств для дачи объяснений. Решения в думе принимали большинством голосов, при их равенстве голос головы являлся решающим. Он также имел право самостоятельно принимать решения по экстренным вопросам городского хозяйства, сообщая о них на заседаниях управы.

Заседания в думе назначались в трёх случаях: по желанию городского головы, по желанию губернатора или по инициативе не менее пятой части гласных. Гласный, намереваясь вынести на заседание думы предложение, должен был сообщить городскому голове о сути данного предложения за 3 дня. В случае нарушения процедуры, обсуждения по этому предложению могли состояться, но решение по нему откладывалось до следующего заседания. Решения думы вносились в особый журнал, который подписывался председателем, всеми гласными, участвовавшими в заседании, и секретарём [6].

Городской голова занимал также должность председателя Сиротского суда — учреждения, которое занималось делами по опеке над лицами городских сословий (сиротами и вдовами купцов, мещан, цеховых ремесленников, личных дворян). Глава города являлся пожизненным почётным членом думы с правом присутствовать в ней по своему усмотрению.

Выборы и деятельность органов городского общественного управления контролировали губернское по городским делам присутствие и губернатор. В то же время утверждению губернской администрации или, в некоторых случаях, министру внутренних дел подлежали лишь наиболее важные постановления думы (как правило, финансовые) [17, с. 102].

В 80-е гг. XIX в. внутриполитическая ситуация в стране усложнилась. Александр III, выступавший сторонником более консервативной линии управления государством, провёл ряд контрреформ, в том числе и в сфере городского самоуправления. Городовое положение 1892 г. было введено в Витебской губернии только в 1894 г. и действовало до конца 1917 г. [6].

Новый закон ограничил круг избирателей и значительно сократил состав думы. В Полоцке количество гласных уменьшилось почти в 2 раза. Если

в 1886 г. в городскую думу входило 53 гласных [13, с. 91-92], то в 1900 г. — 20 [14, с. 164], в 1912 г. — 17 [12, с. 191].

В выборах могли участвовать только лица, владевшие недвижимым имуществом (землями, домами) стоимостью не менее 1 тыс. руб. и платившие городские налоги [17, с. 103]. В связи с контрреформой от участия в выборах думы были отстранены ремесленники, мелкие и средние торговцы и рабочие. Это говорит о том, что значительная часть горожан была лишена избирательного права.

Согласно новому законопроекту, городской голова, его помощники и члены управы получили статус государственных служащих. Им присваивался определённый служебный разряд, предусматривалось государственное денежное содержание. Так, в 1912 г. жалованье городского головы составляло 800 руб. [10, с. 6]. В то время, как стоимость 1 фунта (454 грамма) копчёной колбасы составляла 22 коп., номера в гостинице на сутки — 1—3 руб., проезда от Риго-Орловского вокзала до Спасо-Евфросиньевского монастыря — 1 руб. [19, с. 39—40].

В целом, в решении даже относительно мелких вопросов, касающихся деятельности органов городского управления, был установлен более жёсткий контроль со стороны администрации губернатора и министра внутренних дел [6].

В то же время при проведении выборов иногда раскрывались и становились известными подлоги и различные фальсификации. Один из крупных полоцких купцов конца XIX в. *Степан Киприанович Шпаков*, будучи городским головой в 1899—1905 гг., был уличён в «казнокрадстве» и за это лишён своей должности. Он обратился в Министерство внутренних дел с просьбой оставить его на посту городского головы, заявив, что согласен исполнять свои обязанности даже не получая жалованья. На его прошение пришёл отказ: «Проворовавшийся городской голова нам не нужен, даже при согласии его служить бесплатно» [17, с. 103].

В 1880—1892 гг. Степан Киприанович состоял гласным городской думы, в 1893—1896 гг. был товарищем, т. е. заместителем директора Городского общественного банка. Кроме того, часть времени он уделял благотворительности, т. к. входил в состав местного Благотворительного общества [1].

По сообщению «Полоцкого листка», выборы в городскую думу в 1913 г. дважды опротестовывались также из-за раскрытия подлогов. По неуважительной причине гласные не принимали участия в заседаниях, что делало выборы неправомочными [17, с. 103].

Особенностью для городского управления в Полоцке в начале XX в. стало то, что должности городского головы занимали преподаватели раз-

личных учебных заведений города. Они активно участвовали в общественной жизни, занимались благотворительностью, что способствовало повышению культурного уровня горожан, содействовало развитию образования и науки в городе.

В 1905—1908 гг. городским головой был избран генерал-майор в отставке *Александр Павлович Аргамаков* (1842—1931 гг.), который отличался широтой интересов, активной педагогической и научной деятельностью [15, с. 195].

Александр Павлович получил образование в Михайловской артиллерийской академии в Санкт-Петербурге, которую окончил в 1862 г. в должности офицера. С 1880 г. полковник Аргамаков возглавлял Иркутскую военно-фельдшерскую школу, в 1884—1903 гг. он занимал должность инспектора классов Полоцкого кадетского корпуса («заведовал» учебной частью)[4].

Александр Павлович принимал участие в заседаниях комиссий в Главном правлении училищ Министерства народного просвещения по пересмотру существовавших программ преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. А. П. Аргамаков выступал в Витебском офицерском собрании за кардинальное реформирование данных учреждений образования. В 1900 г. в Витебской губернской типографии вышла его брошюра «Проект учреждения полковых школ для детей офицерских и классных чинов…». Его идеи нашли отражение и в ряде других его работ: «Метод «чистого опыта» Авенариуса в применении к исследованию вопроса об умственном утомлении учеников», «Мысли о современном и будущем воспитании и обучении», изданных в Полоцке в типографии Х. В. Клячко в 1895—1896 гг. [3].

В августе 1903 г. А. П. Аргамаков, получив звание генерал-майора и выйдя в отставку, продолжал педагогическую деятельность и преподавал физику и космографию в Полоцком кадетском корпусе [18, с. 325].

Александр Павлович — автор ряда технических изобретений, которые широко демонстрировались на всероссийских и международных выставках конца XIX — начала XX в. и внедрялись в производство. Он участвовал в Первой Всероссийской гигиенической выставке 1893 г. в Петербурге, Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., на которой Полоцкий кадетский корпус был представлен отдельной витриной. Личное участие А. П. Аргамакова было отмечено дипломом II-го разряда «за внимательное и заботливое отношение к детям, выразившееся в научном исследовании вопроса об умственном утомлении и заведение санитарно-гигиенических улучшений» [4].

На Парижской Всемирной выставке в 1900 г. А. П. Аргамаков представил аппарат для фильтрования и стерилизации воды, модель аппарата для

очищения канализационных и фабричных вод. Один из Петербургских заводов наладил серийный выпуск биологических дезинфицирующих фильтров системы А. П. Аргамакова [4].

Следующим городским головой, занимавшим эту должность в 1908—1915 гг., был *Николай Осипович Лоскович*, также талантливый и опытный педагог. Николай Осипович, окончив Виленский учительский институт, преподавал математику и географию в уездных училищах, а затем историю в учительской семинарии в Молодечно. С 1894 г. Н. О. Лоскович жил и работал в г. Полоцке. Он получил должность учителя в Полоцкой учительской семинарии, позднее стал преподавателем в Полоцкой женской гимназии. Николай Осипович открыл также начальную школу в собственном доме, на базе которой в 1919 г. начала действовать 8-я советская школа 1-й ступени [2, с. 70].

В 1915 г. должность городского головы г. Полоцка занял *Константин Александрович Лунин*, преподаватель немецкого языка в Кадетском корпусе и частном реальном училище Н. С. Богоявленского [15, с. 200]. С 1915 по 1917 г. К. А. Лунину пришлось решать сложные вопросы, связанные с управлением города, который стал прифронтовым.

В сентябре 1916 г. в Полоцке был создан комитет Всероссийского союза городов (ВСГ), который занимался организацией помощи фронту и тылу. Бывший городской голова Н. О. Лоскович также входил в состав комитета [20, с. 2]. Из отчётов К. А. Лунина известно, что в городе оборудовались госпитали, выделялись денежные средства из городской казны в пользу ВСГ, оказывалась помощь и организовывалась эвакуация беженцев, решались вопросы по улучшению санитарной и эпидемиологической обстановки.

На заседаниях Полоцкой городской думы приходилось рассматривать и решать вопросы, связанные с дефицитом продуктов питания, фуража, топлива, исполнением санитарных норм и т. д. [9, с. 2].

В апреле 1916 г. под председательством городского головы К. А. Лунина состоялось первое заседание по поводу организации в Полоцке юридического отдела ВСГ. За полтора года деятельности данного отдела была проделана большая работа по оказанию различных видов помощи беженцам и прочим категориям граждан: вопросы о восстановлении беженских книжек, выделении пособий, выплате пенсий, розыске лиц, восстановлении наград нижних чинов, постановки на выдачу денежного довольствия [7].

За годы управления городом А. П. Аргамаковым, Н. О. Лосковичем и К. А. Луниным количество учебных заведений в Полоцке возросло с 17 до 23. Это могло быть связано с тем, что все они занимались преподавательской деятельностью.

Таким образом, за период со второй половины XIX по начало XX в. деятельность органов городского управления в Полоцке несколько раз подвергалась реформам. По Городовому положению 1870 г. городское управление стало исполнять более широкие функции, связанные с вопросами благоустройства, деятельностью учреждений образования и здравоохранения. К сожалению, новое Городовое положение 1892 г. ущемило права значительной части избирателей, а деятельность городской думы и управы была подвергнута более жёсткому контролю со стороны губернской администрации.

Избрание на должность городского головы преподавателей различных учебных заведений повлияло на увеличение учреждений образования г. Полоцка в начале XX в. На примере деятельности последнего городского головы К. А. Лунина, столкнувшегося с необходимостью решения ряда проблем в управлении городом в военное время, можно сделать вывод, что местные органы городского управления эффективно справлялись со своими обязанностями и своевременно реагировали на нужды граждан.

Список литературы и источников

1. Альбом городских голов Российской империи 1903 г. Часть 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://humus. livejournal.com/3146432.html. — Дата доступа: 08.01.2016.
2. Аниськович, М. М. Начальные и средние учебные заведения в г. Полоцке в 1918—1923 гг. / М. М. Аниськович // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Полацк: [НПГКМЗ], 2015. — 312 с.: іл.
3. Аргамаков, А. П. Мысли о современном и будущем воспитании и обучении / А. П. Аргамаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/library/Amagakov_Misli_sovrem_1896.pdf. — Дата доступа: 15.01.2016.
4. Аргамаков Александр Павлович [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.runivers.ru/lib/authors/author197036/. — Дата доступа: 20.11.2015.
5. Ведомости о городских доходах и расходах г. Полоцка, назначенных по сметам 1902 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. — Ф. 2523. — Оп. 1. — Д. 8.
6. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802—1917) [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://arhisan.com/knigi/162-vitebskaya-guberniya. — Дата доступа: 05.01.2016.
7. Воднева, И. П. Протянуть руку помощи / И. П. Воднева // Полоцкий вестник. — 2015. — № 93. — С. 5.

8. Дело об уплате городской управой арендных денег за помещение женской гимназии // НИАБ в г. Минске. — Ф. 2523. — Оп. 1. — Д. 10.

9. Доклад Полоцкой городской Думы на 15 января 1915 г. // НИАБ в г. Минске. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 49515.

10. Отчёт о выполнении сметы расходов Полоцкой городской управы за 1912 г. // НИАБ в г. Минске. — Ф. 2523. — Оп. 1. — Д. 11.

11. Памятная книжка Витебской губернии на 1889 год. — Витебск: Губернская типография, 1889. — 847 с.

12. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 год. — Витебск: Губернская типография, 1912. — 498 с.

13. Памятная книжка Витебской губернии на 1886 год. — Витебск: Губернская типография, 1886. — 351 с.

14. Памятная книжка Витебской губернии на 1900 год. — Витебск: Губернская типография, 1900. — 442 с.

15. Памятная книжка Витебской губернии на 1905 год. — Витебск: Губернская типография, 1905. — 476 с.

16. Памяць: гіст. -дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск: БелЭн, 2002. — 912 с., іл.

17. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; П. Т. Петриков (отв. ред.) — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Наука и техника, 1987. — 320 с.: ил.

18. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования: факсимильное издание / Сост. В. П. Викентьев. — Минск: Беларусь, 2011. — 461 с.: ил.

19. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост. примеч. и ступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник. — Полоцк: А. И. Судник, 2006. — 48 с.: ил.

20. Список лиц, служащих в Полоцком комитете Всероссийского союза городов // НИАБ в г. Минске. — Ф. 2523. — Оп. 1. — Д. 13.

Приложение

Годы занимаемой должности	*Фамилия Имя Отчество*	*Воз-раст*	*Образование*	*Веро-исповедание*	*Род деятельности*
1861	Похажевич Иосиф Клементьевич			Православный	Купец 3-й гильдии
1862—1864	Чернышёв Артемий Данилович	40	Полоцкое дворянское училище	Единоверец	Сын купца
1864—1865	Мацкевич Михаил Степанович	32	Полоцкое дворянское училище	Православный	
1865—1869	Клодницкий Антон Степанович	46	Полоцкая духовная семинария	Православный	
1879—1890(?)	Литвинов Николай Васильевич			Православный	Преподаватель Полоцкого кадетского корпуса
1895	вакансия				
1899—1905	Шпаков Степан Киприанович		Полоцкое дворянское училище	Православный	Купец 2-й гильдии
1905—1908	Аргамаков Александр Павлович	63	Михайловская артиллерий-ская академия	Православный	Преподаватель Полоцкого кадетского корпуса
1908—1915	Лоскович Николай Осипович	50	Виленский учительский институт	Православный	Преподаватель Полоцкой учительской семинарии и женской гимназии
1915—1917	Лунин Константин Александрович		Московский и Дерптский университеты	Православный	Преподаватель частного реального училища Н. С. Богоявленского и Полоцкого кадетского корпуса

С. П. Копыл

12-Я БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИОННАЯ ДИВИЗИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЕДИНЕНИЯ И ЕГО ВСТУПЛЕНИЕ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1941—1945 ГГ.

Изучение начального периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. продолжает оставаться актуальной задачей исторической науки на всём пространстве бывшего СССР. Рассекречивание не доступных ранее фондов военных архивов позволяет ввести в научный оборот не известные ранее материалы о событиях начала войны. Исследовательские работы наших дней позволили по новому взглянуть на горькие, тяжёлые, но героические события лета 1941 г. в Беларуси. Это такие исследования, как «1941 год: Страна в огне: в 2 кн. — Кн. 2 Документы и материалы» под редакцией А. А. Ковалени, В. А. Смолия. А. О. Чубарьяна, «На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны» под научной редакцией В. В. Абатурова, «Беларусь летом 1941 года: новые подходы в исследовании боевых действий» С. Е. Новикова, академический труд российских историков «Великая Отечественная война 1941—1945», последний 12-й том которой вышел из печати в 2015 г. и другие.

Целью настоящей работы является исследование истории формирования 12-й бомбардировочной дивизии ВВС Западного особого военного округа, её готовности к боевым действиям и участие в оборонительных боях за Беларусь в первый день Великой Отечественной войны.

В предрассветных сумерках 22.06.1941 г. германская армия вероломно, без объявления войны, начала вторжение в Советский Союз. Наиболее сильный удар пришёлся по войскам, которые дислоцировались на территории современной Республики Беларусь. Основные усилия первых дней войны авиация противника направила на завоевание господства в воздухе. И сумела его добиться. Потери советских военно-воздушных сил (ВВС) приграничных округов были чудовищны. Только Западный фронт 22 июня лишился 738 самолётов, что составило около 47% от первоначального состава. В том числе противником было уничтожено около 400 новейших истребителей [4, с. 205]. В последующие дни потери только возрастали. В конечном итоге это привело к вынужденному использованию как фронтовой, так и дальней бомбардировочной авиации без воздушного прикрытия.

Среди тех, кто с первого дня вылетел на боевые задания, были и летчики 12-й бомбардировочной авиационной дивизии (БАД). История её оказалась недолгой, но типичной для соединений, созданных в предвоенные годы в СССР.

В феврале 1940 г. Главное управление Красной армии направило в адрес Военного совета Белорусского особого военного округа директиву № 1/5/176352. В ней ставилась задача в период с 10 мая по 10 июня сформировать 128-й бомбардировочный авиационный полк на самолётах ББ-22 в составе управления полка и пяти авиационных эскадрилий. На основании поставленной задачи командир 70-й авиабригады приказал выделить в новый полк 58 человек командно-начальствующего состава, в т. ч. командира, военного комиссара полка и пять командиров эскадрилий из состава 5-го лёгкобомбардировочного авиаполка (ЛБАП) [13, л. 1об.]. Местом его дислокации и обслуживающих частей был определён г. Витебск. Здесь же размещался штаб 70-й авиабригады. Следует отметить, что под термином ББ-22 скрывался разрабатываемый в те годы новый класс боевых самолётов, известный как истребитель-бомбардировщик. Над его созданием трудился коллектив выдающегося советского конструктора А. С. Яковлева.

Итоги войны с Финляндией (ноябрь 1939 — март 1940 гг.) поставили перед советским политическим и военным руководством вопрос о срочном укреплении обороноспособности страны и в первую очередь её Военно-воздушных сил. В апреле 1940 г. комиссия Главного военного совета по вопросам ВВС, учитывая значительный рост авиационных частей, предложила отказаться от бригадной структуры и перейти на дивизионные штаты. Уже 25 июля Совет народных комиссаров своим постановлением № 1344-524сс изменил организационную структуру ВВС Красной армии [3, с. 10]. В этот же день народный комиссар обороны СССР С. К. Тимошенко приказал командующему войсками Западного особого военного округа (ЗапОВО) Д. Г. Павлову сформировать 12-ю бомбардировочную авиационную дивизию в составе 209, 6, 43, 128 и 215-го скоростных авиаполков с местами дислокации — гг. Смоленск, Витебск, Улла. Формирование дивизии надлежало провести в сжатые сроки и закончить к 1 августа 1940 г.

Из пяти полков новой авиационной дивизии только 43-й авиаполк и одна эскадрилья 6-го ЛБАП обладали боевым опытом, приобретённым в боях с финнами на одномоторных лёгких бомбардировщиках Р-Зет на Карельском перешейке. Составленный из них сводный полк выполнял боевые задачи в основном ночью в сложных метеоусловиях. За время боевых действий его летчики совершили 1127 боевых вылетов, из них

ночью — 798. За героизм и мужество, проявленные в боях с финскими белогвардейцами, правительственными наградами было отмечено 37 человек [13, лл. 1об, 3].

По результатам инспекторской проверки, проведённой Главным управлением ВВС Красной армии 1-го июня 1940 г., 6-й ЛБАП (командир полка полковник Киселёв, батальонный комиссар Леошкин и начальник штаба майор Семёнов) отмечалось, что полк перевооружается на новую материальную часть — на самолёты СБ-2. Переучено 11 лётчиков. В то же время на самолетах Р-3ет подготовлено к боевым действиям днём со средних высот 47 экипажей, из них на высотах 700 м — 29 экипажей. Ночью летает 23 экипажа. По плану ВВС округа полк проходит подготовку по программе ночных полётов и в июле должен выполнить зачётное упражнение первой задачи [3, сс. 145, 146]. Интенсивная боевая подготовка на изношенной матчасти, приход слабо обученного молодого пополнения привели к трём авариям и списанию одной машины. Как следствие, в первой декаде августа в полк приехала комиссия Генерального штаба Красной армии под руководством генерала армии К. А. Мерецкова. В акте проверки записано, что в полку имеется 55 самолётов типа Р-3ет, на момент проверки в исправном состоянии находится 49 машин, при этом остаток моторного ресурса оценивается в 55%, а самолётного итого ниже: только в 31% [3, с. 178].

Осенью 1940 г. все авиаполки 12-й БАД стали получать двухмоторные бомбардировщики СБ-2 [6, с. 24]. Менялась и дислокация полков. Ещё в сентябре месяце 6-й СБАП базировался на аэродроме Хралищево (ныне Могилевской обл.), но уже по состоянию на 6 ноября того же года перелетел в г. Витебск, где уже дислоцировался 43-й СБАП. Остальные полки в это время находились на следующих аэродромах: 128-й авиаполк — г. Улла Витебской обл, 209-й и 215-й — г. Смоленск [3, сс. 527, 528].

Оценивая боевую подготовку войск ЗапОВО за 1939—1940 учебный год, командование округа отмечало, что 43-й авиаполк только что возвратился с финского фронта и приводит в порядок свою материальную часть, к ночным полетам подготовлен. 6-й авиаполк работает на старой технике, а 128-й СБАП ввиду перевооружения на бомбардировщики СБ-2 полностью боеспособным не является. На выполнение учебного плана остро повлияла нехватка горючего, что в итоге не позволило провести лётно-тактическое учение [3, сс. 327, 239].

Мобилизационная готовность управления дивизии, 6, 43, 128 и 219-го скоростных бомбардировочных полков на начало декабря 1940 г. командованием дивизии и штабом округа характеризовалась следующим образом: «*В настоящее время готовы к боевым действиям: 43-й авиаполк в составе 38 экипажей на самолетах Р-3ет днём и ночью в трудных метеоусловиях и 128-й*

авиаполк в составе 37 экипажей СБ по наличии самолётов на средних высотах в простых метеоусловиях. 209-й (ВРИД командира капитан Матишев) и 215-й авиаполки, как находящиеся в стадии формирования и не имеющие материальной части, к выполнению боевых заданий не готовы. 6-й СБАП находится в стадии перевооружения на самолёты СБ, которыми обеспечен на 21%. К выполнению боевых заданий не готов» [3, сс. 391, 494, 496].

К 20 декабря положение с укомплектованностью лётным составом в 209-м и 215-м полках улучшилось: лётчики и лётчики-наблюдатели прибыли полностью. Не хватало инженерно-технического состава и младших авиационных специалистов. Укомплектованность ими составила в 209-м СБАП — 47% и 98%, в 215-м СБАП — 21% и 94,5% соответственно. В 209-й авиаполк поступили первые 11 скоростных бомбардировщиков СБ-2, что составило 11% от необходимого количества [3, с. 323]. До конца года 215-й СБАП, получил один учебно-боевой, пять боевых самолётов и 4 января 1941 г. приступил к обучению лётчиков (пилотов) [8, с. 35], [9, л. 2]. Лётная работа проходила в особо трудных условиях: всего в полку была одна учебно-боевая машина, на которой необходимо было обучить 76 человек. Экипажам впервые пришлось летать в зимних условиях не на лыжах, а на колёсах. Ко всему прочему, нельзя было полностью использовать световой день, так как на аэродроме проходили интенсивные полёты двух авиаполков и сборов командиров звеньев, которые также занимались переучиванием лётного состава. Однако за счёт качественной организации учебного процесса, организованной командиром полка полковым комиссаром П. А. Силантьевым, в течение всего зимнего периода обучения 1941 г. полк по количеству полётов и налёту держал первое место в дивизии и к концу марта к самостоятельным полётам были допущены все пилоты [10, сс. 39, 40]. С приходом весны полк перебазировался на оперативный аэродром Травники в 8 км западнее г. Лепель Витебской обл.

В соответствии с Планом перевооружения частей ВВС Красной армии на 1941 г., предполагалось перевооружить на самолёт-штурмовик Ил-2 шесть полков, в числе которых был 215-й СБАП. Их прибытие ожидалось в 4-квартале 1941 г. [8, с. 24]. А пока на заводах и в конструкторском бюро происходила доводка Ил-2 до состояния, когда его можно использовать в строевых частях, командованием ВВС Красной армии было принято решение перейти на переходной к штурмовику тип самолёта — И-15 бис. Это был истребитель-биплан, построенный ещё в 1934 г. конструктором Н. Н. Поликарповым. На его вооружении имелось четыре синхронных пулемёта, максимальная скорость самолёта составляла 370 километров в час. Не оценивая целесообразность принятия такого решения, всё-таки хочется отметить, что оно привело к снижению боевой готовности полка.

Рис. 1. Ближний бомбардировщик Су-2

Эти изменения совпали с прибытием в часть нового командира. В командование вступил майор Л. Д. Рейно из 209-го СБАП, где он исполнял обязанности заместителя командира части [11, л. 1об.]. С его приходом были дополнительно получены пять учебных самолётов У-2. И лётный состав приступил к тренировке в полётах на низких высотах, осваивая ориентировку на бреющем полёте и заход на посадку на увеличенных скоростях. В командирской подготовке пилотов перешли к изучению тактики боевого применения штурмовой авиации. Однако получение И-15 бис затянулось до конца мая и только 23 числа по одним данным, или 25 мая по другим данным, из 74-го штурмового авиаполка было получено 15—17 самолётов [8, с. 35], [10, с. 41]. Переучивание и вылет проходили усиленными темпами. В течение десяти дней в период с 24 мая по 5 июня весь лётный состав был допущен к самостоятельным полётам. 9 июня экипажи приступили к боевому применению, оборудовав учебный полигон для бомбометания и стрельбы из бортового оружия в 7-ми км от аэродрома. Но для ускорения учебного процесса командир принял решение использовать для этих целей имеющуюся площадку в непосредственной близости от летнего лагеря и аэродрома [10, сс. 41, 42].

В соответствии с тем же Планом ожидали поступление новых ближних бомбардировщиков Су-2 209-й и 43-й ближнебомбардировочные полки. Так назвали самолет ББ-1 в честь его создателя — выдающегося советского и белорусского авиаконструктора П. О. Сухого (родом из местечка Глубокое Витебской губ.). К концу марта 1941 г. руководящий и технический состав полков ознакомился на заводе с Су-2 (*рис. 1*). До начала Великой

Отечественной войны полки успели получить 43-й ББАП — 15—16, а 209-й ББАП — 24—25 боевых машин. При этом в 43-м авиаполку оставалось еще 46 самолетов Р-3ет [6, с. 21].

В 6-й СБАП до начала боевых действий числилось всего 18 бомбардировщиков СБ-2, на которых успели переучить 25 экипажей. В это же время в полку в наличии имелось 72 лётчика (пилота), 62 лётчика-наблюдателя (стрелка-бомбардира) и 73 стрелка-радиста (воздушного стрелка) [12, с. 133]. И только 128-й авиаполк по укомплектованности и обученности экипажей представлял собой боевую единицу, способную выполнить боевые задачи. Определить количество машин в полках непосредственно в день начала войны достаточно трудно, т. к. разные источники дают разные цифры. Связано это с непрерывным движением матчасти, поступающей с заводов, ремонтных баз и других полков.

Таблица. 1. Боевой состав 12-й бомбардировочной авиационной дивизии на 22.06.1941 г.

Управление Дивизии	*6 СБАП*	*43 ББАП*	*128 СБАП*	*209 ББАП*	*215 ШАП*
Витебск	Ломская	Витебск	Улла	Витебск Бецкая	Травники
полковник В. И. Аладинский	полковник В. Васильев	подполковник Г. И. Марков	майор Г. А. Чучев	полковник Н. С. Виноградов (*рис. 2*)	майор Л. Д. Рейно
1хСБ-2, из них исправных — 1	22хСБ-2, из них исправных — 16	16хСу-2, из них исправных —13, 23хР-3ет, из них исправных — 23	42хСБ-2, из них исправных — 40	24хСу-2, из них исправных — 18	20хИ-15 бис, исправных — 15, 7хУ-2
Экипажей — 4	Экипажей — 25 72 лётчика (пилота)	Экипажей — 43, из них 40 начали переподготовку на Су-2	Экипажей — 31, 68 лётчиков (пилотов)	Экипажей — 36, все экипажи начали переподготовку на Су-2	76 лётчиков (пилотов)

[18, л. 9]

Итого, в дивизии имелось в исправном состоянии 56 скоростных бомбардировщиков типа СБ-2, 31 ближний бомбардировщик типа Су-2, 23 лёгких бомбардировщиков типа Р-3ет и 15 истребителей типа И-15 бис. На них приходилось 343 пилота и 407 стрелков-бомбардиров. Всего 125 боевых машин из примерно 180 необходимых по штату, на которых самостоятельно

Рис. 2. Командир 209 ББАП полковник Виноградов Николай Сергеевич

летали 307 человек, что составляло 96 слётанных экипажей [4, с. 109]. Т. о., дивизия находилась в стадии перевооружения и была ограниченно годна к выполнению боевых задач. Наиболее подготовленными к войне оказались 128-й и 43-й авиаполки.

С момента своего формирования 12-я авиадивизия входила в состав фронтовой авиации и составляла второй эшелон округа. Её командование подчинялось непосредственно Управлению ВВС, решая поставленные задачи через г. Минск.

По сохранившимся документам и воспоминаниям участников событий первых дней войны складывается достаточно противоречивая картина в плане подготовки к ней. Например, существовали приказы наркома обороны СССР и директивы начальника Генерального штаба Красной армии о маскировке самолетов, взлётных полос и аэродромных сооружений с возложением персональной ответственности на командующих ВВС округов. Последним таким документом стала директива № 1 Военным советам западных приграничных округов о возможном нападении немцев. В ней ставилась задача «*Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и тщательно её замаскировать*» [20, с. 79]. Но была ли она выполнена? Как и был ли выполнен приказ народного комиссара обороны СССР и начальника Генерального штаба Красной армии от 19 июня 1941 г. «О маскировке аэродромов, войсковых частей и важных военных объектов округов»? По документам 215-й ШАП ещё 21 июня полк был приведён в полную боевую готовность: самолёты рассредоточены по окраинам аэродрома, боеприпасы по одному боекомплекту подвешены к самолётам, щели для укрытия личного состава отрыты и замаскированы, личный состав подготовлен к возможным агрессивным действиям со стороны вероятных противников [9, л. 42]. Несколько другая картина по тому же полку рисуется Г. А. Чечельницким: «*Сигнал тревоги прозвучал в лагере ранним утром [22.6.41 г.]. В это солнечное летнее утро никому не приходила*

в голову мысль о том, что тревога сегодня не учебная. И сразу приказ «По местам!» Закипела работа. Быстро подготовлены укрытия для всех самолетов, машины рассредоточены по окраинам аэродрома, боекомплект на местах, отрыты землянки и щели. Лагерь замаскирован так, что даже намётанным взглядом не обнаружишь признаков военного аэродрома» [19]. По воспоминаниям бывшего радиста 128-го СБАП М. А. Ильченко на аэродроме Улла новую бетонную взлетно-посадочную полосу строили заключенные-женщины. «*В 5 часов 25 минут защёлкали динамики: «Внимание, внимание, внимание! Боевая тревога, боевая тревога, боевая тревога!». В 7 часов утра трое из тех, что должны были ехать в [увольнение] Витебск, подошли к командиру взвода Гребенникову, рассматривающему в бинокль, высоко летящий самолёт, и спросили, когда будет автобус на Витебск. Он оторвался от бинокля и раздражённым голосом сказал: «Какой, к чёрту, автобус! Самолёт с крестами!» Примерно в 8 часов на радиостанцию пришёл командир полка майор Сандалов и приказал вызывать штаб округа в Минске и просить разрешения на боевой вылет. Когда радист передал командиру полка закодированный ответ, он, пробежав глазами по тексту, загнул такой мат, что я ещё такого не слышал. Майор спросил: «Связь с Москвой есть?» Колесин сказал: «Утром обменялись радиограммами». «Проси разрешения на вылет!» и Колесин продублировал Минскую телеграмму. Ответ последовал мгновенно: «Боевой вылет разрешаем». Майор и начальник аэродромной службы убежали, а в 9-00 мы в журнале открыли связь с эскадрильями, уходящими на боевые задания. В два часа дня два немецких самолёта пролетели над аэродромом и сбросили бомбы. Погибло и было ранено много заключённых. Через два часа был ещё налёт на городок*» [1]. Такую же картину рисуют бывшие курсанты Поставской военной авиашколы пилотов ВВС РККА ЗапОВО И. И. Коновалов и Н. Т. Смольский. Их рассказы несколько отличаются друг от друга, но в целом позволяют представить разгром аэродрома Михалишки, который использовался 12-й БАД в качестве оперативного. «*В субботу офицеры уехали в гарнизон к семьям. На аэродроме остались лишь курсант, да несколько дежурных офицеров. Утром вдруг прошел слух, что война началась. Объявили тревогу. И ведь никому в голову не пришло рассредоточить самолёты! Они стояли в центре аэродрома крыло к крылу. Как сейчас помню семнадцать красавцев СБ и напротив них столько же Р-5-ых. Дело уже к вечеру. Вдруг летят бомбардировщики Хе-111, я их насчитал двадцать четыре штуки. Пошел разговор, это, мол, наши. Так мы и разговаривали, пока не завыли посыпавшиеся на нас бомбы. Немцы закончили бомбометание, начали разворот и в это время хвостовые стрелки стали обстреливать нас из пулеметов. Вся стоянка горит. От семнадцати самолетов СБ в целости остался только один самолет. От*

Р-5-ых — ни одного. В этот день мы похоронили в воронках сорок восемь человек» [2]. «Всего на самолётной стоянке находилось около 50 самолётов У-2, Р-5 и СБ. Они стояли двумя рядами, как обычно в мирное время. В военное время самолёты должны быть рассредоточены по всему периметру аэродрома и замаскированы. Ничего этого, по непонятным причинам, сделано не было. В 17 часов мы услышали гул моторов. Все повернули головы в сторону гула и увидели девятку двухмоторных самолётов летевших на высоте около 1000 метров. Так как никаких сигналов воздушной тревоги не было, все решили, что это возвращаются наши бомбардировщики после налета на немцев. Мы даже не заметили кресты на крыльях самолетов. А это были Ю-88 немного похожие на наши СБ. За первой девяткой следовала вторая, а за ней шестерка самолётов. Никаких криков или паники не было. Я понял, что это немцы, только когда увидел отделяющиеся от самолёта бомбы. Сразу упал на землю, и тут же началась жуткая какофония. Когда все стихло, я поднял голову и понял, что остался цел, и невредим. Горело 20—25 самолётов, остальные были уничтожены или повреждены. Позже только один СБ и один У-2 смогли взлететь. Кругом раздавались крики и стоны» [5].

По документам, отложенным в фонде 12-й бомбардировочной авиационной дивизии, следует, что в 7.55 22.6.41 г. она приняла из Штаба ВВС ЗапОВО «Предварительные распоряжения № 01», которые были написаны на основании обозначившихся массовых военных действий со стороны немцев [4, с. 393]. В них 12-й авиадивизии ставилась задача: «*В течение дня 22.6.41 двумя полками 128 и 43 уничтожить скопление войск в районе Рудавка, Макашувка (что 20 км. с. в. Августов). Разрушить склады на вост. окраине Сувалки. Посадка после удара 128 СБАП Головск, 43 — Куропольe. 209 ББАП… быть в готовности к перебазированию район Теклинополь. 215…быть в готовности к перебазированию на аэродром Лесище…*» [6, с. 28].

Ещё в 4 ч. 30 мин. из дивизии в полки был передан сигнал боевой тревоги. И уже в 5.30 43-й ББАП доложил о готовности к боевому применению, 128-й СБАП — в 5.45, 209-й ББАП и 215-й ШАП — в 5.50, 6-й СБАП — в 8.30 [18, л. 9].

В 9. 00 командованием дивизии был подписан первый боевой приказ.

Боевой приказ № 01 12 БАД Витебск 22.6.41. 9.00

Карта 1:420000

1. ВВС фашистской Германии, нагло нарушив договор с Советским Союзом, предательски бомбардировали ряд городов в том числе: Белосток, Лида, Гродно. Его разведка достигает района Полоцк.

Погода — высоко-слоистая облачность 3—4 балла.

2. 12 БАД в течение 22.6.41 действует по скоплению войск противни-

ка в районе Рудавка, Макашувка и разрушает склады на восточной окраине Сувалки.

1) 43 АП с приданной эскадрильей 209 АП к 14.00 22.6 перебазироваться аэродром Куропольe и в течение 22.6.41 действовать по скоплению войск противника в районе Микашувка, Рудавка, севернее Августовского канала. Быть готовым к ночным действиям по Сувалки.

2) 128 АП с приданной эскадрильей 6 АП, разрушать склады на восточной окраине Сувалки, запасная цель — скопление войск в районе Микашувка-Рудавка. После выполнения боевой задачи посадка аэродром Головск.

3) 215 АП быть готовым к перебазированию к 18.00 22.6.41 на аэродром госп. двор Лесище.

4) Командиру 209 АП оставшийся личный состав и матчасть перебазировать аэродром Бецкая и подготовится к перебазированию аэродром Теклинополь, что 6 км западнее Вилейка.

5) Командиру 261 БАО выделить комендатуру для обслуживания 128 АП, иметь с собой бензотару, горючее, связь телефонную, телеграфную и радио. Начальником комендатуры назначаю военинжинера 3 ранга Демина.

3. Боевые донесения представлять в Поставы через 30 мин после посадки.

4. КП 12 БАД Поставы.

Командир 12 авиадивизии полковник Аладинский.

Начальник штаба дивизии полковник Минков [14, л. 1]. (рис. 3)

Здесь интересен один момент. С объявлением боевой тревоги вводился в действие июньский (1941 г.) План прикрытия Западного особого военного округа, который предусматривал в том числе и изменения в составе дивизии. 43-й и 209-й ББАПы в связи с малым радиусом действия Су-2 необходимо было передать в состав смешанных приграничных дивизий, действовавших в интересах армий прикрытия. Для этого требовалось перебазировать их на аэродромы в непосредственной близости от госграницы, а взамен вместо них принять бомбардировочные полки из этих смешанных авиадивизий [4, с. 359]. Однако все перечисленные в дивизионном Боевом приказе № 01 оперативные аэродромы входят в Поставский аэроузел и о передачи полков в приграничные авиадивизии речи в приказе не идёт. Соответствуют ли задачи на боевое применение этого приказа предвоенным задачам, сказать сложно, так как они до сих пор не опубликованы и не доступны исследователям. В 9. 30 командующим ВВС ЗапОВО и его заместителем начальника штаба был подписан Боевой приказ № 01, в котором 12-й БАД ставилась задача «*…двумя полками в течение 22.6.41 г. уничтожить танковую группировку противника в районе Сувалковского выступа*» [15, л. 7]. Эта формулировка указывает на то, что при написании приказа учитыва-

Рис. 3. Командир 4 эскадрильи 209 ББАП капитан Стрельцов Георгий Ильич

лись задачи Плана прикрытия госграницы, которые предусматривали нанесение ударов силами авиации по целям и объектам на сопредельной территории.

Однако прежде, чем самолёты 128-го СБАП пошли на взлёт, прошло не менее трёх часов. Связано это, на наш взгляд, прежде всего с мероприятиями, которые начали проводить при отмобилизовании. Кроме того, судя по-всему, у командира полка могли возникнуть вопросы по готовности оперативного аэродрома Головск принять полк после выполнения задачи, так как командир 261-го батальона аэродромного обслуживания ещё только получил приказ на перебазирование передовой команды с запасом материально-технических средств на него для встречи самолётов и подготовки их к полётам в соответствии с поставленной задачей. И только после прослушивания по радио выступления В. М. Молотова о вероломном нападении нацистской Германии на Советский Союз 128-й СБАП вылетел на бомбардировку. По-другому действовал 43-й ББАП: уже в 11.00 он сосредоточился на аэродроме Куропольe, т. е. взлетев практически сразу после получения приказа командира дивизии [13, л. 2]. Однако на боевое применение его четверка Су-2 ушла только на исходе дня, отработав вводную задачу по уничтожению десанта в районе н. п. Нача. Никаких войск противника в этом районе лётчики не обнаружили. Два экипажа отбомбились по полю, а два произвели посадку в расположении полка с подвешенными бомбами.

Преодолев около 400 км, 128-й СБАП, по-эскадрильно, в 13.50—14.00 выполнил своё задание. Первая эскадрилья в составе девяти машин сбросила бомбы на склады в 4-х км восточнее г. Сувалки. Экипажами наблюдались пожары, возникшие в результате удара. Вторая и четвертая эскадрильи, по девять СБ-2 в каждой, нанесли удары по мотомеханизированным колоннам немцев в районах Микашувка, Рыгол. Бомбы легли в расположении противника. Пятая эскадрилья в составе трёх бомбардировщиков атаковала мото-

мехколонну на перекрестке шоссейных дорог 18,5 км северо-восточнее г. Сувалки. Результаты не были установлены. Все экипажи отработали без потерь и совершили посадку на аэродроме Головск и частью на учебном аэродроме Поставской авиашколы около д. Михалишки. При посадке на аэродром Головск при рулении одна машина была поставлена на нос и погнула винты [16, лл. 1, 2]. В 17. 24 сводная эскадрилья 6-го СБАП в составе девяти бомбардировщиков СБ-2 под командованием командира 1-й АЭ старшего лейтенанта Г. Я. Петрова с высоты 2000 м атаковала колонну танков на шоссе Сапоцкин-Сониче и сбросила 54 авиабомбы калибра 100 кг (ФАБ-100). По наблюдениям экипажей, бомбы рвались в танковой колонне. Во время отхода от цели эскадрилья была атакована шестью истребителями типа Ме-109 и двумя бипланами неустановленного типа. В бою были сбиты два наших самолёта. Экипаж одного из них в районе г. Гродно спасся на парашютах. Второй — погиб. По докладам экипажей ответным огнём один истребитель противника был уничтожен [6, с. 30]. После выполнения задачи эскадрилья приземлилась на аэродром Головск и вошла в подчинение командира 128-го СБАП. Среди погибшего экипажа числятся четыре человека: командир звена старший лейтенант А. Г. Сотников, стрелок-бомбардир звена лейтенант Ф. И. Пасюк, воздушный стрелок сержант Г. Н. Черкашин и техник по вооружению [старший] воентехник 1-го ранга Г. П. Астапов. Появление нештатного члена экипажа указывает на использование его в качестве второго (люкового) воздушного стрелка. Этот опыт, приобретённый в Советско-финляндской войне, получил впоследствии широкое распространение в советской авиации.

Но день ещё не закончился. Рассказы И. И. Коновалова и Н. Т. Смольского о налёте немецкой авиации на Михалишки подтверждаются Разведсводкой № 01 штаба 12-й БАД, составленной и подписанной к 24. 00 22. 6. 41 г.: «*В 20.30 над аэродромом Михалишки на высоте 1000 м появились два разведчика типа Ме-109, их приходу предшествовал пожар сарая в районе аэродрома. Через 30 мин появилось 18—24 бомбардировщика. Произвели атаку пульогнем, после чего сбросили бомбы. Сгорело семь СБ и семь Р-5. Убито 15 чел., ранено — 20 чел.* » [17, л. 1].

Всего за день дивизией на боевое применение совершено 43 самолёто-вылета, из них 39 на СБ-2 и 4 на Су-2 [16, л. 1].

К исходу 22 июня сводная эскадрилья 209-го ББАП на Су-2 под командованием командира 4-й АЭ капитана Г. И. Стрельцова перелетела на аэродром Курополье и вошла в состав 43-го ББАП.

215-й ШАП осуществлял парой И-15 бис патрулирование над аэродромом Травники и готовился к перебазированию на аэродром Лесище в районе Волковыска.

Выводы. Создание 12-й БАД было вызвано изменением организационно-штатной структуры ВВС Красной армии. Сформированная в предвоенные годы, дивизия не успела ни толком перевооружиться на новую технику, ни набраться мастерства. Вступив в войну ограниченным составом, она с первого дня участвовала в бомбардировках наземного противника на его территории, сосредоточив основные усилия на уничтожении его танков и моторизованных войск, перебазировавшись на оперативные аэродромы ближе к линии боевого соприкосновения с немецкими войсками.

Список литературы и источников

1. Ильченко М. А. Воспоминания / М. А. Ильченко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iremember.ru/letno-tekh-sostav/ilchenko-mikhail-alekseevich.html. — Дата доступа: 12.11.2015.
2. Коновалов И. И. Воспоминания / И. И. Коновалов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iremember.ru/letchiki-shturmoviki/konovalov-ivan-ivanovich.html. — Дата доступа: 12.11.2015.
3. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: НАРБ, 2007. — 662 с.
4. На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / В. В. Абатуров [и др.]; научн. ред. В. В. Абатуров. — Минск: БЕЛТА. — 2006. — 576 с.
5. Смольский Н. Т. Воспоминания / Н. Т. Смольский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iremember.ru/letchiki-bombardirov/smolskiy-nikolay-timofeevich.html. — Дата доступа: 12.11.2015.
6. Тимин, М. Ответный удар. Действия советской бомбардировочной авиации 22 июня 1941 года / М. Тимин // Авиапарк. — 2010. — № 2. — С. 20—39.
7. Тимин, М. Ответный удар. Действия советской бомбардировочной авиации 22 июня 1941 года / М. Тимин // Авиапарк. — 2010. 1 № 3. — С. 24—39.
8. Тимин, М. Действия советских штурмовиков 22 июня 1941 г. Почему сорвался ответный удар? / М. Тимин // Авиапарк. — 2010. — № 4. — С. 22—40.
9. Исторический формуляр // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). — Фонд 6 гв. ШАП. — Оп. 518553. — Д. 1.
10. Боевая работа. Списки личного состава. // ЦАМО РФ. - Фонд 6 гв. ШАП. — Оп. 143493. — Д. 2.
11. Книга учёта среднего и старшего начсостава. // ЦАМО РФ. — Фонд 12 САД. — Оп. 2. — Д. 11.
12. Сводка о БЧС ВВС Западного фронта. // ЦАМО РФ. — Фонд 208. — Оп. 2589. — Д. 42.

13. Исторический формуляр. // ЦАМО РФ. — Фонд 13 гв. БАП (43 ББАП). — Оп. 143381. — Д. 2.

14. Боевые приказы, распоряжения и прочие распоряжения на боевые действия. // ЦАМО РФ. — Фонд 12 САД. — Оп. 1. — Д. 3.

15. Боевые приказы, оперсводки ВВС фронта и планы боевых действий авиасоединений и частей. // ЦАМО РФ. — Фонд 208. — Оп. 2589. — Д. 9.

16. Оперативные сводки и боевые донесения штаба 12 авиадивизии. // ЦАМО РФ. — Фонд 12 САД. — Оп. 1. — Д. 4.

17. Разведывательные сводки и донесения по разведке штаба дивизии. // ЦАМО РФ. — Фонд 12 САД. — Оп. 1. — Д. 7.

18. ЦАМО РФ. — Фонд 12 САД. — Оп. 1. — Д. 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=54984.0. Дата доступа: 10.01.2016.

19. Чечельницкий, Г. Московский гвардейский штурмовой. Боевой путь 6-го Московского гвардейского штурмового ордена Ленина и ордена Суворова II степени Краснознамённого авиационного полка в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. — М.: Воениздат. — 1960. — 216 с. — Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/chechelnitsky_ga2/index.html. — Дата доступа: 15.12.2015.

20. 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. — М.: Олма Медиа Групп, 2011. — Кн. 2 Документы и материалы / под ред. А. А. Коваленя, В. А. Смолий. А. О. Чубарьян. — 720 с.

21. 1941 год — уроки и выводы / В. П. Неласов [и др.]; научн. рук. д. в. н. В. П. Неласов [Электронный ресурс]. — М.: Воениздат. — 1992. — Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/1941/index.html. — Дата доступа: 10.10.2015.

В. А. Ледник

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ В 1918—1927 ГГ.

С установлением советской власти и принятием «Декрета о Земле» в 1917 г., происходит национализация лесов, в результате которой площадь государственных лесов увеличивается в 10 раз. Природоохранное законодательство Беларуси начинает формироваться с принятием первых постановлений и декретов советской власти.

Постановлением Народного комиссариата земледелия от 4.12.1917 г. «О волостных земельных комитетах» [18] и сообщением «О сохранении со-

ветов лесничеств» от 6.12.1917 г. [26] определяется круг первых природоохранных задач новой власти, таких как: борьба с самовольными рубками леса, охрана водоёмов и регулирование ловли рыбы, регулирование пастьбы скота. Однако задачи определены без конкретных предписаний. Нужно отметить, что советская власть уже в первых законодательных актах уделила большое внимание важности научных знаний в деле охраны лесов. Так, в сообщении «О сохранении советов лесничеств» отмечается, что управление лесами требует специальных знаний и комиссарам воспрещается вмешиваться в работу лесничих [26].

В 1918 г. НКЗ РСФСР утвердил «Временное положение о лесном управлении в губерниях и областях», в котором впервые к природоохранным задачам добавилось лесовозобновление [4].

Впервые советская власть переходит от общих природоохранных формулировок, к конкретным предписаниям в 1919 г. В отличие от прошлых декретов, в 1919 г. начинается регулирование охоты, жёстко устанавливаются сроки охоты и продажи дичи, принимается первый нормативно-правовой акт по охране некоторых видов животных. Так, Постановление СНК РСФСР от 27.05.1919 г. «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» запрещает охоту на лосей, косуль и сбор птичьих яиц, а также торговлю свежеубитой дичью и охоту в весеннее и летнее время до 1 августа [19, с. 1].

Местные предписания органов Лесного Управления, также в 1919 г. переходят к конкретным природоохранным требованиям. Так, «Правила о пастьбе скота в общенародных лесах Полоцкого уезда на 1919 год» регулировали условия пастьбы скота «по билетам», запрещали пастьбу коз, свиней, овец, порчу деревьев, ловлю дичи, уничтожение гнёзд и сбор яиц птиц [22, с. 8].

В 1920 г. Советская власть уделила большое внимание борьбе с лесными пожарами, были приняты: постановление Совета Труда и Обороны «О борьбе с лесными пожарами» [21, с. 26] и инструкция Центрального Лесного Отдела НКЗ «О борьбе с лесными пожарами» [12, с. 3] подробно рассматривающие меры по борьбе с лесными пожарами и их предотвращению. Предложенные меры можно условно разделить на технические, такие как: устройство наблюдательных вышек, противопожарных просек, прудов и колодцев, снабжение лесничеств инструментами и т.д. И организационные: создание конной пожарной стражи, ответственных уполномоченных по борьбе с пожарами, распределение лесных участков между селениями с обязанностью охраны от пожаров, обучение работников Лесного Управления и населения, выработка условий мобилизации местного населения на борьбу с пожарами (мужчин от 16 до 50 лет, женщины от 16 до 40

лет). Запрещение разведения огня после 15 мая в хвойных лесах и по проезжим дорогам пастухами (несовершеннолетним пастухам запрещалось иметь при себе спички)[21, с. 26].

Также инструкция Центрального Лесного Отдела НКЗ «О борьбе с лесными пожарами» давала научные советы по борьбе с лесными пожарами. Выделялось три вида пожаров: подземный пожар (торфяной почвы), беглый огонь (возгорание сухого мха, травы, листьев) и повальный пожар (возгорание вершины деревьев). Для каждого вида указывались свои законы распространения и способы тушения [12, с. 3].

Тушение лесных пожаров получило централизованный, высокоорганизованный характер, поставленный на научную основу.

Также в 1920 г. советская власть уделила внимание упорядочению управления делами охоты в лесах. Вышел декрет СНК от 20.07.1920 г. «Об охоте», согласно которому ведение охотничьего хозяйства и управление делами охоты возлагалось на НКЗ (Народный комиссариат земледелия). Надзор за соблюдением охотничьих правил распространялся не только на государственные органы, но и на охотничьи организации и всех граждан [28, с. 6].

В 1921 г. прослеживаются меры советской власти принимаемые для облесения пустующих территорий. Меры так же условно можно разделить на технические (закупка плугов в каждое лесничество) и организационные: был выпущен циркуляр Витебского губземотдела от 3.02.1922 г., призывающий к сдаче во временное сельскохозяйственное пользование, пустующих территорий. С условием последующей посадки семян деревьев арендатором [30, с. 16].

Происходило дальнейшее упорядочение способов охоты и расширение списка животных, охота на которых была запрещена. Так, в обязательном постановлении «Об охоте и охотничьем хозяйстве в пределах Витебской губернии в развитие, дополнение и изменение Обязательного Постановления об охране дичи и порядке охоты от марта 23 дня 1921 года», указываются точные сроки и способы охоты на определённых животных (гусей, лебедей, уток, тетеревов, куропаток, зайцев и т. д.) и животные охота на которых запрещалась (глухари, тетерева, рябчики, фазаны, дикие козы). Однако постановление демонстрировало низкий уровень понимания важности роли хищных зверей и птиц в природе. Так, согласно постановлению истреблять хищных зверей и птиц разрешалось в течении всего года, всеми способами, кроме отравы. К хищным зверям и птицам причислялись: волк, лиса, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, болотный лунь, бродячие собаки и кошки [14, с. 24].

Кроме того, был выпущен декрет СНК РСФСР от 16.09.1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков», который стал важной основой для будущего создания заповедников и национальных парков. Согласно декрету, участки природы, отдельные животные и растения, представляющие научную, культурно-историческую ценность и нуждающиеся в защите, могли быть объявлены наркоматом просвещения неприкосновенными. Этим декретом запрещалось обрабатывать территорию, отведённую под заповедники и национальные парки. На заповедных территориях запрещалась всякая охота, ловля зверей и птиц, разорение гнёзд и т. д. [28, с. 7].

В 1922 г. начинается техническое оснащение лесничеств для борьбы с лесными пожарами. Так, в циркуляре Витебского губземотдела Альбрехтовскому лесничеству от 14.03.1922 г. предусмотрена закупка в Полоцкий уезд таких средств, как лошадь с инвентарём (телега, упряжь), а также лопат, мотыг и т. д. [29, с. 32].

Также начинает применяться более научный подход в деле лесонасаждения. Пересматриваются крестьянские лесонасаждения, поощряемые советской властью в предыдущие годы, но посаженные не по правилам. Для создания фонда лесных семян в 1922 г. были выпущены «Правила о порядке семязаготовительных работ в лесничествах РСФСР», в которых давались практические советы лесничим по выбору семян, был обозначен процент всхожести для каждого вида деревьев и предусматривалось оборудование складов и семясушилок [23, с. 2].

01.03.1923 г. ВЦИК СНК РСФСР был введён декрет «Об охоте». В статье 5 декрета упоминалось, что НКЗ имеет право устанавливать подробные правила производства охоты, надзор за соблюдением этих правил, перечень зверей и птиц, запрещённых к добыче, а также сроки, в которые охота разрешается [5].

Также в 1923 г. были приняты меры по ограничению незаконной вырубки лесов. Была выпущена «Инструкция к обязательному постановлению Президиума Витгубисполкома № 77 от 8 мая 1923 года по борьбе с лесными нарушениями». В инструкции оговаривалось, что объездчик обязан прибыть на место лесонарушения и составить протокол, по возможности с обвиняемым, понятыми и свидетелями. Если виновный не известен обнаружившему и отказался предъявить удостоверение личности, объездчику нужно было следовать с нарушителем до первого селения, где личность виновного устанавливалась с сельскими властями. При невозможности установления личности нарушителя в ближайшем селении, у него изымалась лошадь до предъявления удостоверения личности. Согласно инструкции, в случае подозрения сокрытия самовольно вырубленного леса в жилище, объездчик должен был обратится за помощью в милицию [9, с. 136].

1924 г. стал знаковым в развитии природоохранного законодательства Беларуси был принят «Лесной кодекс БССР» от 15.07.1924 [13, с. 23]. В Лесном кодексе и постановлении Народных Комиссариатов Земледелия, Внутренних Дел и Юстиции БССР «О мерах борьбы с лесными правонарушениями» [17, с. 69] был вновь расширен круг природоохранных задач. К природоохранным задачам относили: борьбу с самовольными порубками, пастьбой скота, сенокошением, смолокурением, сидкой дёгтя, углежжением, добычей поташа, охотой, рыбной ловлей, добычей камня, песка, торфа, мха, повреждением деревьев насечками, снятием коры, самовольным обращением лесных площадей в другие виды угодий, лесными пожарами [17, с. 69].

Также в 1924 г. советской властью продолжалось улучшение организационных и технических мер по борьбе с лесными пожарами. Так, СНК РСФСР выдал декрет от 14.07.1924 «Об охране лесов от пожаров». Декрет подтверждал распоряжения инструкции «По борьбе с пожарами Центрального Лесного Отдела НКЗ» 1920 г., в части распределения лесной площади губернии между прилегающими селениями для возможно быстрого и организованного проведения трудовой мобилизации населения на борьбу с лесными пожарами. Однако, по декрету, содействие населению, в случае недостаточности сил для ликвидации стихийных пожаров, теперь должен был оказывать и Штаб рабоче-крестьянской красной армии.

В декрете более детально прорабатывался вопрос транспорта. необходимого для мобилизации населения для тушения пожаров. Согласно декрету, для перевозки рабочей силы как на пожар, так и обратно, Народный Комиссариат Путей Сообщения предоставляет в распоряжение органов руководящих тушением лесных пожаров, бесплатно все имеющиеся в его распоряжении перевозочные средства, вплоть до специальных поездов [6].

В «Постановлениях принятых совещанием лесных работников укрупненной Белоруссии от 12 апреля 1924 г. в Минске», говориться об устройстве новых и ремонте имеющихся пожарных вышек, найме в летнее время пожарных сторожей в среднем по пять человек на каждое лесничество [20, с. 56].

В 1924 г. получила развитие дальнейшая ликвидация обезлесившихся территорий. В отличии от циркуляров 1921 г., только призывающих к их временной сдаче в сельскохозяйственное пользование, на условиях последующего лесовозобновления, в постановлении Борковичскому лесничеству под 1924 г., Управление Лесами поставило задачу ликвидации обезлесившихся площадей в ближайшее десятилетие. От лесничеств требовалось составить план закультивирования таких площадей в возможно кратчайший срок и донести какие лесокультурные работы могут быть выполнены в текущем году [33, с. 16].

Продолжалась научная работа по созданию фонда семян. В циркуляре № 5 испектрора лесов Бочейковского района Витебской округи от 2 мая 1924 г., в отличие от правил «О порядке семязаготовительных работ в лесничествах РСФСР» 1922 г., расширялись научные разъяснения биологических особенностей семян. В циркуляре говорится, что каждый ботанический вид, делится на географические виды, которые в свою очередь делятся на формационные, а последние — на элементарные или расы, отличающиеся друг от друга техническими (кривоствольность и пр.), физиологическими (быстрота роста и пр.), десеводственными (теневыносливость, морозоустойчивость, против нападения насекомых, заражения грибными болезнями) и другими свойствами. Циркуляр разъяснял работникам лесничеств, что эти особенности деревьев передаются по наследству, через семена. И лесничие не обращающие внимания на происхождению семян, могут культивировать у себя «расы», не соответствующие местным условиям (климат, почва, рельеф) и дающие отрицательные результаты. Давался ряд научных советов лесничим по отбору семян: пользоваться семенами с насаждений своего лесничества, заготавливать семена в соответствующих условиях (песчаных почвах, в боровых насаждениях и т. д.), брать с не повреждённых пожарами и бурями, не истощённых массовыми нападениями насекомых и не заражённых грибными болезнями. Запрещался сбор семян с деревьев растущих на опушках и с полевых деревьев, так как они избалованы избытком света, тепла и влаги [32, с. 29].

1924 г. был отмечен расширением полномочий работников Лесного Управления, что давало большую эффективность природоохранному законодательству. В постановлениях принятых «совещанием лесных работников укрупнённой Белоруссии 12 апреля 1924 года в Минске» был поднят вопрос о скорейшем вооружении лесных работников, технического и административного персонала, а также объездчиков револьверами, а лесников и сторожей канцелярий лесничеств винтовками [20, с. 56].

Постановление Народных Комиссариатов Земледелия, Внутренних Дел и Юстиции БССР «О мерах борьбы с лесными правонарушениями» отмечало, что по обнаружении лесонарушения лесничий, его помощник или объездчик обязаны составить протокол в присутствии представителя местной власти или понятых. Такой же порядок соблюдается и при производстве обысков в населённых пунктах. Там же упоминалось, что местные райисполкомы, сельсоветы и милиция обязываются оказывать лесной администрации и страже всемерное содействие [17, с. 69].

А уже по лесному кодексу БССР лесничие, их помощники и лесная стража, вооружаются огнестрельным оружием. А в отношении задержания

самовольных порубщиков, производства обысков, отобрания похищенных лесных материалов и призывов граждан для тушения лесных пожаров, пользовались правами милиции [13, с. 23].

Расширение полномочий работников лесничеств отразилось и в местных приказах. Так, в приказе «Полоцкого Уездного Земельного Управления № 13» от 20 февраля 1924 г., говорилось, что в Полоцком уезде увеличивается самовольная рубка леса, и лес сбывается в Полоцке различными организациями и частными лицами. Согласно приказа, лесничие должны были в недельный срок закончить осмотр организаций по выяснению находящихся у них незаконно приобретённых древесины и лесного материала [25, с. 17].

В 1925 г. наблюдается внедрение торгово-финансовых мер в деле охраны лесов. Так, в 1925 г. была выпущена «Инструкция для отпуска леса местному населению и местным государственным учреждениям из лесного фонда БССР». Согласно инструкции, на местные нужды отпускается в первую очередь мёртвый лес, срубленный и подлежащий срубке, вершины, сучья и остатки заготовок, пни и корни, подлесок, корявый и низкорослый лес на болотах. Во вторую очередь — сыро растущий лес и вырубаемый в порядке ухода за лесонасаждениями [8, с. 16]. Также СНК БССР была издана «Инструкция о мерах борьбы с лесными пожарами» от 19.06.1925 г., особое внимание в которой уделялось созданию просек и очищению лесов от хлама, в том числе и за счёт отпуска населению бесплатного дровяного материала и сучьев за очистку [11, с. 249].

Кроме того, в 1925 г. предусматривалось введение мер, содействующих дальнейшему естественному возобновлению лесов. Так, согласно циркуляру НКЗ БССР № 141 «О воспособлении естественному лесовозобновлению и об уходе за лесом» от 28.08.1925 г., к таким мерам относились: посадка семян, прочистка и прореживание хвойных молодняков, осветление ценных лиственных пород [31, с. 245].

Продолжались научные исследования для создания фонда семян. Так, Белорусской Центральной Исследовательской Лесной Станцией по лесничествам были разосланы анкеты для посылки на станцию 0,5 кг хвои и 10 кг семян дуба. К семенам нужно было приложить сведения из 19 пунктов, согласно присланной анкете [3, с. 3].

В 1925 г. происходило дальнейшее расширение советской властью списка животных, в охоте на которых вводились ограничения. Так, 24.02.1925 г. вышло постановление НКЗ БССР запрещающее отстрел белки, ввиду того что белка хищнически истреблялась и в ближайшем будущем могла стать редким зверем [16, с. 102].

Однако в деле защиты животных природоохранное законодательство находилось ещё на низком уровне, что отразилось в законодательных актах, призывающих к истреблению хищников. Так, 11. 03.1925 г. НКЗ БССР выпустил «Абежнік № 36 па пытанні аб знішчэнні ваўкоў» [1, с. 59], который получил продолжение в утверждении НКЗ БССР «Правил по борьбе с хищными зверями и птицами, вредными для лесного, охотничьего и сельского хозяйства» от 23.04.25 г. В параграфе 1 правил к хищным зверям причислялись волки, рысь, бродячие собаки и кошки, хорёк, суслик, мыши, а к вредным птицам — орлы, ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревятник, коршун, филин, чеглок, дербник, болотный лунь, сороки и вороны. В параграфе 3, говорилось что лесная стража а также Союз Охотников должен вести активную пропаганду по истреблению хищников. в том числе с помощью бесед с населением, плакатов и брошюр. Особое внимание уделялось истреблению волков, в параграфах 5, 6 и 14 были перечислены способы истребления волков в зависимости от поры года, такие как: уничтожение выводков в логове, применение облав с загонщиками и обклад флажками, отравление волков падалью. Для обнаружения выводков волков предусматривалось даже назначение опытных подвывал [24, с. 247].

1926 г. был отмечен изменением отношения советской власти к ряду хищных зверей. Важной вехой в этом вопросе стал «Абежнік № 48» НКЗ БССР от 12.04.1926 г., ограничивающий охоту на медведей, кабанов и рассомах в связи с их малой численностью. В постановлении отмечалось, что охота может производится только по ходатайству Управы Белорусского кооперационного промышленного союза [2, с. 163].

При этом данное постановление, видимо, вызвало ряд проблем, поскольку данные животные могли нападать на домашний скот. Как пример можно привести «Заключение по поводу ходатайства граждан о возмещении им НКЗ убытков за вред, причинённый медведями» от 16.11.1926 г. В заключении упоминается, что от лесничего Щербинского лесничества Оршанского округа поступило несколько актов. составленных представителями совета о потравах овса, произведённых медведями, а также о зарезанной медведями корове. Причём граждане, ссылаясь на то, что отстрел медведей запрещён, просят НКЗ БССР о возмещении им убытков. В заключении говорилось, что постановление не налагает на НКЗ БССР обязанности возмещать убытки, причинённые медведями, и не отменяет общего принципа, установленного уголовным кодексом, допускающего в условиях крайней необходимости не только нарушение установленных правил, но даже освобождающее от наказания, если это нарушение произошло для спасения жизни, здоровья или иного личного и имущественного блага, сво-

его или иного лица. Таким образом, указанные граждане для защиты своего имущества от медведей, имели право прибегать к тем или иным мерам вплоть до отстрела. В заключении рекомендовалось:

Признать, что ходатайство граждан о возмещении им НКЗ убытков, причинённых медведями, не подлежит удовлетворению.

Ввиду участившихся случаев нападения медведей на поля и скот, предложить Правлению Белкохотсоюза проверить, насколько эти хищные звери размножились, и принять меры в соответствии с результатами [7, с. 57].

Вместе с тем, в 1926 г. наблюдалось разграничение в отношении к различным хищникам, продолжалась организация систематического уничтожения волков. Так, 15.11.1926 г. НКЗ БССР утвердил "Инструкцию по употреблению отравы для волков на территории Государственного Охотничьего Заповедника Борисовского Округа". Согласно инструкции, в канцелярии вводилась особая учётная ведомость по препаратам и ядам, поступившим в заповедник для отравы волков. Работы с ядами должны были производиться в специальном помещении, находящимся под замком. Местному объездчику поручалось ответственное ежедневное наблюдение за отравленной массой, хода около неё волков, учётный надзор и выслеживание отравленных особей. Данные должны были передаваться егерю, а последним — производителю работ [10, с. 130].

В 1927 г., советской властью была сделана попытка привлечения внимания охотников к проблеме лесных палов, видимо, из-за того что охотники часто сами являлись причиной возникновения палов. Правление Белкохот союза выпустило 1.05.1926 г. агитлистовку «Охотники, на борьбу с «палами»», однако в листовке в первую очередь уделялось внимание тому, что от палов страдают охотничьи виды пушной и пернатой дичи [15, с.138], что свидетельствует о низком уровне понимания проблемы палов.

1927 г. стал знаковым в деле привлечения науки к борьбе с насекомыми, представляющими опасность для лесных массивов. Управление лесами выпустило указания, в которых описывается, что в лесах Белоруссии обнаружено два очага распространения большого и малого стригуна. Были определены сроки и методы борьбы с вредителем в соответствии с биологическими особенностями его развития: снятие коры с деревьев, её сожжение и т.д. [27, с. 152].

Таким образом, в первое десятилетие установления советской власти на территории Беларуси происходило зарождение природоохранного законодательства. Усиление природоохранных мер происходило в законодательных актах по следующим основным направлениям: борьба с лесными пожарами, регулирование сроков и способов охоты, расширение списка

животных, охота на которых запрещалась, создание научного фонда семян лесных деревьев, лесовозобновление и борьба с опасными для лесных массивов насекомыми. Предупреждение и борьба с лесными пожарами началась с 1920 г. через технические меры: устройство наблюдательных вышек, противопожарных просек, прудов и колодцев, снабжение лесничеств инструментами и лошадьми с инвентарём. А также организационные меры: создание конной пожарной стражи, назначение ответственных уполномоченных по борьбе с пожарами, распределение лесных участков между селениями с обязанностью охраны от пожаров, обучение работников Лесного Управления и населения, выработка условий мобилизации местного населения на борьбу с пожарами. Также с 1924 г. Народный Комиссариат Путей Сообщения предоставлял в распоряжение органов, руководящих тушением лесных пожаров, бесплатно все имеющиеся в его распоряжении перевозочные средства, вплоть до специальных поездов. А в случае недостаточности сил местного населения для ликвидации стихийных пожаров, содействовать населению должен был Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Регулирование сроков и способов охоты на территории Беларуси началось с 1919 г., когда была запрещена охота на лосей и косуль, сбор птичьих яиц, а также торговля свежеубитой дичью и охота в весеннее и летнее время до 1 августа.

С 1921 г. в пределах Витебской губернии, устанавливались точные сроки и способы охоты на определённых животных (гусей, лебедей, уток, куропаток, зайцев и т.д.) и были определены животные, охота на которых запрещалась (глухари, тетерева, рябчики, фазаны и косули). С 1925 г. на территории Беларуси вводились ограничения по отстрелу белки, а с 1926 г. на отстрел медведей, кабанов и россомах.

Вместе с тем наблюдался низкий уровень понимания важности каждого вида в природе, поощрялось систематическое уничтожение хищных зверей и птиц. К хищным и вредным зверям в 1925 г., на территории Беларуси причислялись: волк, рысь, бродячие собаки и кошки, хорёк, суслик, мыши, а к вредным птицам — орлы, ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревятник, коршун, филин, чеглок, дербник, болотный лунь, сорока и ворона. Истребление данных животных финансово поощрялось.

С 1922 г. началась разработка правил для научного исследования семян лесных деревьев и создания научного фонда. В дальнейшем создание фонда лесных семян было связано с Белорусской центральной исследовательской лесной станцией.

Проводились и важные меры по лесовозобновлению на пустующих территориях. С 1921 г. Витебский губземотдел призывал лесничества к сда-

че во временное сельскохозяйственное пользование пустующих территорий на условиях последующей посадки арендатором лесных семян. В 1924 г. Управление лесами поставило задачу ликвидации обезлесившихся площадей в ближайшее десятилетие. И требовало от лесничеств составить план закультивирования таких площадей, в возможно кратчайший срок, а также донести, какие лесокультурные работы могут быть выполнены в текущем году.

К другим важным природоохранным задачам, успешно решаемым на территории Беларуси в первое десятилетие советской власти, можно отнести борьбу с самовольными порубками, пастьбой скота, сенокошением, смолокурением, сидкой дегтя, углежжением, добычей поташа, охотой, рыбной ловлей, добычей камня, песка, торфа, мха, повреждением деревьев насечками, снятием коры, самовольным обращением лесных площадей в другие виды угодий, опасными для лесных массивов насекомыми, охрана водоёмов и регулирование ловли рыбы.

Первое десятилетие советской власти, стало знаковым в деле зарождения и развития природоохранного законодательства на территории Беларуси.

Список источников и литературы

1. Абежнік № 36 НКЗ БССР «Па пытанні аб знішчэнні ваўкоў» от 11.03.1925 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 290. — Оп. 1. — Д. 4.
2. Абежнік № 48 НКЗ БССР ад 12.04.1926 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 46.
3. Ад Станцыі Спробы ляснога насеньня // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 64.
4. Временное положение о лесном управлении в губерниях и областях НКЗ РСФСР от 12.01.1918 // Правовая Россия [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: http://lawru.info/dok/1918/01/12/n1206269.htm. — Дата доступа: 16.01.2016.
5. Декрет ВЦИК СНК РСФСР «Об охоте» от 01.03.1923 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1546.htm. — Дата доступа: 04.01.2015.
6. Декрет СНК РСФСР «Об охране лесов от пожаров» от 14.07.1924 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2089.htm. — Дата доступа: 06.01.2015.
7. Заключение по поводу ходатайства граждан о возмещении им НКЗ БССР убытков за вред причиненный медведями от 16.11.1926 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2252. — Оп.1. — Д. 53.

8. Инструкция для отпуска леса местному населению и местным государственным учреждениям из лесного фонда БССР от 13.06.1925 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 290. — Оп.1. — Д. 2.

9. Инструкция к обязательному постановлению Президиума Витгубисполкома № 77 от 8 мая 1923 года по борьбе с лесными нарушениями // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 288. — Оп. 20. — Д. 1.

10. Инструкция НКЗ БССР по употреблению отравы для волков на территории Государственного Охотничьего Заповедника Борисовского Округа от 15.11.1926. // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 46.

11. Инструкция о мерах борьбы с лесными пожарами СНК БССР от 19.06.1925 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 11.

12. Инструкция Центрального Лесного Отдела Народного комиссариата земледелия «О борьбе с лесными пожарами» // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 304. — Оп. 1. — Д. 8.

13. Лесной кодекс БССР от 15.07.1924 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 288. — Оп. 1. — Д. 42.

14. Обязательное постановление об охоте и охотничьем хозяйстве в пределах Витебской губернии в развитие, дополнение и изменение Обязательного Постановления об охране дичи и порядке охоты от марта 23 дня 1921 года // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 304. — Оп. 1. — Д. 2.

15. Охотники, на борьбу с «палами», Белкохотсоюз от 1 мая 1926 года // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2252. — Оп.1. — Д. 36.

16. Постановление НКЗ БССР от 24.02.1925 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 11

17. Постановление Народных Комиссариатов: Земледелия, Внутренних Дел и Юстиции БССР «О мерах борьбы с лесными правонарушениями» // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 11.

18. Постановление НКЗ РСФСР «О волостных земельных комитетах» от 4.11.1917 // Исторические материалы [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: istmat.info/node/27941. — Дата доступа: 16.01.2016.

19. Постановление СНК РСФСР «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» от 27.05.1919 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 287. — Оп. 1. — Д. 2.

20. Постановления принятые совещанием лесных работников укрупненной Белоруссии от 12 апреля 1924 года в Минске // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 13.

21. Постановление Совета Труда и Обороны «О борьбе с лесными пожарами» от 27.07.1920 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 304. — Оп. 1. — Д. 2.

22. Правила о пастьбе скота в общенародных лесах Полоцкого уезда на 1919 год // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 304. — Оп.1. — Д. 2.

23. Правила о порядке семязаготовительных работ в лесничествах РСФСР // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 288. — Оп.1. — Д. 27.

24. Правила по борьбе с хищными зверями и птицами, вредными для лесного, охотничьего и сельского хозяйства утвержденные НКЗ БССР от 23.04.25 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп.1. — Д. 11.

25. Приказ Полоцкого Уездного Земельного Управления от 20 февраля №13 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 287. — Оп.1. — Д. 26.

26. Сообщение НКЗ РСФСР «О сохранении советов лесничеств» от 6.11.1917 // Исторические материалы [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: http://istmat.info/node/28083. — Дата доступа: 16.01.2016.

27. Указания Управления Лесами // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2252. — Оп.1. — Д. 53.

28. Улитин, А. А. Охота и закон / А. А. Улитин. — М.: Агропромиздат, 1987 — 240 с.

29. Циркуляр Витебского губземотдела Альбрехтовскому лесничеству № 32 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 287. — Оп. 1. — Д. 26.

30. Циркуляр Витебского губземотдела №14 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 287. — Оп. 1. — Д. 26.

31. Циркуляр НКЗ БССР № 141 «О воспособлении естественному лесовозобновлению и об уходе за лесом» от 28.08.1925 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 11.

32. Циркуляр № 5 инспектора лесов Бочейковского района Витебской округи от 2.05.1924 // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 2247. — Оп. 1. — Д. 13.

33. Циркуляр Управления Лесами Борковичскому лесничеству // ЗГА в г. Полоцке. — Фонд 288. — Оп. 1. — Д. 52.

І. У. Магалінскі

МЕТАЛІЧНАЯ ЛІЦЕЙНАЯ ФОРМА XII СТ. З МУЗЕЙНЫХ ЗБОРАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

Адным з важнейшых індыкатараў узроўню развіцця матэрыяльнай культуры сярэднявечнага Полацка з'яўляюцца вырабы з каляровых металаў, а таксама інструменты і прыстасаванні для іх вырабу. Складанасць і тэхналагічная разнастайнасць ювелірных аперацый вызначала існаванне шырокага набору спецыялізаваных ювелірных інструментаў. Сярод іх вялікую ролю адыгрывалі прыстасаванні для ліцця — тыглі і ліцейныя формы.

Вытворчасць ліцейных форм патрабавала ад рамесніка не толькі ведання тэхналагічных асаблівасцяў плаўкі металаў і наяўнасці мастацкіх здольнасцяў, але і істотных матэматычных і фізічных ведаў, якія былі неабходныя для разліку даўжыні літніку, устанаўлення неабходнай колькасць металу, вызначэння ліцейных характарыстык розных сплаваў і іх паводзінаў пад уздзеяннем высокіх тэмператур [1, 2, 3].

Падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Полацка было выяўлена не менш за 29 ліцейных форм, зробленых з каменю, гліны і рогу. Асобна стаіць знаходка металічнай матрыцы для адліўкі дэкаратыўных цвічкоў, якая паходзіць з раскопак 2012 г. на тэрыторыі Запалоцкага пасада (даследаванні Д. У. Дука) [4, с. 143].

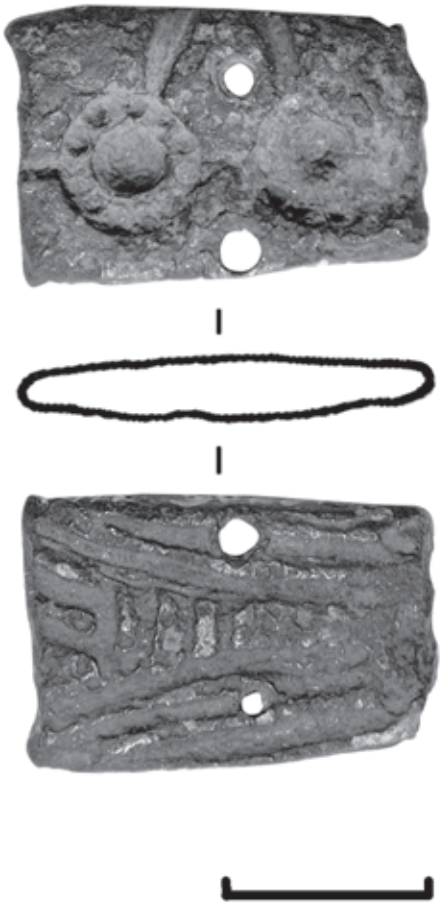
У апошнія гады археалагічная калекцыя Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (далей — НПГКМЗ) істотна павялічылася не толькі за кошт паступленняў з археалагічных даследаванняў, але і за кошт перадачы некаторых знаходак з прыватных калекцый мясцовых аматараў даўніны. Нягледзячы на той факт, што большая частка рэчаў з такіх калекцый адарваныя ад стратыграфічнага і тэрытарыяльнага кантэксту, падобныя артэфакты неабходна даследаваць і выкарыстоўваць іх у якасці дапаможнага матэрыялу падчас навуковых абагульненняў.

Летам 2015 г. у мясцовага калекцыянера А. В. Бельчыкава НПГКМЗ набыў шэраг артэфактаў (звыш 80 экз.), якія ў асноўным адносяцца да элементаў паяснога набору. Сярод плюсаў калекцыі — надзейная лакалізацыя ўсіх знаходак на тэрыторыі Полацка.

У цэлым калекцыя не мае аналагаў у Беларусі і ўтрымлівае ўнікальныя знаходкі. Акрамя прадметаў паясной гарнітуры, сярод рэчаў былі выяўлены артэфакты, якія адносяцца да іншых катэгорый металапластыкі (крыж-энкалпіён, металічныя дэталі аздаблення скураной сумкі) і спецыялізаваных інструментаў (шырокагубы пінцэт і ліцейная форма). У кантэксце вывучэння эвалюцыі тэхнікі і тэхналогіі старажытнага полацкага ювелірнага рамяства вялікае значэнне мае ўнікальная металічная ліцейная форма (*малюнак*). Прадмет знойдзены ў р. Заходняя Дзвіна недалёка ад «новага» маста праз Дзвіну, насупраць в. Экімань.

Прадмет мае выгляд падпрамавугольнай металічнай пласціны, выкананай са сплаву на аснове медзі. Памеры формы наступныя: даўжыня — 1,9 см; шырыня з вузейшага боку — 1,1 см; шырыня з шырэйшага боку — 1,3 см; таўшчыня пласціны — 0,3 см.

Выраб прадстаўлены часткай раздымнай, двухстворкавай, закрытай, вертыкальнай ліцейнай формы з дзвюма адтулінамі для мацавальных стрыжняў. Верагодна, форма адносілася да інструментаў з рабочай поласцю



Малюнак.

ў адной створцы з двума літнікамі. Выраб прызначаўся для адліўкі невялікіх дэкаратыўных разетак (дыяметр — 0,7 см), якія мелі пукатую акруглую сярэднюю частку, аздобленую па краях абадком з паўкруглых элементаў. Адна разетка захавалася добра, другая была дэфармаваная ў працэсе адліўкі.

Разеткі маглі з'яўляцца часткай дэкаратыўных цвічкоў, якія вядомыя на тэрыторыі старажытнай Русі і Скандынавіі. Пасля заліцця металу ў форму і атрымання гатовай разеткі мацавальную ножку да такога прадмета прыпайвалі асобна [6, с. 69].

Сярод археолагаў існуюць спрэчкі адносна прызначэння падобных ліцейных прыстасаванняў. Частка даследчыкаў упэўнена, што вырабы з металу, рогу, косці, гліны, а магчыма і каменю маглі выкарыстоўвацца толькі для адліўкі васковых матрыц, якія далей ужываліся падчас вырабу пластычных форм. Між тым нельга выключаць, што частка падобных прадметаў выкарыстоўвалася манавіта для плаўкі металу, перадусім легкаплаўкіх сплаваў (на аснове волава і свінцу) з нізкай тэмпературай плаўлення [5, с. 78—80].

Верагодна, менавіта для гэтых мэтаў выкарытоўвалася і полацкая форма, на што ўказвае частковая дэфармацыя рабочай поласці прадмета, якая магла ўзнікнуць толькі ў выпадку выкарыстання прастасавання для адліўкі прадметаў з тэмпературай плаўлення, вышэйшай за тэмпературу плаўлення воску.

Унікальнасць дадзенай ліцейнай формы заключаецца ў другасным характары яе выкарыстання. На адваротным рабочай поласці баку прадмета фіксуецца частка выявы. Верагодна, майстар-ювелір для вырабу формы выкарыстаў фрагмент прадмета хрысціянскага культу, які трапіў да яго на перплаўку ў выглядзе сыравіны.

Найбольш блізкая аналогія полацкай форме выяўлена ў Гнёздава і датуецца X ст. [6, с. 72]. Аднак полацкая знаходка выканана па іншым прынцыпе і выкарыстоўвае для дастаўкі металу ў рабочаю поласць сістэму літнікаў, што найбольш характэрна для ліцейных форм XII—XIII ст. [7, 192]. На карысць больш позняй даціроўкі гаворыць і выява на адваротным баку прадмета, якую можна лічыць часткай крыжа «з грубай выявай Распяцця», якія традыцыйна датуюцца XI—XII стст. Улічваючы ўсё вышэйадзначанае, датаванне прадмета трэба абмежаваць XII ст. [8, с. 253].

Такім чынам, створка металічнай ліцейнай формы, якая паходзіць з прыватнай калекцыі, з'яўляецца яшчэ адным важным указаннем на існаванне на тэрыторыі Полацка высокаразвітага ювелірнага рамяства, якое стаяла на адным узроўні з буйнымі рамеснымі цэнтрамі стражытнай Русі.

Літаратура

1. Дайга, И. В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) / И. В. Дайга // Советская археология. — 1960. — № 3. — С. 78—92.
2. Ениосова, Н. В. Литейные формы Гнёздова / Н. В. Ениосова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). — М., 1998. — С. 67—81.
3. Зайцева, И. Е. Каменные литейные формы Серенска / И. Е. Зайцева // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. — М., 2008. — Выпуск 4. — С. 152—160.
4. Магалінскі, І. У. Металічная матрыца з Полацка / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Полацк: [НПГКМЗ], 2014. — С. 142—146.
5. Зайцева, И. Е. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI—XIII в. / Зайцева И.Е, Сарачева Т. Г. — М.: Индрик, 2011. — 404 с.
6. Ениосова, Н. В. Медная матрица из Гнёздова: функция и контекст / Н. В. Ениосова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. — М.: Русские словари, 1999. — С. 65—75.
7. Магалінскі, І. У. Ліцейныя формы і тыглі для плаўкі каляровых металаў з тэрыторыі Полацка X—XVII стст. / І. У. Магалінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. — Мінск: Беларуская навука, 2011. — Вып. 21: Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). — С. 184—193.
8. Магалінскі, І. У. Металічныя крыжы-цельнікі канца X—XVIII ст. з тэрыторыі Полацка (класіфікацыя, храналогія і тэхналогія вытворчасці) / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч. — Полацк: НПГКМЗ, 2012. — С. 252—265.

К. А. Нарейко

3-Я БЕЛОРУССКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНАЯ СТРУКТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На протяжении семидесяти лет события Великой Отечественной войны остаются одной из самых героических и трагических страниц истории Беларуси. Важнейшей составляющей всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков являлось партизанское движение.

Актуальность темы обусловлена тем, что при всём многообразии научных работ, посвящённых партизанскому движению на территории Беларуси, сохраняется ряд аспектов, наименее рассмотренных исследователями. Недостаточно исследованы ключевые проблемы — организация партизанских отрядов на оккупированной территории, руководство ими, структура партизанских соединений, их хозяйственная деятельность. Одной из составляющей этой проблемы является исследование организационно-штатной структуры и хозяйственной организации первого крупного партизанского формирования на полоцкой земле в годы Великой Отечественной войны — 3-й Белорусской партизанской бригады.

Как боевая единица она берёт своё начало в сентябре 1941 г. С началом оккупации на Полотчине возникает ряд мелких подпольных групп. К маю 1942 г. эти группы объединились в мощные партизанские отряды под командованием бывших командиров Красной Армии А. Я Марченко и Я. Х. Сташкевича. Уже к маю 1942 г. вооружённый партизанский отряд под командованием Марченко насчитывал 200 человек, Сташкевича — более 400 человек. В составе групп были бежавшие из фашистского плена командиры и политработники Красной Армии, комсомольцы и рабочие на станции Дретунь, а также крестьяне прилегающих деревень [8, л.19].

ОРГАНИЗАЦИЯ

Официально начало деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады было положено 6 июня 1942 г. в лесу в районе д. Чербомыслово, где состоялось партийное собрание коммунистов Полоцкого района. По решению партийного собрания и избранного на нём Полоцкого подпольного райкома КПБ(б) во главе с коммунистом Г. С. Петровым, на базе отряда А. Я. Марченко была создана партизанская бригада из трёх отрядов. В скором времени из числа прибывших партизан здесь создали и еще один отряд — четвёртый. После присоединения к партизанской бригаде Марченко отряда под командованием Я. Х. Сташкевича, в бригаде были созданы ещё

Рис. 1. Марченко Аркадий Яковлевич — один из организаторов подпольного и партизанского движения на Полотчине, командир 3-й Белорусской партизанской бригады

3 партизанских отряда, которым придали номера 5, 6, 7. Полоцкий райком КПБ(б), который базировался при штабе бригады, утвердил командиров, комиссаров и начальников штабов отрядов.

С самого начала её основания, бригадой командовал бывший командир Красной Армии А. Я. Марченко (*рис. 1*). Во время его командировки в Москву и длительного лечения после авиакатастрофы — В. В. Жиганов (*рис. 2)*. Комиссарами бригады были Е. А. Козлов (погиб в авиакатастрофе), Н. А. Новиков, Ф. Т. Шедов.

Кроме того, как и в других партизанских бригадах, был создан штаб бригады, который занимался планированием боевых операций. Начальниками штаба были Т. К. Раевский и В. В. Жиганов (февраль 1943 — ноябрь 1943 г.). Бригада получала свой номер и название — 3-я Белорусская партизанская бригада.

В это же время были созданы общебригадные службы — разведывательно-диверсионная, хозяйственная, связи, медицинская — эти службы находились под командованием соответствующих начальников.

С течением времени в связи с бурным ростом численности отрядов и расширением масштабов боевых действий, потребовалась новая организация бригады. В январе месяце 1942 г. во всех отрядах были созданы роты. Отряды были переведены на новую систему: в каждом из них стало по 2—3 роты, в ротах — по 3 взвода (*рис. 3*). В роте насчитывалось до 70 человек [6, л. 43].

Таким образом, структура 3-й Белорусской партизанской бригады была следующая: бригада — отряд — рота — взвод — отделение (*рис. 4*).

Все отряды 3-й Белорусской партизанской бригады были полностью укомплектованы командным составом. В отряде существовали следующие должности: командир отряда, комиссар, начальник штаба, командиры боевых рот, командиры боевых и хозяйственных взводов. В составе отрядов

Рис. 2. Жиганов Владимир Васильевич — и. о. командира 3-й Белорусской партизанской бригады (октябрь 1942 — январь 1943 г.), начальник штаба 3-й Белорусской партизанской бригады (февраль 1943 — ноябрь 1943 г.)

были также взводы станковых пулемётов, противотанковых ружей, миномётный, разведывательно-диверсионный, отделения хозяйственной, медицинской службы, связи.

Всего в каждом отряде было 90—230 человек. Штаб бригады с разведвзводом, хозяйственным взводом и лазаретом насчитывал 100 человек.

Все лица, вступавшие в партизанские формирования, принимали партизанскую присягу, в отрядах устанавливалась строгая воинская дисциплина.

СОСТАВ

В 3-й Белорусской партизанской бригаде действовало 7 отрядов.

1-й отряд был организован в июле 1942 г. на базе инициативной группы, выделенной отрядом Марченко, и жителей дд. Гороватки, Жуковичи, Копно Полоцкого района. Именовался 4-м отрядом. В мае 1943 г. он был расформирован, личный состав влит во 2-й отряд. В июле 1943 г. воссоздан и переименован в 1-й отряд.

2-й и 3-й отряды были образованы в июне 1942 г. из партизан, выделенных из отряда А.Я. Марченко. На момент соединения с частями Красной Армии насчитывали в своих рядах соответственно 142 и 210 партизан.

4-й отряд создан в конце июля 1943 г. из партизан, выделенных бригадой им. С. М. Короткина. На момент соединения с частями Красной Армии насчитывал 116 партизан.

Отряды 5-й и 6-й образованы в июле 1942 г. из партизан, выделенных отрядом Я. Х. Сташкевича. Насчитывали в своих рядах соответственно 152 и 148 партизан.

7-й отряд организован в конце марта 1943 г. на базе инициативной группы В.В. Савченко, выделенной бригадой. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 147 партизан [2, с. 244—245].

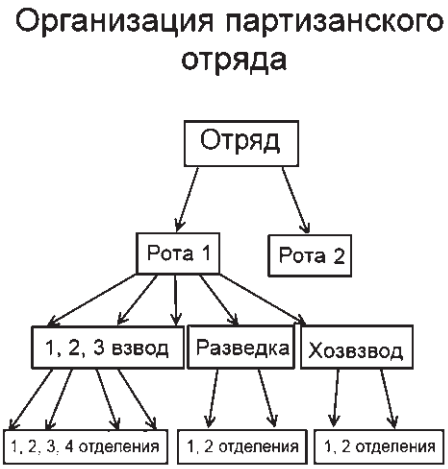


Рис. 3. Схема организации отрядов 3-й Белорусской партизанской бригады

3-й отряд под командованием В.В. Жиганова находился при штабе бригады и являлся резервным. Его силы, как правило, направлялись туда, где была необходимость в боевой поддержке [4, л. 132—133].

С самого начала своей организации командование 3-й Белорусской партизанской бригады оказывало помощь с руководящими кадрами и даже с организацией боевых групп в других районах Беларуси. С целью развития партизанского движения в Вилейской области из состава бригады в июле 1942 г. был выделен 6-й отряд под командованием Я. Н. Букарева В июле 1943 г. туда же передислоцировался 1-й отряд. Позже в составе бригады 7-й отряд под командованием Шервашидзе был переименован в 6-й, а 4-й отряд — в 1-й отряд, одновременно были созданы новые — 7-й и 4-й отряды.

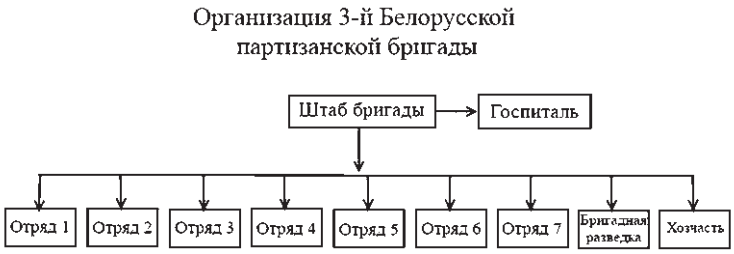


Рис. 4. Схема организации 3-й Белорусской партизанской бригады

Личный состав бригады состоял в основном из представителей местных сельских жителей (колхозников), рабочих с железнодорожной станции Дретунь, большинство которых раньше не служили в рядах КА, за исключением бывших военнопленных, которых было также значительное количество.

Благодаря документам можно проследить «эволюцию» боевого численного состава 3-й Белорусской партизанской бригады. Так, в июле 1942 г.

после объединения бригады Марченко с отрядом под командованием Я. Х. Сташкевича численность бригады возросла до 888 человек личного состава. Согласно ведомости боевого численного состава партизанской бригады Марченко по состоянию на 26.07.1942 г. в бригаде числилось:

В отрядах:

— Мещерякова — 115 человек;
— Австрейко — 105 ;
— Жиганова — 120;
— Матецкого — 120;
— Власенко — 115;
— Букарева — 110;
— Шервашидзе — 125;

Из них, старшего командного состава — 34 человека;
политического состава — 15 человек;
младшего комсостава — 75 человек;
рядового — 764 человека;
всего — 888 человек [8, л. 3].

Благодаря успешным боевым действиям партизан 3-й Белорусской партизанской бригады и огромного прилива к партизанам местного населения и бежавших из «лагерей смерти» военнослужащих Красной армии численность бригады к зиме 1942 г. заметно возрастает. Согласно документам, в бригаде на 30 ноября 1942 г. находилось:

старшего комсостава — 6 человек;
среднего — 51;
младшего — 159;
рядового — 1016;
всего — 1246.

По национальному составу:
русских — 143 человек;
белоруссов — 1055;
украинцев — 34;
татар — 4;
прочих — 10.

Из них,
мужчин — 1169
женщин — 77 [3, л. 52].

В апреле 1943 г. 3-я Белорусская партизанская бригада насчитывала в своих рядах 1181 человек личного состава. Численность по отрядам: отряд

под командованием Гукова — 230 человек, Макогина — 109, Рединова — 182, Кухаренко — 150, Горбатенко — 153, Тимонина — 156, Шервашидзе — 159. Штаб бригады Марченко — 92 человека.

По национальности: русских — 123, украинцев — 37, белорусов — 1001, татар — 2, прочих —18 человек, из них мужчин — 1099, женщин — 82.

Согласно политдонесению по вопросам уборки урожая от 29 июля 1943 г., в состав бригады входило 7 отрядов. Территория Полоцкого района, включая сельсоветы, расположенные западнее г. Полоцка, была разделена на 6 участков и распределена по отрядам:

отряд Мещерякова — Мало-Ситнянский, Арлейский с/с;

отряд Астрейко — Громовский и Солоницкий с/с;

отряд Матецкого — Домниковский и Васильевский с/с;

отряд Власенко — Сосницкий и Шатиловский с/с;

отряд Букарева — Верхоченский с/с, часть Юровичского и Алесовского с/с;

отряд Шервашидзе — часть Алесовского, Юровичкого с/с [3, лл. 304—305].

В составе бригады работало 7 первичных партийных организаций, в которых состояли 54 коммуниста, из них членов ВКП(б) — 38, кандидатов — 21. В составе бригады работало 7 комсомольских организаций, в которых состояло 130 комсомольцев [6, л. 38].

Слаженная партийная и патриотическая работа способствовала поднятию боевого духа бойцов и командиров 3-й Белорусской партизанской бригады. Документы соединения свидетельствуют: «Коммунист командир 1-го отряда Мещеряков и комиссар Черкунов, сами ищут немцев. Уничтожили в августе 148 фрицев. По морально-политическому состоянию отряд состоит на первом месте. Комиссар 4-го отряда Шедов сам добился, чтобы отряд активничал и сам нападал на немцев. Уничтожил и ранил 54 немца. Кандидат партии Юзефович во время операции в Трудах личным примером увлек бойцов, его взводом убито 20 немцев. 15 комсомольцев имеют благодарности и представлены к правительственной наградам, из них 2 на Героя Советского Союза, 46 коммунистов и 30 комсомольцев занимают командные должности в бригаде» [3, лл. 32—33].

В связи с боевыми операциями, которые постоянно проводили отряды 3-й Белорусской партизанской бригады, и неминуемыми безвозвратными и санитарными потерями, боевой численный состав бригады менялся. Бригада постоянно находилась в непрерывных боях с карателями, меняя своё место дислокации. Имело место и дезертирство. Согласно сообщению секретарей Витебского обкома КПБ(б) Эйдинова и Стулова от 12 марта 1943 г. о состоянии 3-й Белорусской партизанской бригады: «Людской со-

став сохранен практически полностью, но к противнику перешло 12 человек, 40 скрываются в лесах. Потерь командного состава не имеем». Это далеко не единичные случаи. Из политдонесения 3-й Белорусской партизанской бригады и Полоцкого РК КПБ(б) за январь 1943 года: «Во время форсирования железной дороги начальник артиллерии капитан Шуваев проявил трусость, бросив орудие, и только отважность бойца Жак помогла переправить орудие вместе со всем расчетом». Согласно политдонесению 3-й БПБ за 26.8.1942 г., «Партизаны Титов, Богданов, Будневич бежали с поля боя, как трусы (3-й отряд). Отдельные партизаны искусственно вызывали болезнь рук и ног (4-й отряд)» [3, лл. 32—36].

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

С самого начала своего существования командование бригады уделяло огромное внимание хозяйственным и организационным вопросам. Такое количество партизан нужно было вооружить, одеть, обуть, накормить, обеспечить элементарную гигиену и медицинское обслуживание.

Поэтому наряду с формированием боевой составляющей бригады началось создание хозяйственных, технических, госпитальных, медицинских служб.

Хозяйственная деятельность была организована в таком масштабе, чтобы обслуживать и обеспечивать не только себя, но и помогать соседним партизанским формированиям.

Подвижность отрядов возросла с выделением специальных хозяйственных групп при каждом из них. Была создана единая хозяйственная служба бригады со своей охраной, транспортом, производством.

В каждом отряде были сформированы хозяйственные взводы, которые занимались вопросами снабжения партизанских отрядов продуктами питания, одежды, инвентаря, занимались вопросами организации жилища, производства, кухонь, бань и т. д.

Как форма вооружённой борьбы, партизанская борьба имела много общего с боевыми действиями регулярных войск. Но ей была присуща и определённая специфика. Партизанский фронт, по сути дела, существует без флангов и тыла: жизнь и боевая деятельность партизан протекают в условиях постоянного вражеского окружения, под постоянной угрозой нападения врага. В силу этих обстоятельств партизанское движение может существовать и успешно развиваться только при поддержке местного населения.

Поэтому в тесном сотрудничестве с местным гражданским населением партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады занимались вопросами уборки урожая и весеннего сева, население помогало партизанам с обмундированием, оружием, предметами личного обихода.

Значительную часть хозяйственной деятельности отряда занимал сбор сельхозпродуктов у местных крестьян. Всё собранное во время хозяйственных операций подлежало строгому учёту. При этом заготовки проводились только в местах, определённых командованием Белорусского штаба партизанского движения. Заготовка продовольствия также велась и на полях около обезлюдевших деревень, из которых оккупанты выселили жителей. Хлебозаготовки партизанами проводились не только в своём районе действий, но и далеко за пределами.

Продовольствием партизаны обеспечивались по единым нормам: на каждого бойца в сутки отпускалось 600 г хлеба, 500 г картофеля, 150 г крупы, 300 г мяса или сала, щепотка соли. Правда, до налаживания регулярного снабжения из советского тыла с солью были проблемы.

Все продовольствие делилось на три части: основное, запасное и скрытый резерв. Скрытый резерв обеспечивал один отряд на полмесяца, размещался обычно в замаскированных лесных траншеях.

В каждом отряде был создан пищеблок. Также у каждого отряда была подвижная столовая или походная кухня, а у самих партизан — трёхсуточный запас продовольствия. Как правило, благодаря чёткой организации, продуктов хватало, что избавляло бригаду от необходимости обращаться к населению, которому и самому едва хватало на жизнь.

Командованием бригады проводилась большая работа по подготовке к зиме — самому трудному периоду деятельности партизан.

В вопросах подготовки к зиме на комиссаров отрядов была возложена личная ответственность. Согласно документам, на 30.8.1942 г. партизанами бригады были подготовлены зернохранилища. В них заготовлено 16 т зерна. Население сдавало хлеб исходя из нормы сдачи предвоенного 1940 г.: от 50 до 80 кг с гектара посева.

Часто хлеб и мясо партизаны добывали в буквальном смысле отбивая их у немцев. Из документов известно, что группа партизан 4-го отряда в августе 1942 г. убрала рожь и ячмень, получив 6 центнеров ржи и 3 центнера ячменя. Другая группа партизан в количестве 20 человек под командованием мл. лейтенанта Фадеева с боем взяла у врага в Сосницком сельсовете 120 овец, 1 корову и 4 лошади [5, л. 112].

Во всех деревнях, контролируемых партизанами, были выделены старшие деревень, которые проводили в жизнь все указания партизан. В документах сообщается, что «урожай убирается в основном общественным порядком, при помощи бойцов бригады, применяются машины и сельхозинвентарь, что ускоряет уборку. Население работает дружно и прячет зерно от немцев» [3, лл. 149—151].

При каждом отряде были созданы группы специалистов сельского хозяйства (трактористы, механики сельхозмашин), перед которыми была поставлена задача: собрать, отремонтировать весь совхозный инвентарь и сельхозмашины и спрятать их в лесах. В частности, отряд под командованием Власенко располагал 7 жатками, 1 сенокосилкой, 2 молотильными машинами, косами, серпами и т. д.

При каждом отряде были выделены группы агитаторов от партийных и комсомольских организаций в количестве 5-6 человек. Главная задача агитаторов — указать населению важность помощи партизанам и недопустимости попадания урожая в руки врага. Документы свидетельствуют, что 28 июля 1943 г. такая работа проводилась в 43 населённых пунктах: Збродовичи, Домники, Котляны, Борово, Старина, Дягели, Лысая, Токорево, Сосно, Залядье и др. Как правило, население в целом поддерживало партизан 3-й Белорусской в вопросе уборке урожая. Однако вопрос общественного характера уборки урожая во многих населенных пунктах встречал сопротивление. Документы сообщают: «Население некоторых деревень предлагает поделить урожай на корню, объясняя это тем, что люди могут не выходить на работу, а свой участок уберет каждый, а потом рассчитаются с партизанами» [3, лл. 304—305]. В д. Дюдьки партизанам пришлось даже арестовать гр. Трощенко за явный саботаж.

Разделы земли в определённых сельсоветах были поручены отдельным жителям из местного населения. Фактически были назначены в каждой деревне председатели колхозов и бригадиры.

Согласно политдонесению по 3-й Белоруской партизанской бригаде за ноябрь 1942 г. Витебскому обкому КПБ(б), продовольствием бригада на зиму 1942-1943 гг. была в основном обеспечена. При этом был создан следующий запас продовольствия: зерновых культур — 190 т, картофеля — 296 т и мяса — 24 тонны [3, лл. 351—353 об.].

Данный запас продовольствия в документах значиться как резервный, и он расходовался только с марта месяца 1943 г., а до этого времени питание бойцов осуществлялось из фондов текущего продовольствия, создаваемого за счёт отбитого у противника.

Однако в связи с постоянными боевыми действиями, которые вела 3-я Белорусская партизанская бригада, партизаны часто теряли свои продовольственные базы и подготовленные складские и хозяйственные помещения. Такие базы либо уничтожались, либо попадали в руки врага. В течение 1942—1943 гг. обстановка в районе боевых действий в Полоцком районе изменилась. В связи с переходом отрядов бригады в конце марта 1943 г. в новый район дислокации, оторванности от своих продовольственных баз,

возникли большие продовольственные затруднения. Обеспеченность продуктами питания у партизан бригады была явно недостаточная. В январе 1943 г. выдавалось продуктов партизану на день 150 - 200 г. мяса, картофеля 1,5—2 кг, молока 0,5—1 л. Хлеб выдавался редко и только по 300 г. Начиная с января 1943 г., из-за потери нескольких складов с продовольствием (22 т зерна), и отрыва отрядов от продовольственных баз, отряды 3-й Белорусской партизанской бригады фактически 5—10 дней жили без хлеба. В трудное время хлебом для партизан служила картошка. Благодаря помощи местных жителей партизанам удалось создать запас мяса.

В январе-феврале 1943 г. гитлеровцы забрали продовольственные базы бригады, например, 2-й отряд потерял 6 т хлеба, 3-й — 7,5 т, 4-й — 10 т, штаб бригады — 10 т. Имеющегося у партизан продовольствия, запасы которого были рассчитаны на 4—5 месяцев, было явно недостаточно.

В связи с отрывом бригады от продовольственных баз проведены дополнительные заготовки продуктов в населённых пунктах, кроме этого, партизаны посылались для заготовки в Латвию.

Из докладной записки Марченко секретарю Витебского обкома КПБ (б): «Основную помощь в обеспечении партизан продовольствием должно было оказать местное население, которое охотно идет навстречу нам, но бригады Охотина и Прудникова препятствуют этому. Все населенные пункты закреплены за отрядами, которые сдают им молоко и другие продукты. Кроме этого они имеют свою хорошие продовольственные базы. Нам они не только не оказали никакой продовольственной помощи при переходе в этот район дислокации, но даже не дают возможности заготавливать у населения на добровольных началах картофель, молоко и другие продукты» [3, лл. 259—264 об.].

Не имея своих баз и не получив экономической помощи из соседних бригад, партизанам 3-й Белорусской партизанской бригады всё время приходилось питаться за счёт заготовок от гарнизонов противника и сбора среди населения. Весной 1943 г., обеспеченность бригады продуктами питания также была неудовлетворительной. Согласно отчету Марченко: «Весь апрель, май, июнь без хлеба, выдается бойцам картошка, мясо по 100—150 гр. и 0,5 литра молока и то нерегулярно. Сейчас проводится подготовительная работа по созданию продовольственных баз отрядов. Из контролируемых нашей бригадой населенных пунктов в Полоцком и Россонском районах продовольствием мы обеспечены не более чем на 20%. Так что предстоит упорная борьба с врагом за хлеб, к тому мы готовим весь личный состав. Проведена заготовка скота в других районах, в связи с чем отряды мясом обеспечены на 1,5—2 месяца. Нет соли — от того заболевания у бойцов».

3-я Белорусская партизанская бригада обеспечивала себя оружием сама (находки, трофеи). Помогало и население, подбиравшее боеприпасы и оружие на поле боя или выменивавшее его у полицаев. Добровольцев, приходивших в бригаду с пустыми руками, принимали в резервно-учебную группу, а тех, кто приносил своё оружие, принимали сразу в боевой отряд. Это служило стимулом. Была организована мастерская по боепитанию, где производилась сборка оружия, ремонт, изготавливалось новое оружие.

Во всех отрядах были созданы мастерские — оружейные, лыжные, портняжные, валяльные, сапожные, овчинные, в которых работали партизаны из хозчастей.

Уже зимой 1942 г. созданы 7 лыжных мастерских. В таких мастерских было заготовлено 471 пара лыж. Началось обучение в отрядах лыжному делу.

В документах отмечается, что к январю 1943 г. собрано по отрядам 450 овечьих шкур. Партизаны их хозчастей в мастерских заготовили из обмундирования:

полушубков — 482 ед., пальто-шинелей — 268 ед., валенок — 409 ед., кожаной обуви 534 ед.

Большую помощь в обеспечении партизан 3-й Белорусской партизанской бригады обмундированием и одеждой оказывало местное население.

Однако несмотря на явные успехи партизан в этом деле, обмундирования, медикаментов, специальных инструментов остро не хватало.

Марченко отмечает: «Положение с одеждой плохое, почти 50% личного состава босые и в совершенно растрепанной нижней и верхней одежде. Проводимые сборы среди населения и изыскания у гарнизонов противника далеко не удовлетворяют наши потребности, так как население уже десятки раз оказывало помощь находившимся здесь партизанским отрядам. Правда у нас в отрядах организована выработка кожи, но количество их не удовлетворит и 15—20% потребностей. В этом деле мы нуждаемся в серьезной помощи БШПД». Однако помощи приходилось ждать достаточно долго. Часто просьбы командования бригады к БШПД оставались без внимания.

Одной из острых проблем командование бригады называет отсутствие летней обуви у 60% партизан, тогда как ранней весной в валяной обуви ходить нет никакой возможности.

Постоянно требовалось медицинское обслуживание не только для партизан, но и для местных жителей и беженцев из оккупированных территорий. К счастью, на бригаду работало много опытных и самоотверженных врачей и медсестёр. Был развёрнут госпиталь, где врачи - партизаны оказывали помощь раненным, в том числе и из других партизанских отрядов.

В каждом отряде был главный врач с отделом медицинского обеспечения, сестра или фельдшер. Плохо обстояло дело с медикаментами. Документы свидетельствуют, что имелось лишь незначительное количество бинтов и йодной настойки. Других препаратов и хирургических инструментов остро не хватало. Часто партизанским врачам приходилось делать операции примитивными инструментами. Частая смена мест дислокации отрядов, приводила к неединичным случаям заболевания партизан дизентерией, воспалением лёгких, в документах отмечено 4 случая заболевания сыпным тифом.

Важным вопросом деятельности партизан были жилищные условия. Все отряды были размещены в приспособленных лагерях, у каждого отряда имеется запасной лагерь.

Первоначально на скорую руку были созданы небольшие землянки. В ряде отрядов наблюдалась значительная скученность в них. Но со временем были построены более просторные землянки и эта проблема решена.

Из политдонесения 3 БПБ и Полоцкого РК КПБ за январь 1943 года известно: «С 30.12.1942 г. бойцы всех отрядов живут в деревнях, до этого времени были в лагерях. Бытовые условия нормальные» [3, лл. 132—135 об].

Командованием бригады по всем отрядам было организовано нормальное мытьё в банях — один раз в неделю. Однако отмечается острый недостаток белья для партизан.

Командованием бригады был издан приказ об организации общежитий женщин, постановки в строй всех женщин и прекращение совместного ночлега командного состава с жёнами в отрядах, что значительно подняло качество работы командиров и улучшило настроение бойцов.

Командование бригады к отрицательных фактам относит женитьбу комсостава в отрядах: «В частности, имеем женатых командиров отрядов № 3 — Рединов, № 5 — Власенко, отряд № 2 — Макогин. Такое же положение и с рядом других командиров».

Таким образом, 3-я Белорусская партизанская бригада являлась мощной боевой единицей, способной самостоятельно решать поставленные боевые задачи. Бригада состояла в основном из местных жителей, что было особенно важно. Партизаны знали свой район, людей и условия. Это облегчало дело с материальным обеспечением. В плане организации и боевого состава 3-я Белорусская ничем не отличалась от других партизанских соединений на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Основной организационной и боевой единицей был партизанский отряд, состоявший из рот, взводов и отделений.

Отряд, бригаду возглавляли командир и комиссар, имелся штаб, партийно-политический аппарат. Командиры имели заместителей по разведке,

по диверсиям, помощника по снабжению с соответствующими подразделениями. В отрядах работали партийные и комсомольские организации. Был создан госпиталь, мастерские по ремонту оружия и различного имущества.

Литература и источники

1. 3-я Белорусская бригада // Памяць. Полацкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: І. Б. Каросцік, Р. І. Маслоўскі, А. Л. Петрашкевіч; уклад. С. С. Чарняўская; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск: Выш. шк., 1999. — С. 162—164.
2. 3-я Белорусская бригада // Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / авт. коллектив: А. Л. Манаенков [и др.]. — Минск : Беларусь, 1983. — С. 244—248.
3. Материалы по боевой и диверсионной деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 1450. — Опись 4. — Д. 26. — Л. 485.
4. Краткий справочник по истории партизанских отрядов и бригад Витебской области за 1942—1944 гг. // НАРБ. Фонд 1450. — Оп. 12. — Д. 29. — Л. 192.
5. Журнал боевой деятельности бригады Марченко за 1943 г. // НАРБ. Фонд 1403. — Оп. 1. — Д. 260. — Л. 70.
6. Отчеты о боевой деятельности и разведработе, сведения о боевом и численном составе, разведданные, показания перебежчиков и др. Июль 1942 — сентябрь 1943 г. // НАРБ. Фонд 1403. — Оп. 1. — Д. 253. — Л. 61.
7. Характеристики, автобиографии и списки на командный состав бригады и связных со штабом 4-й ударной армии. Август 1942 — сентябрь 1942 г. // НАРБ. Фонд 1403. — Оп. 1. — Д. 256. — Л.75.
8. Отчеты и сведения о боевой деятельности и численном составе бригады, разведданные, сведения о зверствах фашистов и др. Июль 1942 г. — август 1942 г. // НАРБ. Фонд 1403. — Оп. 1. — Д. 252. — Л. 28.
9. Протоколы допроса и материалы к ним. 24 сентября 1943 г. — 25 ноября 1943 г. НАРБ. Фонд 1403. — Оп. 1. — Д. 261. — Л.34.

Т. А. Орлова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА КВАРТАЛОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ Г. ПОЛОЦКА, ОГРАНИЧЕННОЙ С СЕВЕРА — ЧЁТНОЙ СТОРОНОЙ ПР-ТА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ, С ЮГА — УЛ. НИЖНЕ-ПОКРОВСКОЙ, С ЗАПАДА — УЛ. ЭНГЕЛЬСА, С ВОСТОКА — УЛ. ЮБИЛЕЙНОЙ (ПО КАРТОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ XIX В.)

В рамках данной работы проведены исследования застройки г. Полоцка, сосредоточенной, в основном, на участке, расположенном между улицей Нижне-Покровской и чётной стороной пр-та Франциска Скорины. Данная территория дополнена ещё одним небольшим участком, занимающим частично площадь Франциска Скорины, и частично дворовую территорию дома № 17/6 по пр-ту Франциска Скорины (*рис. 1*).

Изменения градостроительной ситуации г. Полоцка с конца XVIII в. и до настоящего времени зафиксированы на исторических картах и планах. Последовательное сопоставление и сравнение картографического материала позволяет выделить основные этапы развития планировочной структуры и городского строительства на данном временном отрезке.

До конца XVIII — начала XIX в. границы Великого посада с восточной стороны города фиксировались крепостным валом и рвом. До этого времени территория, располагавшаяся за крепостным валом, ещё не имела чёткого деления на кварталы и почти не была застроена. Так, на фиксационном плане, составленном около 1776 г., можно увидеть только два застроенных квартала в границах исследуемой территории, а территория, располагавшаяся за крепостным валом, не имела сложившейся планировки и представляла собой пашню, ограниченную с запада немногочисленными объектами рядовой застройки из деревянных домов (*рис. 2*).

Проектный план 1778 г. предусматривал расширение городских границ и выделение земель под застройку за крепостным валом в восточном направлении, а также проведение работ по осуществлению регулярной планировки на всей территории города. В соответствии с данным планом исследуемый участок был разделён уличной сетью на 6 кварталов. На плане обозначены два кладбища, которые впоследствии будут включены в границы города — «благочестивое», при котором находилась деревянная церковь, и еврейское. В юго-восточной части одного из квар-

Рис. 1. Фрагмент топографической съёмки г. Полоцка в М 1:2000 с обозначением границ исследуемых кварталов

талов, располагавшихся за валом, обозначена плотная застройка из деревянных домов (*рис. 3*).

На фрагменте фиксационного плана 1786 г. также показана рядовая городская застройка — дома и хозяйственные строения полностью деревянные (*рис. 4*).

На всех трёх вышеназванных планах хорошо читается трасса Вознесенской улицы, проходившей параллельно улицам Верхне- и Нижне-Покровской.

На проектном плане 1793 г. Ивана Зигфридена обозначены 8 кварталов, причём территория кладбищ в соответствии с данным планом уже включена в границы города. Квартал, располагавшийся сразу за крепостным валом, имел два каменных строения, в которых размещалась таможня. На территории квартала располагались также несколько деревянных домов. Из прочих объектов на плане обозначены торговая площадь, «на которой мясные ряды» (впоследствии данная площадь будет определена под прода-

Рис. 2. План г. Полоцка (около 1776 г.)

жу сена), две деревянные церкви и батальонный лазарет. Вознесенская улица здесь не указана, поскольку предназначалась под дальнейшую застройку (*рис. 5*).

На плане присутствует схема с проектным предложением по инженерному обустройству крепостного вала и канала. В соответствии с данным предложением, канал должен был иметь в ширину около 7 метров, по обеим сторонам предусматривалась высокая земляная насыпь с укреплёнными откосами и посадкой деревьев по всей длине канала.

К началу XIX в. количество кварталов на исследуемой территории не изменилось — их по-прежнему было 8. В границах квартала, располагавшегося за крепостным валом, в зданиях, в которых, согласно плану 1793 г., находилась таможня, а также во вновь выстроенных каменных зданиях обозначены монетный дом, к этому времени «бывший», и «дом казённый». Во всех указанных зданиях на момент составления плана размещались полковые военные части. Два соседних квартала были заняты в основном садами. Далее располагались два квартала, на территории которых находились приходские церкви — православная Покровская и униатская Петра и Павла, а также еврейское кладбище.

На данном плане отчётливо видны трассы всех улиц, в том числе и будущей Старовокзальной улицы, которая на предыдущем плане читается только фрагментарно (*рис. 6*).

На плане г. Полоцка первого десятилетия XIX в. в границах квартала, на территории которого располагался бывший монетный дом, обозна-

Рис. 3. Проектный план г. Полоцка 1778 г.

Рис. 4. Фрагмент фиксационного плана г. Полоцка 1786 г.

Рис. 5. Фрагмент проектного плана г. Полоцка 1793 г.

чены христианские мясные ряды, то есть на данном участке уже начала формироваться функция торгового места — «базарной площади» или «нижнего базара». В границах квартала, где находилась униатская церковь, обозначена «богадельня христианская», сама же церковь Петра и Павла в пояснении к плану названа «ветхой». Рядом с Покровской церковью, ставшей к этому времени соборной, появилось здание казармы инвалидной команды (*рис. 7*).

Первоначально обе церкви, согласно И. П. Дейнису, являлись кладбищенскими [1, стр. 157], но униатское кладбище не обозначено ни на одном из вышеназванных планов, в связи с чем не представляется возможным подтвердить сам факт его существования картографическим путём, а также определить время бытования и площадь занимаемой территории. Православное «благочестивое» кладбище присутствует только на плане 1778 г. Захоронения рядом с Покровской церковью обозначены и на плане 1793 г., но в экспликации кладбище не указано. На плане начала XIX в. Климентия Томашевского обозначено только одно кладбище — еврейское, которое присутствует на всех планах, начиная с 1778 г., в том числе и в материалах «Маршрутов …» середины XIX в.

Графический материал «Маршрутов …» и пояснения к нему дают возможность получить подробную информацию о составе застройки и владельцах всех участков, располагавшихся в границах исследуемой территории. К середине XIX в. в результате объединения двух кварталов, ограниченных улицами Боровая и Еврейская, их количество уменьшилось на 1. В рамках данной работы рассмотрены 6 кварталов под номерами 103, 102, 101, 100, 97, 88. В состав исследования не включён квартал с «базарной площадью» в связи с отсутствием в «Маршрутах …» его нумерации и описания.

На сегодняшний день исторические границы квартала № 103 проходят по улицам Свердлова, Энгельса, Нижне-Покровской и чётной стороной пр-та Франциска Скорины (*рис. 8*). В середине XIX в. это были улицы соответ-

Рис. 6. Фрагмент проектного плана г. Полоцка начала XIX в.

Рис. 7. Фрагмент проектного плана г. Полоцка первой половины XIX в.

ственно Задвинская, Надвинская, Нижне-Покровская и Верхне-Покровская. Северная граница квартала выходила непосредственно на торговую площадь с каменными рядами, в связи с чем по линии застройки Верхне-Покровской улицы располагались исключительно торговые объекты, либо жилые дома с размещёнными внутри лавками. На территории квартала следует отметить наличие каменных домов, как одно- так и двухэтажных, а также каменное мощение некоторых дворов. Это единственный из всех исследуемых в данной работе кварталов, который имел в составе застройки каменные жилые дома.

Восточная граница квартала также выходила на торговую площадь, которая предназначалась для продажи мяса и других продуктов и была застроена деревянными лавками.

Квартал № 103 состоял из 17 участков.

Участок **№ 1** принадлежал мещанину Ёхиму Зиновьеву Тайцу и был приобретён по купчей крепости 1840 г. Полоцкий мещанин Лейба Беркович Оршанский продал Ёхиму Тайцу «плац», доставшийся по наследству от родственника Берки Шлемовича, «…состоящий в г. Полоцке на Ильинской улице в ширину от рынка пять, а в длину к реке Двине 23 ½ саж., а им приобретён по купчей крепости от аптекаря Григория Леонова Лукашевича в 1813 г.».

По линии застройки Верхне-Покровской улицы располагались 11 деревянных лавок, в глубине участка — большой деревянный дом с навесом и огородом.

Собственник участка **№ 2** в «Маршрутах…» не указан. На территории участка располагался большой каменный дом с деревянным крыльцом, внутри которого имелось 5 лавок. Главный фасад дома был ориентирован на Верхне-Покровскую улицу. В глубине участка располагались деревянный дом, амбар и сарай. Третья часть участка была занята огородом, оснащён-

ным колодцем и дренажной канавой. Двор имел каменное мощение.

Участок **№ 3** принадлежал купцу Марголину. Ранее являлся собственностью титулярной советницы Марьи Винодуховой.

В границах небольшого по площади участка располагались два каменных объекта — амбар с пятью торговыми лавками, выходивший на Верхне-Покровскую улицу, и пристроенный к нему со стороны южного фасада двухэтажный дом.

Участок **№ 4** принадлежал мещанке Анне Фёдоровой Заволочихе и был приобретён по купчей крепости 1844 г. у Авдотьи Ивановой Корендовой, которая, в свою очередь, приобрела данный участок у Степана Пчёлки в 1823 г. В «Маршрутах ...» имеется уточнение, что документ 1823 г., составлен на польском языке и переведён коллежским секретарём Константином Яцкевичем.

Фамилия Пчёлки присутствует в пояснении к плану г. Полоцка, составленному около 1776 г., в связи с тем, что на территории его участка имелся каменный дом, один из немногих, выстроенных к тому времени в Полоцке. «Двор» мещанина Пчёлки располагался по Нижне-Покровской улице, неподалёку от исследуемого участка № 4 (в настоящее время это территория, прилегающая с восточной стороны к дому № 26). Можно предположить, что вышеназванный Степан Пчёлка либо сам был владельцем участка по Нижне-Покровской улице, либо являлся родственником владельца.

Почти половину площади участка занимал большой деревянный дом с пятью лавками, ещё одна лавка была пристроена снаружи, с восточной стороны дома. Хозяйственные постройки были представлены небольшим сараем и навесом. Участок двора возле крыльца со стороны южного фасада был вымощен камнем.

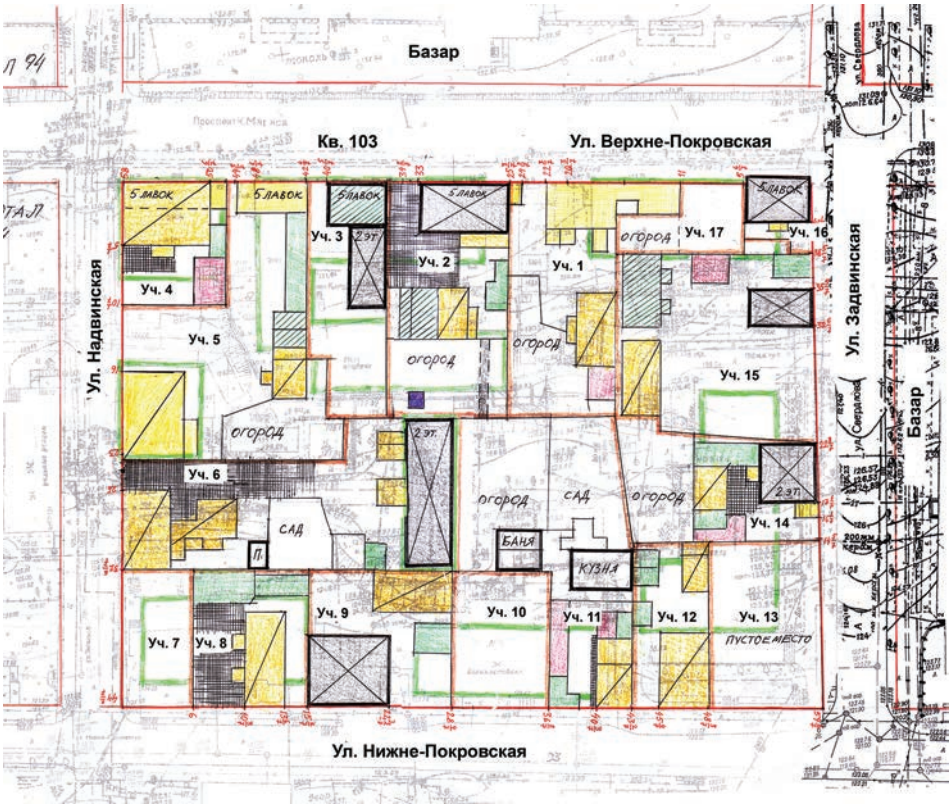
Участок **№ 5** являлся собственностью купчихи Марьи Ивановой Бинкевичевой и был приобретён «... полоцкими купцами Григорием и Марьей из фамилии Петников Бенкевичами» у мещанина Ивана Лукашевича в 1810 г.

Участок имел выход на две улицы: по линии застройки Верхне-Покровской улицы располагались пять деревянных торговых лавок, на ул. Надвинскую был ориентирован фасад большого деревянного дома. В глубине участка располагался ещё один деревянный жилой дом меньших размеров с пристроенными к нему двумя амбарами и вытянутым в плане сараем. Примерно третью часть площади участка занимал огород.

Участок **№ 6** принадлежал купцу Эллю Брелави и был приобретён по купчей крепости 1830 г. у Лейбы Кизельштейна.

На участке располагались два деревянных дома, один двухэтажный каменный с двумя деревянными крыльцами, сарай, амбар, каменный погреб.

Рис. 8. План квартала № 103,
нанесённый на современную топографическую основу в М 1:500



Экспликация:

– существующая застройка

Объекты середины XIX в.:

– каменные жилые дома

– деревянные жилые дома

– деревянные лавки

– сараи

– амбары

– навесы

– колодцы

– канавы

– печи

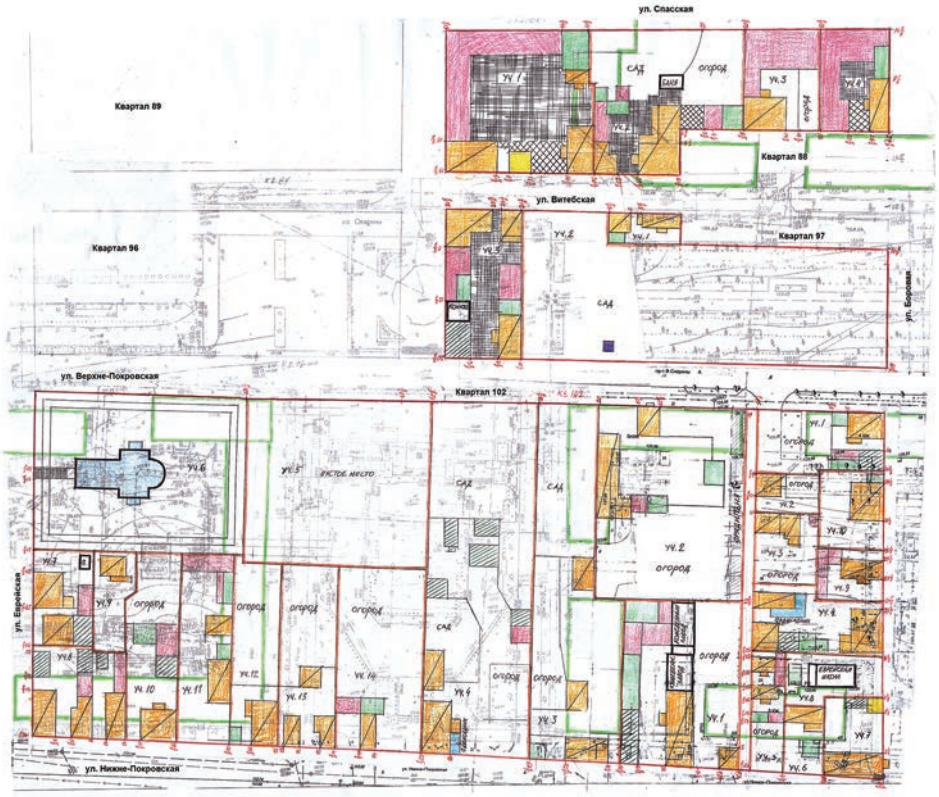
– границы участков

– границы кварталов

– каменное мощение

– деревянное мощение

Рис. 9. План квартала № 102,
нанесённый на современную топографическую основу в М 1:500



Экспликация:

– существующая застройка

Объекты середины XIX в.:

– каменные жилые дома

– деревянные жилые дома

– деревянные лавки

– сараи

– амбары

– навесы

– колодцы

– канавы

– печи

– границы участков

– границы кварталов

– каменное мощение

– деревянное мощение

Один из деревянных домов выходил главным фасадом на Надвинскую улицу, второй был пристроен к нему вплотную со стороны двора. Каменный дом располагался в глубине участка. Благоустройство территории было представлено каменным мощением, на участке имелся сад.

Участок **№ 7** являлся собственностью купеческих детей — наследников Василия Григорьева Саваскевича. Земля была приобретена в 1834 г. полоцким 3-й гильдии купцом Василием Григорьевым Саваскевичевым у полоцких мещан Лейбы Кушелева, Лейбы Хаймовича и Евсея Лейбовича Варгафтинеров. В свою очередь, им данный участок перешёл по наследству от Кушеля Израилева Варгафтинера, который приобрёл его по купчей крепости 1806 г. у полоцкого купца Григория Бенкевичева по доверенности, выданной статскому советнику Александру Семёнову.

Несмотря на наличие нескольких, сменявших один одного, владельцев, участок не был застроен и пустовал.

Участок **№ 8** являлся собственностью мещанина Румана Хадекеля, ранее принадлежал Мовше Менделевичу Лившицу.

Застройка участка была представлена деревянным, вытянутым в плане домом, ориентированным торцевой стеной на Нижне-Покровскую улицу, и двумя сараями. Двор имел каменное мощение.

Участок **№ 9** принадлежал купчихе Гине Симовой, до этого его владельцем был Гирша Лейбович Минкович.

На участке находились два жилых дома — каменный, ориентированный главным фасадом на Нижне-Покровскую улицу, и деревянный, располагавшийся в глубине двора. Из хозяйственных построек имелся сарай.

На территории участка **№ 10**, принадлежавшего помещику Ивану Глушанину, строения отсутствовали, и он пустовал.

Участок **№ 11** принадлежал полоцкой гражданке Настасье Антоновой Шашкевичевой. По купчей крепости 1841 г. он был приобретён у мещанина Мовши Авсеева Вогельсона по доверенности его брата мещанина Ёселя Вогельсона в 1841 г. Факт покупки был засвидетельствован в Друйской городской ратуше. Братьям Вогельсонам земля досталась по наследству от полоцкого мещанина Авсея Мовшовича Вогельсона.

Участок имел сложную конфигурацию в плане и условно был разделён на две функциональные зоны, которые можно охарактеризовать как жилую и хозяйственно-производственную. Первая занимала достаточно скромную по площади территорию, на которой располагался небольшой, вытянутый в плане, деревянный дом с хозяйственными строениями — двумя навесами и сараями. Вдоль западного фасада дома была выложена каменная тротуарная дорожка. Вторая часть участка была занята огородом и садом.

На её территории находились кузница и баня.

Участок **№ 12** являлся собственностью мещанина Мортхеля Гинзбурга, ранее принадлежал мещанину Берке Гинзбургу. Границы земельного участка были установлены планом 1839 г.

На небольшой площади располагались два деревянных дома — один выходил торцевой стеной на Нижне-Покровскую улицу, второй находился в глубине двора. Хозяйственные строения были представлены тремя сараями.

Угловой участок **№ 13** принадлежал Невельскому помещику Жданкову, не был застроен и пустовал.

Участок **№ 14** принадлежал мещанину Фоме Захватаеву, до него являлся собственостью Ивана Захватаева, возможно, отцу Фомы.

На его территори находились два жилых дома — двухэтажный каменный и деревянный, два сарая, навес, деревянная торговая лавка. Двор имел каменное мощение. Половина территории участка была отведена под огород.

Каменный дом и пристроенная к его южной стене лавка выходили на Задвинскую улицу и, соответственно, на базарную площадь, располагавшуюся по другую сторону улицы.

Участок **№ 15** принадлежал дисненскому мещанинуЗалману Зингеру и в 1814 г. был приобретён у Абеля Гитки Гилинсона. Ранее в границах данной территории находились два участка, принадлежавшие Лею Ренову и Юдке Ширину.

На участке располагались два жилых дома — каменный, ориентированный торцевой стеной на Задвинскцую улицу, и деревянный, находившийся в глубине двора. Хозяйственные строения были представлены большим амбаром с двумя крыльцами, навесом и сараем.

Участок **№ 16** принадлежал Белерохе Шиковой и имел самые скромные размеры на территории квартала № 103. Участок занимал площадь около 200 кв. м. На участке располагался только один каменный дом с пятью торговыми лавками. Северный фасад дома выходил на каменные торговые ряды, а восточный — на базарную площадь.

Со стороны Верхне-Покровской улицы дом выступал за линию застройки на полтора метра.

Участок **№ 17** являлся собственностью мещанина Бененсона Нахимовича Гуревича и был приобретён его отцом в 1802 г. Строения на участке отсутствовали, и он был занят под огород.

Историческая территория **квартала № 102** ограничена с севера и юга пр-том Франциска Скорины и Нижне-Покровской улицей, с востока — условной линией, проходящей по фасаду дома № 32 в направлении юг-север (бывшая трасса несуществующей ул. Еврейской), с запада — условной линией,

проходящей в направлении юг-север вдоль восточного фасада дома № 45 по ул. Нижне-Покровской (бывшая трасса несуществующей ул. Боровой) (*рис. 9*).

Квартал состоял из двух частей, которые хорошо читаются на планах конца XVIII — начала XIX в. Так, согласно плану первого десятилетия XIX в., восточная часть выделяется массивом застройки с большой плотностью, которая не изменилась и к середине XIX в. Территория данной части квартала, на которой располагались десять участков с домами и хозпостройками, занимала площадь немногим большую, чем, например, территория только одного участка № 4 из второй половины квартала.

Восточная часть **квартала № 102** состояла из 10 участков.

Земля участка **№ 1** принадлежала Богоявленскому монастырю и находилась в пользовании мещанина Куселя Гринблата по контракту 1851 г., согласно которому он обязан был выплачивать по 1 коп. серебром в год.

Границы участка были установлены в соответствии с «вышеутверждённым» планом 1845 г.

На территории участка, на пересечении улиц Верхне-Покровской и Боровой, располагался деревянный жилой дом. Комплекс хозяйственных построек состоял из амбара, навеса, двух сараев. Большую половину площади участка занимал огород.

Участок **№ 2** принадлежал мещанину Залману Соркину.

На участке находилось только одно строение — деревянный жилой дом.

Участок **№ 3** принадлежал мещанину Михелю Теселевичу Сверлову.

Застройка участка состояла из двух смежных деревянных домов и небольшого навеса.

Собственником участка **№ 4** являлся мещанин Хаим Меер Гринзайт.

На участке располагались три деревянных жилых дома и хозпостройки, представленные двумя сараями и амбаром. Территория, прилегающая к одному из домов, была благоустроена палисадником.

Участок **№ 5** принадлежал отставному солдату Авдюкову.

Участок имел непропорционально вытянутую в плане форму прямоугольника. На Нижне-Покровскую улицу выходил огород, в глубине располагались два деревянных дома, два навеса и сарай.

Земля участка **№ 6** принадлежала Софийскому собору и по контракту 1848 г., заключённому на 10 лет, находилась в пользовании мещанина Арона Давыдова Рабухина. Плата за аренду составляла 55 коп. серебром в год.

В глубине небольшого по площади участка располагался деревянный жилой дом, на Нижне-Покровскую улицу выходил сарай.

Земля участка **№ 7** также принадлежала Софийскому собору и находилась в пользовании мещанина Шмуйлы Рыбакова.

Участок располагался на углу квартала, на пересечении улиц Нижне-Покровской и Боровой. Застройка участка состояла из большого деревянного дома, амбара и деревянной лавки, выходившей на Боровую улицу.

Участок **№ 8** принадлежал Шмуйле Рыбакову. Застройка участка состояла из деревянного дома, в котором размещалась еврейская школа (Любавичская), и сарая.

Участок **№ 9** принадлежал мещанину Абраму Дезину.

Застройка участка состояла из деревянного дома, ориентированного торцевой стеной на Боровую улицу, и трёх навесов.

Участок **№ 10** принадлежал мещанину Абраму Баркану — «…купеческому сыну Берки Лейбы Бенисовича Баркана».

На участке располагался большой деревяннный дом с пристроенным к нему сараем.

Западная часть **квартала № 102** состояла из 14 участков.

Собственником участка **№ 1** являлся мещанин Ефим Сырыца. Участок состоял из двух участков, приобретённых в разные годы и впоследствии объединённых в один:

— «… по купчей крепости 1838 г. … могилёвский мещанин Василий Павлов Михалевский продал мещанину Ефиму Леонтьеву и жене его Марье Матвеевой Сырыцыным доставшийся покупкою с торгов деревянный дом с землёю …»;

— «на углу к переулку по купчей крепости 1841 г. полоцкая мещанка, вдова … Естер … продала … Ефиму Леонтьеву и жене Марфе Матвеевой Сырыцам, доставшуюся по наследству от отца Зелика Зиновьевича Гуткина … землю … на Нижне-Покровской улице …».

На земле, приобретённой в 1841 г., находился небольшой деревянный дом, значительную часть территории занимал огород. На смежной половине участка размещался комплекс построек, представленных большим деревянным жилым домом и расположенными в створе с ним двумя зданиями, в которых, согласно пояснениям «Маршрутов …», находился «кожевенный завод». Хозпостройки состояли из трёх навесов, двух сараев и амбара.

Участок **№ 2** принадлежал вдове Екатерине Саваскевичевой.

На участке располагались два деревянных жилых дома, два сарая и навес. Большую часть территории занимал огород. Кроме этого, на восточной границе участка находилось сооружение, которое обозначено в «Маршрутах …» как «прядильня».

Участок **№ 3** был приобретён полоцкой гражданкой Анной Семёновой Спажинской по купчей крепости 1834 г. у вдовы невельского купца Авдотьи

Михайловой Гановой. «... Деревянный дом небольшой с амбаром и ... собственною землёю, состоящею в г. Полоцке по Нижней Покровской улице» достался последней по наследству от её покойного отца, купца Михайлы Камновича.

Участок имел вытянутую в плане форму и располагался по всей ширине квартала — от Нижне-Покровской до Верхне-Покровской улицы. На его территории находились три деревяных дома и сарай. Значительную площадь участка занимали сад и огород.

Участок **№ 4** принадлежал мещанину Ицику Лейбовичу Гиндину. Как и соседний, данный участок имел выход на две улицы. Был приобретён по купчей крепости 1854 г. у купца 3-й гильдии Лейбы Михалева Альбина, его дочери Эстер Гейнишевой Альбиновой и её дочери Фрумы.

На участке располагались два деревянных жилых дома, три двухэтажных, с каменными погребами, амбара, два одноэтажных амбара, навес. Значительную площадь территории занимали сад и огород.

Участок **№ 5** принадлежал церковнослужителям Единоверческой церкви. Территория участка, занимавшего значительную площадь (2500 кв. м), не имела никаких построек и пустовала.

Участок **№ 6** принадлежал единоверческой церкви во имя Сошествия Святого Духа.

Каменная церковь была выстроена в период с 1854 по 1860 г. Проект был разработан епархиальным архитектором Плющик Плющевским в 1852 г. В пояснительной записке к смете на постройку единоверческой церкви в Полоцке говорилось: «Ныне находящаяся в городе Полоцке моленная бысь долгое время закрытая, пришла в такую ветхость, что едва возможно в ней совершать служенье, и грозит падением. По крайности и предположено устроить новую каменную церковь в незанятом никакими постройками месте, принадлежащем Покровской церкви. Для уменьшения же расходов предположено потолки и самый купол сделать деревянными, согласно чему и составлена прилагаемая смета ...». Проект единоверческой церкви был рассмотрен Департаментом проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий в 1853 г. В заключении по данному проекту было рекомендовано «... для благовидности фасада переделать оный, устроив притом купол, вместо деревянного каменный, как показано на прилагаемом ... особом чертеже, фасад же иконостаса, нашёл Департамент одобрительным». Окончательно проект с исправлениями и уточнениями был утверждён 28 января 1854 г. [1]. Следует сказать, что при строительстве были допущены небольшие отклонения от проектного решения, в частности, в конструкции завершения колокольни.

Церковь представляла собой однонефный крестово-купольный храм, перекрытый по продольной оси двускатной крышей. Основной объём венчал купол, установленный на высоком барабане, входная часть акцентирована высокой башней-колокольней с шатровым завершением. Со стороны южного и северного фасадов, в выступах трансепта, имелись дополнительные дверные проёмы. В оформлении оконных и дверных проёмов использованы декоративные элементы псевдорусского стиля (*рис. 10*) [1].

Главный фасад церкви был ориентирован на базарную площадь. По периметру участка проходила тротуарная дорожка.

Участок **№ 7** находился на земле, принадлежавшей Софийскому собору, и был предоставлен в пользование мещанам Фруме Зелику Лившову

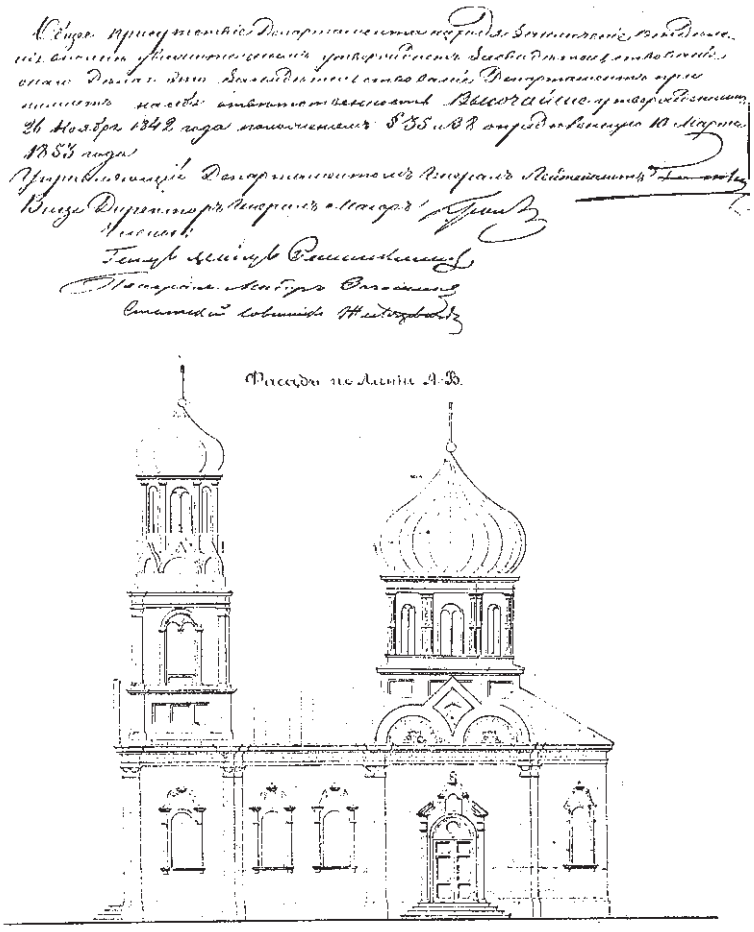


Рис. 10. Северный фасад единоверческой церкви. Чертёж 1852 г.

Шмерлингову и Зелику Шлимовичу Драбкину на 12 лет по контракту 1857 г. с условием оплаты по 3 руб. 50 коп. серебром в год.

Границы данного участка «… противу рынковой площади …» были установлены в соответствии с планом 1832 г.

На участке располагались два деревянных жилых дома, один из которых выходил главным фасадом на ул. Еврейскую. Хозяйственные постройки были представлены амбаром, навесом и погребом.

Земля участка **№ 8** также принадлежала Софийскому собору и по контракту находилась в пользовании мещанина Залмана Баскина.

Застройка участка была представлена тремя деревянными домами, выходившими торцевыми стенами на Нижне-Покровскую улицу, тремя амбарами и двумя навесами.

Участок **№ 9** находился в пользовании титулярной советницы Устиньи Васильевой Танковит. Земля принадлежала Софийскому собору.

На небольшом участке, располагавшемся в глубине квартальной застройки, находился только один деревянный жилой дом.

Участок **№ 10** находился на земле, принадлежавшей Софийскому собору, и был предоставлен в пользование «духовного звания Викентию Червинскому» по контракту 1857 г. с условием оплаты 1 руб. 50 коп. серебром в год. Границы данного участка были установлены в соответствии с планом 1832 г. Имя пономаря «Артиховской Иоанна Златоустова церкви Викентия Абрамова Червинского» упоминается при описании участка № 12 в составе 84-го квартала и участка № 2 в составе 80-го квартала. Существующая в настоящее время деревня Артейковичи в XIX — начале XX в. принадлежала Полоцкой епархии и в ней находилась деревянная неотапливаемая Иоанно-Златоустовская церковь, до наших дней не сохранившаяся [2].

На участке № 10 располагался большой деревянный дом и хозпостройки: амбар, сарай, навес. Половину площади участка занимал огород.

Участок **№ 11** принадлежал чиновнику почтового ведомства Михаилу Червинскому, но, согласно описанию «Маршрутов …», уже был продан Шмуйле Оршанскому.

Надворные постройки отстояли на несколько метров от красной линии улицы и находились ближе к середине участка. На данной территориии располагались два жилых дома, два сарая и два навеса.

Участок **№ 12** принадлежал мещанину Осеру Гинзбургу. Большую половину площади участка занимал огород, застройка была представлена деревянным домом и сараем, выходившими торцевыми стенами на Нижне-Покровскую улицу.

Участок **№ 13** принадлежал полоцкому Богоявленскому монастырю и находился в пользовании мещанина Гени Янкеля Бахменделя по контракту 1849 г. с платой по 2 руб. серебром в год. Границы участка и «пляц земли» были определены по плану 1845 г.

Участок в основном был занят под огород. Застройка состояла из трёх деревянных домов, два из которых были ориентированы торцевыми стенами на улицу.

Участок **№ 14** принадлежал мещанке Елене Сырыце. По купчей крепости 1788 г. полоцкий мещанин Фома Иванов Высоцкий продал доставшуюся ему по наследству землю купцу Павлу Семёнову Петнику. В 1845 г. Павел Петник предоставил данный приобретённый участок земли в полное владение своей дочери, «вдовствующей Елене Павловой Сырыце».

Застройка участка состояла из небольшого деревянного дома, выходившего торцевой стеной на улицу, сарая и навеса. Значительную часть территории занимал огород.

Севернее квартала № 102 располагались два небольших по площади квартала под номерами 97 и 88, разделённые ул. Витебской. С западной и восточной сторон кварталы были ограничены соответственно улицами Гоголевской и Еврейской, по южной стороне квартала № 97 проходила ул. Верхне-Покровская, по северной стороне квартала № 88 — ул. Спасская (в данной части города трасса не сохранилась), между кварталами располагалась торговая площадь, предназначавшаяся для продажи сена (*рис. 9*). Оба квартала имели застройку, состоявшую из деревянных домов, сараев и навесов. Можно предположить, что обширные навесы в данном случае являлись не просто хозяйственными постройками, но и объектами, функционально связанными с близлежащей торговой площадью. Они могли использоваться как собственниками участков для своих нужд, так и сдаваться в аренду для складирования сена. Следует отметить, что практически все дворы имели каменное и деревянное мощение.

Квартал № 97 состоял из 3-х участков.

Участок **№ 1** принадлежал мещанке Надежде Фоминой Давыдовой. Ранее являлся собственностью купца Данилы Чернышёва. Из описания «Маршрутов …» известно, что купцу 3-ей гильдии Даниле Чернышёву принадлежал участок **№ 1** на территории 95-го квартала. До настоящего времени на городском кладбище «Громы» сохранилось захоронение 1879 г., принадлежащее Михаилу Даниловичу Чернышёву, возможно, близкому родственнику купца [3, стр. 161].

На небольшом участке располагались два деревянных дома и сарай.

Участок **№ 2** принадлежал мещанке Авдотье Ивановой Кузьменковой,

имевшей также в собственности участок № 5 на территории квартала № 91. Ранее участок № 2 принадлежал мещанину Ивану Тимофееву, который в 1815 г. взял его в аренду, а в 1826 г. приобрёл в собственность.

Участок занимал 2/3 площади квартала и, кроме колодца, не имел никаких строений. Вся территория была засажена садовыми деревьями.

Участок **№ 3** принадлежал мещанину Симону Струнскому. До него собственником участка являлась Анна Кузьменкова, возможно, родственница Авдотьи.

Участок имел плотную застройку, состоявшую из трёх деревянных жилых домов, двух навесов, двух сараев, амбара. На территории участка располагалась конюшня, двор был вымощен камнем.

Квартал **№ 88** состоял из 4-х участков.

Участок **№ 1** принадлежал мещанину Абелю Ёселевичу Дымшицу.

Отдельные участки земли, вошедшие в состав данного участка, а также некоторые строения, на них находящиеся, приобретались Дымшицем в разные годы и у разных собственников:

— «по купчей крепости 1839 г. полоцкий мещанин Насон Илья Файтимович Эпштейн продал Абелю Ёселевичу Дымшицу собственную землю на Спасской улице, доставшуюся по купчей крепости от мещанина Иосифа Игнатьева Помелёнки в 1838 г.…»;

— по купчей крепости 1835 г. полоцкий мещанин Стефан Иванов Канарский продал Дымшицу «собственный амбар с землёй, доставшийся по купчей крепости от Мовши Пинхусова Просмушкина, идя по большой Витебской улице от новой торговой площади к городскому шлагбауму»;

— «по купчей крепости 1834 г. мещанин Иван Лаврентьев Захватаев продал мещанину Абелю Дымшицу доставшуюся ему от полоцких мещан Насона, Рафола и Гаврилы Берковичей Рогольских по купчей крепости … 1828 г. собственную землю, лежащую на Пробойной Витебской улице … . При сём особая крепость на дом от того же Канарского 1835 г., доставшийся от Мовши Пинхусова …».

На участке располагались три деревянных жилых дома, сарай, протяжённый навес, идущий по границам участка со стороны Спасской и Гоголевской улиц. На Витебскую улицу выходила небольшая торговая лавка.

Вся территория двора имела каменное и деревянное мощение.

Участок **№ 2** принадлежал вдове, чиновнице 10-го класса Матрёне Григорьевой Бельковской. Данный участок, так же как и предыдущий, состоял из участков земли, приобретённых по разным купчим крепостям:

— в 1792 г. «... полоцкого купца Сидора Емельянова жена, вдова Анна Федотьева, продала собственную свою землю со строениями, доставшуюся в 1787 г. от полоцкого купца Ивана Стебута, состоящую по Витебскому тракту по левой стороне ... купца Григория Беляева жене Парасковье Фёдоровой, а от неё по наследству досталась дочери её Матрёне Григорьевой Бельковской ...».

— в 1833 г. «витебский мещанин Арсений Евсеев Серебряков продал порутчице Матрёне Григорьевой Бельковской собственную свою землю ..., доставшуюся по наследству от родной матери Пелагеи Сидоровой Серебряковой».

Среди бывших владельцев одного из участков упоминается имя Ивана Стебута, который, согласно описаниям «Маршрутов ...», некоторое время также имел в собственности участок № 5 в составе 96-го квартала и участок № 3 в составе 104-го квартала.

На ул. Витебскую и торговую площадь выходили два жилых деревянных дома, один из которых был достаточно внушительным по своим размерам, а также навес и сарай. В этой части двора имелось каменное и деревянное мощение. В глубине участка размещались ещё два сарая, два навеса и баня. Оставшаяся половина участка была занята садом и огородом.

Участок **№ 3** принадлежал мещанину Потапу Власову Копейкину, который приобрёл его по купчей крепости 1825 г. у Савелия Кузьменкова.

На участке располагался деревянный жилой дом, ориентированный главным фасадом на торговую площадь, и навес, выходивший на Спасскую улицу и занимавший половину площади участка.

Участок **№ 4** являлся собственостью мещанки Марьи Кондратьевой Тиуновской и был приобретён её отцом Кондратием Тиуновским по купчей крепости 1792 г.

Как и предыдущий, данный участок был наполовину занят навесом, остальная застройка представлена деревянным домом и сараем. Двор имел каменное, а со стороны торговой площади — деревянное мощение.

Квартал № 101 располагался между улицами Верхне- и Нижне-Покровской, с западной стороны был ограничен ул. Боровой, с восточной — ул. Старовокзальной, проходившей, в соответствии с современной планировкой, за зданием торгово-технологического колледжа под углом к Нижне-Покровской улице (в настоящее время данный участок трассы не существует) (*рис. 11*). Квартал был застроен исключительно деревянными домами и хозпостройками, значительная часть территории была занята под огороды. Из прочих объектов следует отметить печи, располагавшиеся на трёх участках. Сейчас об их назначении сложно сказать что-либо определённое, возможно, они использовались для обжига гончарных изделий.

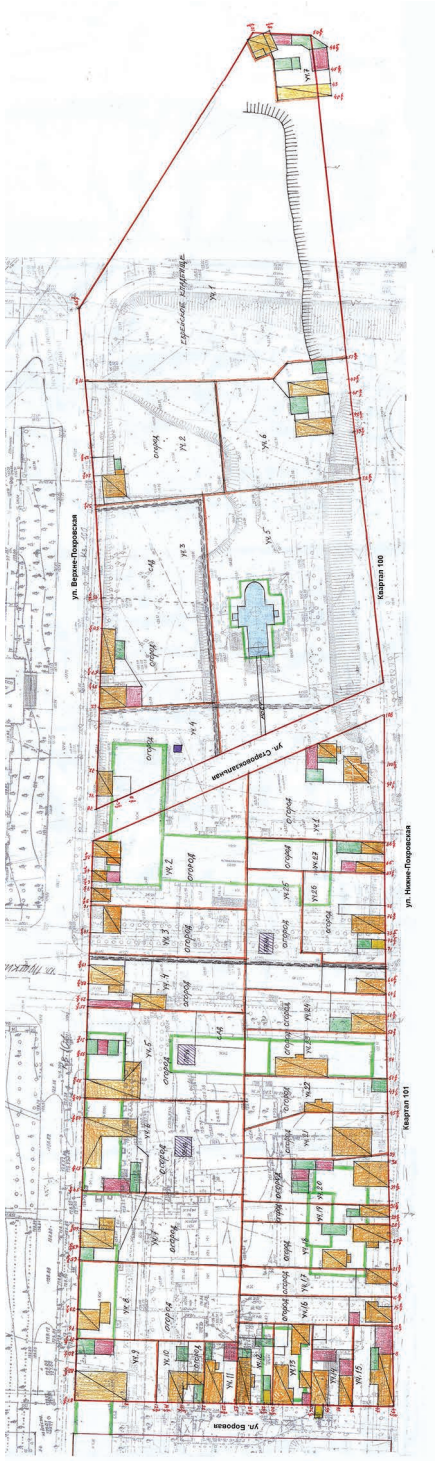


Рис. 11. План кварталов №№ 100, 101, нанесённый на современную топографическую основу в М 1:500

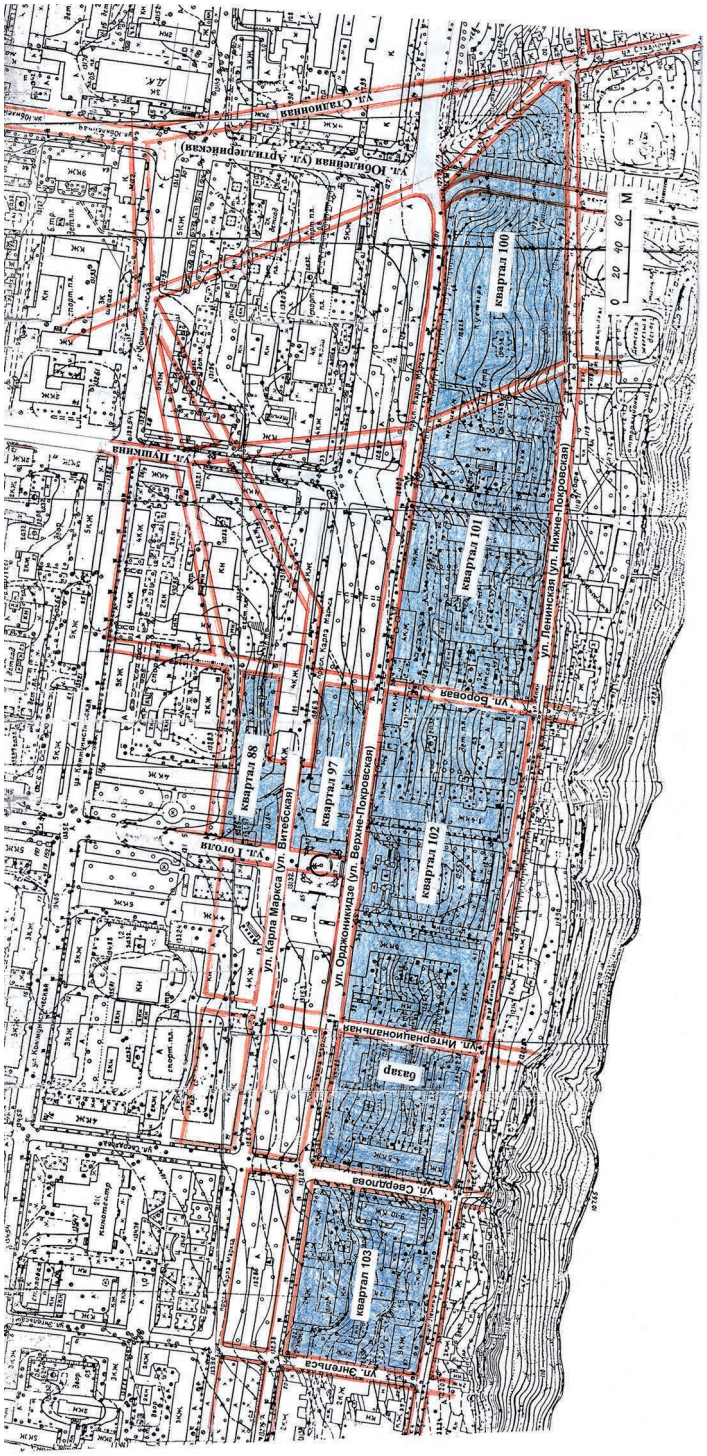


Рис. 12. Схема-реконструкция расположения улиц и исторических кварталов в 1930—40 гг.

В состав квартала входили 27 участков.

Участок **№ 1** находился в пользовании вдовы Елены Клементьевой Подхилки. В 1853 г. её муж, полоцкий мещанин Дорофей Венедиктов Подхилка, заключил с Богоявленским монастырём контракт на 12 лет на аренду земли с ежегодной платой по 3 руб. 46 ½ коп. серебром. Границы участка были установлены планом 1845 г.

Застройка участка располагалась на пересечении улиц Нижне-Покровской и Поперечной (Старовокзальной) и была представлена двумя деревянными домами, двумя сараями, навесом. Одно из зданий ранее было выстроено Евфросинией Игнатьевой Сталевской и приобретено Дорофеем Подхилка по купчей крепости 1857 г.

Участок **№ 2** находился на земле, принадлежавшей Софийскому собору, и был предоставлен в пользование мещанке Наталье Рогожкиной по контракту 1851 г. с условием ежегодной арендной платы по 2 руб. 50 коп. Границы участка были установлены согласно плану 1832 г.

Участок занимал значительную площадь и на его территории располагались три деревянных дома и навес.

Земля участка **№ 3** также принадлежала Софийскому собору и находилась в пользовании Анны Осиповой. «По контракту 1851 г. солдатская дочь девица Анна Осипова взяла в арендное содержание на 12 лет землю на Верхне-Покровской улице означенную на плане соборной земли 1832 г. … с платою по 2 руб. 30 коп. серебром в год».

Застройка участка состояла из одного деревянного жилого дома.

Участок **№ 4** принадлежал дворянину Григорию Александрову Красовскому и был приобретён по купчей крепости 1819 г.

На участке располагались два деревянных дома, один из которых выходил торцом на ул. Верхне-Покровскую, и вытянутый в плане навес.

Вдоль восточной границы участка проходила сточная канава.

Участок **№ 5** принадлежал мещанам Ивану и Александру Степановым Озаровым и был приобретён по купчей крепости у Михаила Красовского.

Застройка состояла из Г-образного в плане деревянного жилого дома, двух сараев и навеса. В глубине участка находилась печь.

Собственником участка **№ 6** являлся помещик Гребницкий, но земля находилась в пользовании мещанина Клементия Григорьева Похажевича.

На данном участке, так же как и на соседнем, располагался большой Г-образный в плане деревянный дом, который выходил главным фасадом на Верхне-Покровскую улицу. Хозяйственные строения были представлены двумя сараями и навесом. В глубине участка имелась печь.

Участок **№ 7** находился в пользовании мещанина Меера Сверлова. Земля принадлежала помещику Гребницкому. Застройка участка состояла из деревянного дома и сарая.

Земля участка **№ 8** также принадлежала помещику Гребницкому. Находилась в пользовании динабургского мещанина Зелика Вульфсона.

Застройка участка состояла из одного деревянного дома, ориентированного торцевой стеной на Верхне-Покровскую улицу.

Участок **№ 9** принадлежал помещику Гребницкому. По контракту 1848 г. земля была отдана в пользование полоцкому мещанину Петру Ефимову Кобяку сроком на 12 лет с условием ежегодной арендной платы по 1 руб. 30 коп. серебром. Очевидно, в 1858 г. по каким-то причинам Пётр Кобяк вынужден был отказаться от данного участка, и через поверенного Гребницкого Ивана Филипова Чамова права пользования были переданы городецкому мещанину Симону Будницкому.

На участке, на пересечении улиц Верхне-Покровской и Боровой, располагался большой деревянный дом, рядом находились хозпостройки — сарай и навес.

Участок **№ 10** принадлежал помещику Гребницкому и находился в пользовании мещанина Семёна Фёдорова Шута. По доверенности, данной Станиславом и Эдуардом Гребницкими полоцкому мещанину Ивану Филипову Чамову, земля была передана на «арендное содержание» Семёну Шуту с условием ежегодной оплаты по 1 руб. серебром.

Застройка участка состояла из двух деревянных домов и двух сараев.

Участок **№ 11** являлся собственностью мещанина Арона Свердлова. На участке располагались деревянный жилой дом, ориентированный торцевой стеной на Боровую улицу, сарай и навес.

Участок **№ 12** принадлежал мещанину Арону Баркану. Застройка участка состояла из деревяного дома и трёх сараев. На Боровую улицу выходила деревянная торговая лавка.

Земля участка **№ 13** принадлежала Софийскому собору и по контракту 1853 г. была передана в арендное пользование сроком на 12 лет мещанину Израилю Авелеву Ройнес с условием ежегодной оплаты по 60 коп. серебром. Границы участка были определены планом 1832 г.

Земля участка **№ 14** принадлежала Софийскому собору и находилась в пользовании мещанина Шлёмы Лейбовича Гиндена. «По контракту 1858 г. с полоцким Софийским собором Шлёма и Симон Лейбовичи Гиндены взяли на 12 лет землю на Покровской улице означенной на плане 1832 г. … с платою по 50 коп. серебром в год».

Застройка участка была представлена двумя жилыми домами и двумя навесами. Кроме этого, имелась деревянная торговая лавка, пристро-

енная к торцевой стене одного из домов и располагавшаяся непосредственно на Боровой улице.

Земля участка **№ 15** принадлежала Софийскому собору и по контракту 1857 г. была предоставлена в арендное пользование суражскому мещанину Боруху Ицковичу Ломоносову и его жене Юде Мовшовой сроком на 12 лет, с оплатой по 2 руб. серебром в год. Границы участка были установлены в соответствии с планом 1832 г.

Со стороны Нижне-Покровской улицы во всю длину участка располагался деревянный дом с навесом, к дому со двора был пристроен сарай.

Участок **№ 16** принадлежал мещанину Эллю Синякову. Застройка участка состояла из деревянного дома и навеса.

Участок **№ 17** принадлежал мещанину Ивану Кривицкому. На территории участка находился только один деревянный дом.

Участок **№ 18** принадлежал мещанину Ицыку Гуткину. Застройка участка была представлена двумя деревянными домами, один из которых выходил торцевой стеной на Нижне-Покровскую улицу, и сараем.

Участок **№ 19** являлся собственностью Богоявленского монастыря и находился в пользовании мещанина Янкеля Рафаиловича Свердлова. «По контракту 1851 г. отведено земли мерою в ширину 4 саж., а в длину 23 саж. с платою 92 коп. серебром в год». Границы участка были определены «вышеутверждённым» планом 1845 г.

На участке располагался деревянный дом с пристроенным сараем.

Участок **№ 20** принадлежал мещанину Боруху Мовше Хадекелю. Застройка состояла из деревянного дома и хозяйственных сооружений, располагавшихся в глубине двора — двух сараев и двух навесов.

На территории участка **№ 21**, который также принадлежал Боруху Хадекелю, находилась еврейская школа.

Собственником участка **№ 22** являлся мещанин Ёсель Рогольский. Застройка состояла из небольшого деревянного дома, располагавшегося в глубине двора, и сарая, выходившего на Нижне-Покровскую улицу.

Участок **№ 23** принадлежал мещанину Арону Хатину. На территории участка находился один большой деревянный дом, выстроенный в глубине двора.

Участок **№ 24** принадлежал мещанину Мортхелю Либерсону. Застройка состояла из деревянного жилого дома и пристроенного к нему сарая.

Земля участка **№ 25** принадлежала «полоцкому городскому Софийскому собору». По контракту 1857 г. участок был предоставлен в пользование мещанину Ивану Тимофееву Абрамовичу сроком на 12 лет, с условием ежегодной арендной платы по 2 руб. ½ коп. серебром. Границы участка были установлены планом 1832 г.

Участок имел сложную в плане конфигурацию. Несмотря на значительную площадь, на его территории располагался только один небольшой дом, выходивший торцевой стеной на Нижне-Покровскую улицу. В глубине участка имелась печь. Через всю территорию в продольном направлении проходила сточная канава.

Участок **№ 26** принадлежал мещанину Хаиму Монтину. На территории участка располагался деревянный жилой дом, кроме него имелся торговый объект — деревянная лавка, выходившая на Нижне-Покровскую улицу, к которой со стороны двора был пристроен сарай.

Участок **№ 27** принадлежал мещанину Мортхелю Островенскому. Застройка состояла из двух деревянных домов, к одному из которых со стороны двора был пристроен сарай, к другому — навес.

Квартал № 100 располагался в восточном направлении от квартала № 101, его северная и южная границы также проходили по улицам Верхне- и Нижне-Покровской, западная — по ул. Старовокзальной (в настоящее время данный участок застроен), восточная граница проходила между современными улицами Юбилейной и Стадионной. Квартал состоял из 7 участков с небольшой плотностью застройки (*рис. 11*).

Территория участка **№ 1** была занята еврейским кладбищем, которое в качестве топонимического объекта впервые встречается на плане 1778 г., хотя захоронения могли появиться намного раньше — в XII–XV в. [4, стр. 211].

Земля участка **№ 2** принадлежала Богоявленскому монастырю и находилась в пользовании губернского секретаря Иосифа Хруцкого. На участке, с небольшим отступом от красной линии, располагался деревянный жилой дом, кроме него имелся сарай.

Земля участка **№ 3** принадлежала городу и была предоставлена в арендное пользование мещанину Степану Казимировичу Берр Билез. В описании «Маршрутов ...» сказано, что документы на землю находятся « ... в Думе для перемены на контракт».

Застройка участка состояла из двух деревянных домов, навеса и сарая. Значительную часть территории занимали сад и огород. Вдоль восточной и южной границ проходили открытые коммуникации в виде сточных канав.

Участок **№ 4** принадлежал Софийскому собору и находился в пользовании мещанина Максима Белевича.

На участке располагался один деревянный дом, ориентированный главным фасадом на Верхне-Покровскую улицу. Оставшаяся территория была занята огородом, имелся колодец. По восточной и южной границам были проложены сточные канавы.

Участок **№ 5** записан в «Маршрутах…» как «место церкви Покрова пресвятыя Богородицы». В графических материалах «Маршрутов …» зафиксирована деревянная церковь, возведённая в 1781 г. и на тот момент не функционирующая по причине ветхости. На участке, кроме здания Покровской церкви, никаких других построек не было. Со стороны ул. Старовокзальной к главному входу вела дорожка с мостом, перекинутым через сточную канаву, проходившую по территории участка.

Участок **№ 6** принадлежал Абелю Баркану. На участке располагались два деревянных, вытянутых в плане, жилых дома и два сарая.

Застройка была отодвинута от красной линии в глубину участка, что, очевидно, было связано с неровностью рельефа.

Участок **№ 7** принадлежал Совелу Брускину и находился в юго-восточном углу квартала. Небольшая по площади территория имела плотную застройку, частично выступавшую за красную линию на Нижне-Покровскую улицу, состоявшую из двух деревянных домов, двух сараев и двух навесов.

Таким образом, застройка кварталов в середине XIX в. в границах исследуемой территории была представлена, в основном, деревянными зданиями, каменные жилые дома располагались только в районе торговых площадей. В восточной части территории находились две церкви — каменная единоверческая и деревянная Покровская, составлявшие гармоничное целое с системой улиц и площадей в общей планировочной композиции города. Единоверческая церковь, кроме этого, являлась важной доминантой в формировании архитектурного силуэта правого берега Западной Двины.

До начала XX в. расположение границ кварталов не менялась. Изменения касались только застройки — одни объекты появлялись, другие исчезали, либо подвергались реконструкции. Так, после пожара 1900 г. была уничтожена деревянная Покровская церковь, в связи с чем возникла необходимость в строительстве новой, на этот раз, каменной [5, стр. 12]. Строительство было начато в 1905 г., и на плане 1910 г. Покровская церковь указана как строящаяся после пожара, на план 1918 г. она уже нанесена как выстроенный объект.

В период с 1910 по 1918 г. трассы улиц и их названия, размеры кварталов оставались прежними, что подтверждается соответствующими планами. Существенных изменений планировка данной части города не претерпела и в период с 1920-х по 1940-е гг. Изменения произошли только в границах квартала № 100.

В 1930-х гг. при строительстве моста через р. Западная Двина часть территории еврейского кладбища была отрезана новой дорогой, которая начиналась от места пересечения улицы, идущей по восточной границе дан-

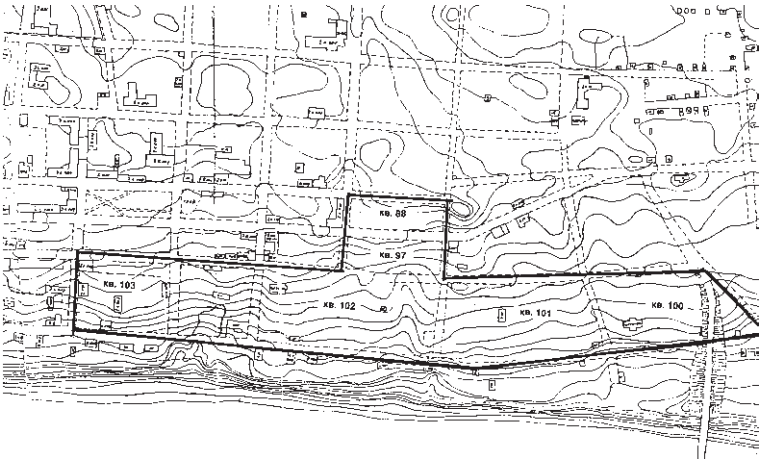


Рис. 13. Фрагмент плана г. Полоцка 1947 г.

ного участка, с ул. Орджоникидзе (чётная сторона пр. Франциска Скорины) и далее выходила на мост. Вновь проложеная улица стала называться Артиллерийской, поскольку вела непосредственно к артиллерийским казармам и военным складам [6, стр. 376]. В послевоенное время, когда в соответствии с генеральным планом проводилась работа по реконструкции центральной части города, улица Артиллерийская была продолжена в северном направлении до пересечения с улицами Стадионной и Коммунистической (*рис. 12*). В 1962 г. в связи с празднованием 1100-летнего юбилея города Артиллерийская улица была переименована в Юбилейную [7].

Часть Стадионной улицы сохранилась до настоящего времени на отрезке от ул. Успенской до Западной Двины. Трасса Стадионной улицы появилась, скорее всего, в 1920—30 гг. — на плане 1910 г. она ещё отсутствует, так же как отсутствуют и кварталы, впоследствии определившие её направление. Возможно, что и название появилось примерно в то же время. Стадионная улица нанесена на план города 1947 г., присутствует она и на плане второй половины 1950-х гг.

После Великой Отечественной войны большая часть застройки города была разрушена и находилась в руинах. На плане 1947 г. показаны уцелевшие, в основном каменные, дома, располагавшиеся в центральной части города. Если на данный план нанести границы исторических кварталов, то на территории каждого из них можно выделить те объекты, которые были возведены в довоенный период и сохранились к 1947 г. (*рис. 13*).

На территории 103-го квартала обозначены два каменных здания, выстроенные в середине XIX в. и присутствующие на плане «Маршрутов ...»

(располагались на участках № 6 и № 9), а также три каменных здания, возведённые в конце XIX — начале XX в. На территории базарной площади уцелели два жилых дома начала XX в. — двухэтажный каменный и деревянный, а также каменное нежилое здание, располагавшееся в середине квартала, возможно, бывший торговый объект. На территории 102-го квартала сохранилось здание единоверческой церкви и два небольших деревянных жилых дома.

Отдельно на плане выделены развалины восточной части квартала. На территории квартала № 101 сохранился каменный одноэтажный дом начала XX в. и деревянный жилой дом, располагавшийся на пересечении улиц Ленина (Нижне-Покровской) и Пушкинской. На графическом материале «Маршрутов ...» на этом же месте указан деревянный дом (участок № 1), но маловероятно, что именно он присутствует на плане 1947 г., скорее всего — это более поздняя постройка, возведённая на старых фундаментах. На территории квартала № 100 сохранилось здание Покровской церкви и деревянный дом в юго-восточном углу квартала.

В 1948 г. полуразрушенные коробки единоверческой и Покровской церквей были переданы Полоцкому облстройтресту для разборки на стройматериалы, но ещё на протяжении нескольких лет здания продолжали существовать [8, стр. 39]. В Покровской церкви была устроена конфетная фабрика, которая функционировала до 1960-х гг. и была разобрана в 1967 г. после пожара [9, стр. 21]. Единоверческая церковь пустовала и пребывала в заброшенном состоянии. До середины 1950-х гг. сохранившаяся конструкция храма возвышалась на фоне небольших хозяйственных магазинчиков, располагавшихся по тогда ещё существовавшей ул. Интернациональной.

В 1950–60 гг. были постепенно утрачены трассы улиц Боровой и Интернациональной (Еврейской), скорректирована трасса ул. Пушкина (Старовокзальной). Кварталы укрупнялись и застраивались капитальными многоквартирными домами из силикатного кирпича с типовой планировкой. Территория 97-го квартала была расчищена и сейчас является частью бульвара по пр-ту Франциска Скорины, при этом трасса ул. Спасской, проходившей по северной границе 88-го квартала, попала в пятно застройки. Исторические объекты сохранились только в границах 103-го квартала — их всего три: дом № 22 по пр-ту Франциска Скорины — выстроен на месте деревянного дома, находившегося на участке № 4, дом № 4 по ул. Энгельса — выстроен на месте деревянного дома, находившегося на участке № 5, дом № 2 по ул. Энгельса — находился на участке № 6. Первые два здания возведены в конце XIX — начале XX в., последнее — в

середине XIX в. Данный объект является единственным, дошедшим до наших дней зданием из всех, обозначенных на плане «Маршрутов ...».

Таким образом, несмотря на значительные преобразования архитектурного облика города, связанные с массовым строительством и реконструкцией 1940—50 гг., в границах исследуемой территории сохранился характер регулярной планировки, отражающий градостроительную преемственность основных принципов формирования уличной сети.

В послевоенное время арсенал городских объектов был дополнен рядом зданий, выстроенных в стиле сталинского ампира — это дома по ул. Нижне-Покровской №№ 37-а (1950 г. постройки), 43 (1945 г. постройки), а также дома возведённые по переработанным проектам сталинских времён, которых в полной мере не коснулись принципы типизации и упрощенчества. К таким объектам можно отнести дома по ул. Нижне-Покровской №№ 45 (1958 г. постройки), 49 (1957 г. постройки), дом № 32 по пр-ту Франциска Скорины (1961 г. постройки).

В 1974 г. интерьер города обогатился монументальным объектом — на пересечении ул. Гоголя с проспектом был установлен памятник Франциску Скорине работы скульпторов А. Глебова и И. Глебова.

В 2004 г. были завершены строительные работы по восстановлению Покровской церкви на старых фундаментах, хотя в сложившейся среде она уже не играет роли архитектурной доминанты. Силуэт церкви на фоне городской застройки воспринимается только на небольшом отрезке ул. Юбилейной в районе моста через Зап. Двину.

В настоящее время из-за сильной разреженности и относительно небольшого количества зданий, имеющих ярко выраженный «исторический» характер, а также из-за наличия типовых «пятиэтажек», на участках бывших кварталов №№ 101, 100 исследуемая территория не оставляет впечатления целостной архитектурной среды. Тем не менее, немногие уцелевшие здания конца XIX — начала XX в., расположенные на территориях бывших кварталов №№ 103, 102, оказали определённое влияние на масштаб последующей застройки на соседних участках и формирование исторического образа в данной части города.

Сопоставляя картографический материал «Маршрутов ...» с современной ситуацией, можно заключить, что при достаточно хорошо сохранившемся характере планировочной структуры объёмно-пространственная композиция исследуемой зоны в её современном состоянии значительно отличается от той, которая имела место в середине XIX в. Сейчас отсутствует характерный сплошной фронт застройки по красной линии улиц, между сохранившимися зданиями появились несвойственные исторической за-

стройке значительные разрывы. Если дома, построенные в предвоенный и послевоенный периоды ещё сохраняют характерные для исторической застройки масштаб, принцип трактовки фасадов и материал, то здания, возведённые в 1960-е гг. из силикатного кирпича, практически не имеют «точек соприкосновения» с исторической застройкой.

Источники

1. Пояснительная записка к смете на постройку единоверческой церкви в Полоцке. НПГКМЗ КДФ4-3971.
2. Национальный исторический архив Беларуси. Фонды религиозных учреждений. Церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://niab.by/an_fondi_relig/pravosl/. — Дата доступа: 11.01.2016 г.
3. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс; уклад, прадм. і камент. М. Баўтовіча; пер. з рус. мовы М. Ермалаева. — Мінск: Медисонт, 2007.
4. Пасадская, Ж. У. Гістарычныя могільнікі г. Полацка. Да праблемы іх вывучэння і аховы / Ж. У. Пасадская // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі // Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. — Полацк: Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, ПГУ, 1998.
5. Данько, Л. Ф. Храм Покрова Пресвятыя Богородицы во граде Полоцке: К торжеству возрождения: Ист. очерк / Л. Ф. Данько. — Полоцк: изд. Судник, 2004. — 32 с.: ил. — (Наследие Полоцкой земли; выпуск 1).
6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск: БелЭн, 2002.
7. Решение Полоцкого городского Совета депутатов № 275 от 10.08.1962 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Ф. 658. — Оп. I. — Д. 288. — Л. 46.
8. Гаўрылава, С. В. Аднаўленне жыллёвага фонду г. Полацка ў пасляваенны перыяд (1944—1948 гг.) / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. — Полацк: НПГКМЗ, 2011. — 284 с.: іл.
9. Данько, Л. Ф. Храм Покрова Пресвятыя Богородицы во граде Полоцке: К торжеству возрождения: ист. очерк / Л. Ф. Данько. — Полоцк: изд. Судник, 2004. — 32 с.: ил. — (Наследие Полоцкой земли; выпуск 1).

Г. Н. Романенкова

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ ФОТОГРАФИИ. ПОЛОЦКИЕ АДРЕСА ВИКТОРИНЫ РОЗИО

Каждому музейному сотруднику наверняка знакома ситуация, когда возникает необходимость вернуться к атрибуции тех или иных предметов, поступающих в музейное собрание. В силу объективных причин, не всегда, к сожалению, есть возможность сразу провести должную атрибуцию. Данное сообщение связано именно с такой ситуацией.

На сайте НПИКМЗ на странице стационарной выставки «Прогулка по Нижне-Покровской» в разделе, посвящённом Полоцкой женской гимназии, мы можем увидеть фотографию, на которой представлена группа гимназисток (*рис. 1*). В тексте под фотографией сообщается: «В 1910 году в Полоцке работало 3 фотографии, которые размещались на улице Витебской. Владельцем одной из них был фотограф Бернштейн. На фотографии, сделанной им в 1912 году, изображены ученицы и преподаватели Полоцкой женской гимназии. Среди преподавателей — учительница французского языка Викторина Розио. После революции она переехала в родной город Шатр-ле-Форе во Франции и прожила там всю жизнь». В своё время этот снимок был прислан, как и два других, родственниками Викторины Розио.

Рис. 1. Фотоснимок гимназисток с сайта НПИКМЗ (В. Розио сидит первой слева)

Рис. 2. Здание по пр-ту Ф. Скорины, д. 1. 1915 (?) г.

Рис. 3. Здание по пр-ту Ф. Скорины, д. 1. 2015 г.

Коллекция дореволюционных фотоснимков у нас сравнительно небольшая, новые поступления, новые лица вызывают значительный интерес, хочется больше узнать о тех, кто изображён на этих фотографиях, соотнести их жизнь и деятельность с сохранившимися в городе объектами. Датировка данных фотографий представляется убедительной, но, что касается учебного заведения, к деятельности которого она отнесена, то в ходе изучения состава преподавателей женской гимназии имя Викторины Розио обнаружить не удалось. Однако при просмотре списков преподавателей других учебных заведений города уже можно встретить имя В. Розио в списках педагогического состава двух учебных заведений Полоцка.

Одним из них было 2-е городское 4-классное училище. Оно было открыто 1 сентября 1908 г. в составе одного класса, затем в 1909, 1910, 1911 гг. открылись 2-й, 3-й, 4-й классы. Плата за обучение составляла 10 рублей в год. В 1911—1912 гг. здесь обучалось 168 учащихся. До пожара 29 июля 1912 г. это учебное заведение арендовало здание на Азаровской улице у домовладельца Ф. Стефановича, затем занятия велись во вторую смену в здании 1-го городского училища. С января 1913 г. 2-е городское училище располагалось на Александровской улице (с этого же времени оно приобретает статус высшего городского училища), в наёмном доме, который принадлежал домовладельцу Рафаловичу [9, с. 127; 4, л. 1об.; 7, л. 1]. Именно здесь преподавала Викторина Розио. В «Памятной книжке Виленского учебного округа на 1913 год» содержатся сведения о том, что она окончила курс заграничного учебного заведения и вступила в должность в ноябре 1911 г. В 1913 г. В. Розио вела 4 урока французского языка при жаловании 120 рублей, в 1914 г. нагрузка увеличивается: 8 уроков при жаловании 240 рублей [9, с. 127; 10, с. 139].

Рис. 4. План Полоцка 1910 г. (Путеводитель по городу Полоцку 1910 года..., с. 22—23)

Рис. 5. План Полоцка 1918 г. (НПИКМЗ, КП-6, 2828/17)

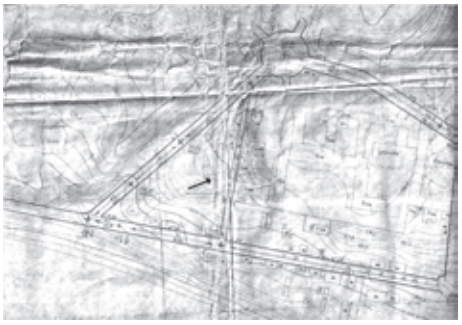


Рис. 6. План Полоцка 1947 г.

Краевед И. П. Дейнис в своих воспоминаниях отмечает, что здание, в котором до революции располагалось 2-е городское училище, на бывшей Александровской улице, сохранилось [1, с. 106]. Сейчас это дом № 1 по проспекту Ф. Скорины, в нём находится Детская художественная школа. Фотография фрагмента улицы Александровской 1915(?) года, размещённая на одном из интернет-ресурсов [13], даёт возможность (опираясь, в частности, на особенности фасада) определить это здание и познакомиться с его обликом начала XX века. (*рис. 2*) Сравнивая с современной фотографией (*рис. 3*), можно отметить, что вид его в целом изменился незначительно, примерно так это здание выглядело и во времена В. Розио.

Второе учебное заведение, с которым была связана трудовая деятельность Викторины Розио - это частная женская 4-классная, с правами для учащихся прогимназия Ольги Ивановны Ильяшенко. Содержательница прогимназии окончила курс гимназии кн. Оболенской и курсы новых языков Лохвицкой-Скалон в Санкт-Петербурге, а также курсы при Лондонском университете. Преподавала арифметику и историю. В «Памятной книжке Виленского учебного округа на 1913 год» указывается, что это учебное заведение открыто вместо закрывшейся прогимназии Богоявленской

Рис. 7. Здание по ул. Стрелецкой, д. 5. 2015 г.

в марте 1910 г. в составе 4-х классов. В сентябре 1912 г. открылся подготовительный класс. Плата за обучение составляла 55 рублей в подготовительном классе, 65 рублей — в остальных. В 1912 г. это заведение закончило 18 человек, всего учащихся тогда насчитывалось — 90 [9, с. 125]. Для сравнения, в Полоцкой женской гимназии насчитывалось в 1911/12 гг. 360 учащихся [8, с. 110]. В прогимназии О. И. Ильяшенко в 1913 г. Викторина Викторовна Розио за 17 уроков французского языка получала жалование 680 рублей [9, с. 126].

О деятельности прогимназии известно немного, фонда этого заведения в наших архивах не сохранилось. Встречаются лишь отдельные упоминания в фондах других учреждений. В одном из архивных дел фонда «Витебского губернского по городским и земским делам присутствия», в частности, сохранилось упоминание о конфликте содержательницы с городским самоуправлением в связи с размещением в здании прогимназии эвакуированных учреждений [2].

Размещалась прогимназия в наёмном двухэтажном доме по адресу: Генеральский переулок, д. 8 [9, с. 125; 2, л. 15]. Генеральский переулок проходил по диагонали небольшого квартала, находящегося на углу улиц Стрелецкой и Нижне-Покровской. Сейчас этого переулка не существует, но его название мы встречаем на плане города 1910 г. (*рис. 4*), 1918 г. (*рис. 5*), трассировка его просматривается и на плане города 1947 г. (*рис. 6*). Этот адрес и домовладелец Галаевский (так в документе) фигурируют в деле с вышеупомянутой жалобой начальницы прогимназии [2, л. 8]. Интересно, что в «Путеводителе по городу Полоцку 1910 года» упоминается наёмный дом Голаевского (так в тексте) как место размещения реального училища [12, с.26]. Правда, указана улица Стрелецкая, от которой и отходил Генеральский переулок. Исходя из совпадения расположения, домовладельца, характера использования, этажности здания логично предположить, что после закрытия реального училища домовладелец сдал здание в наём другому учебному заведению. Сейчас это здание имеет адрес: улица Стрелецкая, дом № 5. (*рис. 7*). Правда, сейчас это дом в три этажа, но на послевоенной фотографии ещё можно видеть его двухэтажным, именно таким оно было в дореволюционный период. (*рис. 8*)

Рис. 8. Вид с Верхнего замка на центр города. На первом плане здание по ул. Стрелецкой, д. 5. Вторая половина 1940-х гг. (НПИКМЗ, КВФ-1, 282/3)

Поскольку 2-ое городское училище было мужским учебным заведением, то, следовательно, можно сделать вывод о том, что на групповой фотографии с сайта НПИКМЗ Викторина Розио изображена с ученицами женской прогимназии О. И. Ильяшенко. Также можно предположить, что ещё одна преподавательница из тех, кто представлен на этом снимке, возможно, является содержательницей прогимназии. Однако в 1914 г. В. Розио уже не преподаёт в прогимназии, её имя в 1914 и 1915 гг. значится лишь в списках преподавателей 2-го училища [10, с. 139; 11, с. 141]. Очевидно после эвакуации 2-го училища в 1915 г. она и покидает Полоцк.

Сложно говорить о педагогических способностях В. Розио в силу недостатка необходимых сведений, но в одном из протоколов педсовета 2-го городского училища встречается упоминание о добросовестном отношении к своим обязанностям преподавательницы французского языка В. Розио. [5, л. 12]. В одном из отчётов училища также отмечается успешное и правильное преподавание немецкого и французского языков, так как преподавательницы хорошо знают своё дело [6, л. 9].

Таким образом, на исторической карте города можно отметить два адреса, которые связаны с педагогической деятельностью В. Розио в Полоцке: ул. Александровская, 6 (пр-т Ф. Скорины, дом 1) и Генеральский пер., 8 (улица Стрелецкая, дом 5).

Что касается вопроса о правомерности размещения фотографии уче-

Рис. 9. Фотоснимок ученицы Полоцкой женской прогимназии О. И. Ильяшенко Тамары Лев. 1913 г.

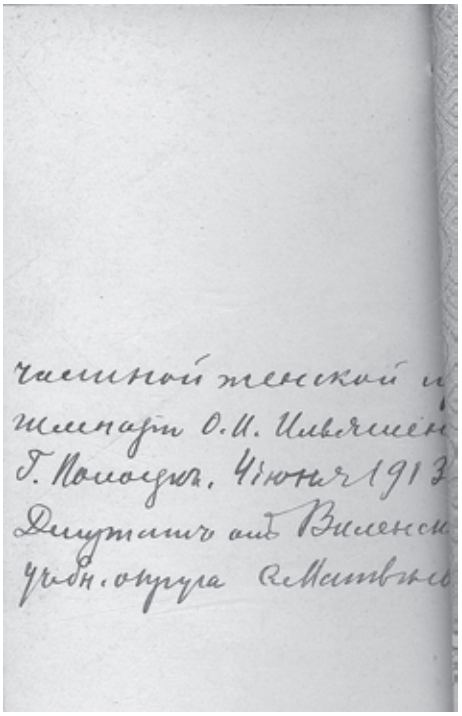


Рис. 10. Оборотная сторона фотоснимка Тамары Лев. 1913 г.

ниц прогимназии О. И. Ильяшенко в разделе, который посвящён деятельности Полоцкой женской гимназии, то, вероятно, ответ может быть положительным при условии изменения сопроводительного текста. Связующим звеном в освещении истории прогимназии и гимназии может послужить тот факт, что часть учениц прогимназии О. И. Ильяшенко поступала затем для продолжения обучения в Полоцкую женскую гимназию, в фонде которой сохранились прошения о приёме на обучение в гимназию некоторых учениц прогимназии. В частности, в 1913 г. выпускница прогимназии Тамара Лев поступила в 5-й класс Полоцкой женской гимназии. В одном из дел фонда гимназии сохранилось прошение её отца, свидетельство на имя Т. Лев об окончании прогимназии [3, л. 58, лл. 61—61б], с приложением фотографии Т. Лев [3, 61а—61а об.] (*рис. 9, 10*). Копии этих материалов могут пополнить раздел экспозиции стационарной выставки «Прогулка по Нижне-Покровской», посвящённый Полоцкой женской гимназии.

Источники и литература

1. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс; уклад, прадм. і камент. М. Баўтовіча; пер. з рус. мовы М. Ермалаева. — Мінск: Медисонт, 2007. — С. 330.
2. Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 2508: Витебское губернское по городским и земским делам присутствие. — Оп. 1. — Д. 6246. По жалобе начальницы Полоцкой женской прогимназии О. И. Ильяшенко на отвод здания гимназии под почтовое учреждение.
3. НИАБ. — Ф. 2568: Полоцкая женская гимназия. — Оп. 1. — Д. 234. Наряд прошениям о приёме в гимназию, свидетельства и формулярные списки о службе.
4. НИАБ. — Ф. 2669: Полоцкое 2-е высшее начальное училище. — Оп. 1. — Д. 46. О найме помещения для училища на 1913 год.
5. НИАБ. — Ф. 2669: Полоцкое 2-е высшее начальное училище. — Оп. 1. — Д. 48. Протоколы заседаний педагогического совета Полоцкого 2-го 4-классного городского училища на 1913 год.
6. НИАБ. — Ф. 2669: Полоцкое 2-е высшее начальное училище. — Оп. 1. — Д. 82. Отчёт по Полоцкому 2-ому высшему училищу за 1913 год
7. НИАБ. — Ф. 2669: Полоцкое 2-е высшее начальное училище. — Оп. 1. — Д. 148. О выделении помещения под Полоцкое 2-ое городское училище.
8. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1911/12 гг. — Вильна, 1911. — С. 360.
9. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1913 год. — Вильна, 1913. — С. 406.
10. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1914 год. — Вильна, 1914. — С. 449.
11. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1915 год. — Вильня, 1915. — С. 460.
12. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: К торжеству перенесения мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судник. — Полоцк: А. И. Судник, 2006. — 48 с., ил. — (Наследие Полоцкой земли; вып. 4).
13. Сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.bagnowka.com. — Дата доступа: 10.12. 2012.

П. С. Рудаков

НЕМЕЦКИЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ 1944 Г. В СЕВЕРНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ ПОЛОЦКА

К началу стратегической наступательной операции «Багратион» Полоцк представлял собой хорошо укреплённый населённый пункт. Но благодаря налаженной работе разведки партизанских бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны информация о характере обороны города, количестве и типе оборонительных сооружений, была известна советскому командованию. Эти данные сыграли большую роль в разработке Полоцкой фронтовой наступательной операции, благодаря чему город был освобождён в сравнительно короткий срок. Эти разведданные представляют ценность и сегодня, так как состояние немецкой обороны Полоцка, и, в частности, количественный состав и классификация долговременных инженерных сооружений, являются малоизученными. В данной работе рассмотрен северный сектор обороны Полоцка на предмет наличия и типажа долговременных сооружений в контексте общей характеристики немецкой обороны города.

Из пояснительной записки по плану обороны Полоцка, составленной в 3-й Белорусской партизанской бригаде, следует, что строительство оборонительных сооружений на окраинах г. Полоцка и на территории самого города началось весной 1942 г. Как предполагали в 3-й Белорусской партизанской бригаде, первоначально командование Вермахта преследовало цель создать систему примитивных оборонительных сооружений для обороны города от возможных нападений партизан [1, л. 81].

Весной 1942 г. немцы строили небольшие дерево-земляные огневые точки (ДЗОТ) [5] и отрывали окопы преимущественно в самом городе около зданий, где находились немецкие военные и гражданские учреждения, около мостов, около железных дорог, на высотах в городе, и в отдельных зданиях. Были подготовлены примитивные позиции на случай уличных боев с партизанами. Так как линия фронта в этот период проходила далеко на востоке, немцы не рассчитывали, что придётся защищать город от регулярных частей Красной Армии. Но после провала летнего наступления на Москву и начала зимнего контрнаступления Красной Армии 1942—1943 гг. немцы начали интенсивное строительство сооружений для обороны города. На строительстве было занято «все городское население, военнопленные и люди, вывезенные в Полоцк» [1, л. 81].

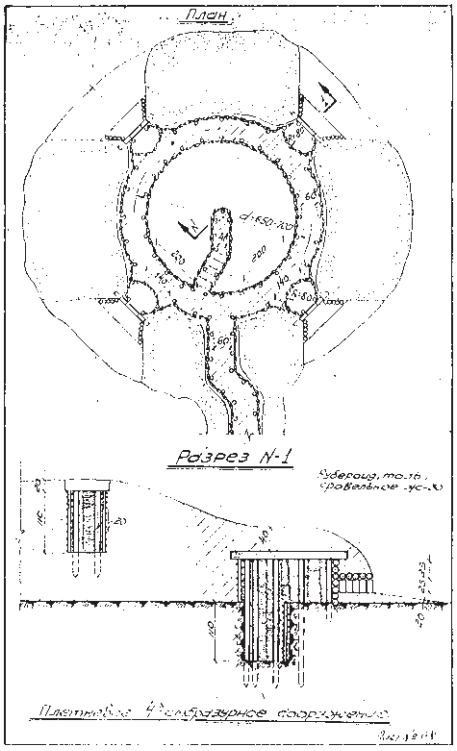


Рис. 1. Немецкий ДЗОТ

Оборона города строилась по принципу круговой. Оборонительные сооружения состояли из ДЗОТов (*рис. 1*) (преимущественно под пулемёты), окопов и траншей. Строительство велось одинаково интенсивно со всех сторон. Вокруг города в один, на отдельных участках — в два и три ряда, были установлены проволочные заграждения. Во многих местах вне линии обороны вырубался лес и кустарник для улучшения обзора на подходах к окопам [1, л. 82].

Внутри город также был укреплён. К примеру, вдоль улицы Фрунзе (совр. Ефросинии Полоцкой) от Красного моста до поворота на Спасо-Ефросиниевский монастырь располагалось 7 ДЗОТов. Вдоль современной Стрелецкой улицы также находилось 4 ДЗОТа [3]. Известно, что в качестве бомбоубежищ немцы использовали погреба, усиленные бетоном [4].

Оборонительные линии в северном секторе в два ряда охватывали город и оконечностями упирались в Западную Двину (местами линии были в три ряда) [1, л. 83].

Первая проходила через д. Струнье (восточнее Полоцка), Солоники, МТС, Громы, д. Бараново, затем вдоль дороги на Зелёный городок, оттуда лесом с правой стороны дороги на Боровуху-3 (высота 139,4), затем лесом вдоль дороги Мунино-Гамзелево, по линии, почти параллельной горизонтали 68. Вторая охватывала дугой разъезд Поздняково — Рожново, затем вниз по р. Полота по дороге на Боровуху-3 и лесом вдоль дороги к Боровухе-3 [1, л. 83].

Третья линия шла по Витебской ж/д ветке к Двине (ж/д ветка, связывающая Витебскую и Невельскую ветку). Три этих линии оборонительных сооружений состояли из окопов, ДЗОТов, блиндажей (окопы не представляют собой непрерывных линий. Окопы выполнены на глубину 80—100 см. ДЗОТы выстроены на расстояние 100—150—300 м, в зависимости от рельефа местности) [1, л. 83].

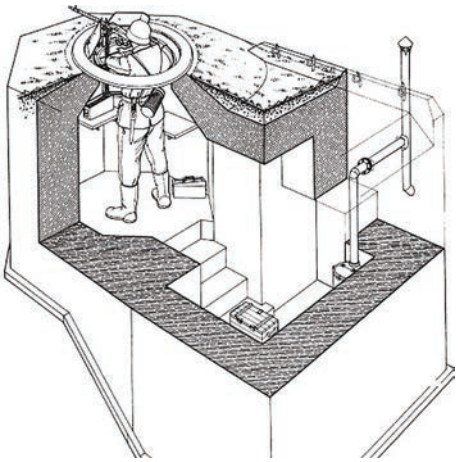


Рис. 2. ДОТ типа «Тобрук»

Рис. 3. ДОТ у памятника евреям на трассе Полоцк-Витебск

Отрезок ж.д. путей от ст. Полота (район оз. Скоброе) до ст. Дретунь (район оз. Дретунь) укреплён значительным количеством ДЗОТов, не менее 30 сооружений, а также несколько зданий, превращённых в опорные пункты.

Основная масса ДЗОТов имеет лишь бойницы для винтовок и пулемётов. В лесных участках прохождения линии обороны лес был вырублен на 200 м от последней [1, л. 83].

Подступы к оборонительной линии на участке Боровуха-3 — д. Мумино были затруднены из-за болотистой местности, в первую очередь для артиллерии и танков [1, л. 83].

В районе между оз. Ропно и Боровухой-2 были расположены немецкие склады боеприпасов и амуниции. Район был укреплён шестью ДЗОТами [1, л. 83].

Противотанковые сооружения (рвы, надолбы, волчьи ямы), мощные ДЗОТы и ДОТы — не наблюдаются (по состоянию на конец 1943 г.) [1, л. 84]. Предположительно, долговременные сооружения появились в Полоцке только в 1944 г. Некоторые из них сохранились до настоящего времени. В частности, у трассы Верхнедвинск-Витебск, рядом с памятником расстрелянным евреям Полоцкого гетто, находится ДОТ типа «тобрук» (*рис. 2—3*), на ул. Невельской — железобетонное убежище типа «51a Unterstand splittersicher Hoyerbalken» (*рис. 3—4*), у кладбища старообрядцев в микрорайоне Громы — бетонное убежище [6] (*рис. 6*).

Долговременные сооружения противовоздушной обороны. Противовоздушная оборона, и, в частности, зенитная артиллерия, входила в состав военно-воздушных сил Германии. Как правило, ПВО оккупированных территорий была слабее собственно ПВО Рейха. В состав соответствующих воздушных флотов входили зенитные бригады, дивизии и корпуса. Их основной

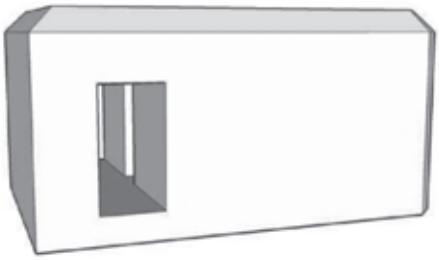


Рис. 4. 51a Unterstand splittersicher Hoyerbalken

Рис. 5. Убежище на Невельской 2

Рис. 6. Убежище у кладбища

боевой единицей являлся зенитный артиллерийский дивизион, разделявшийся на два вида — лёгкий и тяжёлый. Лёгкий включал в себя две батареи с двенадцатью 20-мм и одну — с девятью 37-мм зенитными автоматическими пушками в каждой. Тяжёлый — две-три батареи зенитных орудий калибра 88-мм (по четыре в каждой) и батарею с шестью-двенадцатью 20-мм зенитными автоматическими пушками.

Немецкая ПВО в Полоцке была достаточно насыщенной. В северном секторе обороны располагалось несколько позиций для зенитных орудий. В частности — позиция южнее Спасо-Ефросиниевского монастыря [2], в районе ж/д моста через р. Полота — две позиции зенитной артиллерии, в районе Аэродрома шесть позиций на 12 тяжёлых зенитных орудий [3], на месте современной вертолётной площадки в районе Боровухи-3 — три позиции для зенитных орудий [1, л. 84]. Исходя из этой информации можно предположить, что в Полоцке был дислоцирован как минимум один тяжёлый зенитный артиллерийский дивизион. Нередко для зенитного орудия строился бетонный дворик с помещениями для боеприпасов и укрытиями для обслуги орудий, аналогичные найденным автором в восточной части Полоцка. Но в северном секторе такого рода сооружений не обнаружено. Судя по всему, бетонированных позиций для зенитной артиллерии в северном секторе Полоцка не было — в противном случае они должны были бы сохраниться — по причине трудоёмкости демонтажа таких сооружений и

Рис. 7. Полевая позиция зенитной артиллерии

сомнительной необходимости этого процесса. Можно предположить, что позиции зенитной артиллерии в северном секторе обороны Полоцка были полевыми и (или) дерево-земляными. (*рис. 7*)

Северный сектор обороны Полоцка был слабее насыщен долговременными сооружениями по сравнению с восточным сектором. Это объясняется как стратегической важностью восточного направления как основного направления предполагаемого наступления Красной Армии, так и необходимостью защиты Полоцкого ж/д узла. Северный сектор обороны был расположен в труднодоступной местности, со слаборазвитой дорожной сетью, по которой наступление затруднено. Поэтому можно предположить, что командование Вермахта посчитало более целесообразным насыщение его более дешёвыми дерево-земляными огневыми точками, окопами и проволочными заграждениями.

Литература и источники

1. План немецкой обороны Полоцка // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. — Д. 17. — Л. 81—84.
2. Карта оккупированного Полоцка и характеристика немецкой обороны // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. — Д. 903. — Л. 33.
3. Карта оккупированного Полоцка и характеристика немецкой обороны // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 1. — Д. 904. — Л. 62.
4. Карта оккупированного Полоцка и характеристика немецкой обороны // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 2. — Д. 24. — Л. 35.

5. Альбом чертежей фортификационных сооружений немецкой обороны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rufort.info/library/album/album.html. — Дата доступа: 15.11.2015.

6. Projet Fortiff [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fortiff.be/. — Дата доступа: 08.12.2015.

Т. Р. Смирнова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА (ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ)

Сотрудничество Детского музея с дошкольными учреждениями нашего города не ограничивается проведением музейно-педагогических занятий по программе «Музейный калейдоскоп». Расширяется сфера взаимодействия и совершенствуются формы сотрудничества с педагогами УДО № 29 и УДО № 2 г. Полоцка. К совместной работе проявляют интерес и педагоги УДО № 24, № 32. Работа, которая организована представителями различных субъектов (сотрудниками музея, педагогами, родителями, специалистами по дошкольному образованию), имеющая общие образовательные, воспитательные цели и интересы, называется социальным партнёрством.

Социальное партнёрство — это инструмент, с помощью которого представители различных субъектов, имеющих специфические интересы, организуют совместную деятельность.

На современном этапе, как музей, так и дошкольное учреждение стали открытыми социальными системами, способными реагировать на изменения внутренней и внешней среды, осуществлять взаимодействие с различными социальными группами, имея собственные интересы в сфере образования, культуры, реагировать на меняющиеся индивидуальные и групповые образовательные потребности.

Социальное партнёрство музея с учреждениями образования имеют разные формы и уровни:

— партнёрство внутри системы образования между социальными группами профессиональной общности (методист и воспитатель группы, воспитатель группы и родители);

— партнёрство педагогов УДО и музейных сотрудников (представители сферы культуры и системы образования).

Свои связи мы строим на основе следующих принципов:

— добровольности;
— равноправия сторон;
— уважения интересов друг друга;
— соблюдения законов и иных нормативных актов;
— установления коммуникаций между детским садом и социумом.

Предметом взаимодействия и сотрудничества является личность воспитанника, его интересы, заботы о том, чтобы каждое педагогическое воздействие, оказанное на него, было грамотным, профессиональным и безопасным.

Чтобы определить уровень нашего партнёрства, мы сначала обозначили параметры взаимодействия, вывели общие интересы, цели, мотивы, критерии результативности, показатели в развитии воспитанников.

Для этого:

1) Провели анализ мотивов и интересов сторон, ответили на вопрос: зачем нам потенциальные партнёры, и зачем мы им.
2) Определили общие цели и задачи совместных действий.
3) Согласовали позиции, ожидаемые результаты общей деятельности, определили роли и место каждого участника во взаимодействии.
4) Выявили потребности в новых организационных формах.

Документально оформили отношения, спланировали деятельность, определили меры ответственности каждой стороны.

Работа с УДО № 29 в 2014—2015 у. г. и в начале 2016 года обобщается в совместном долгосрочном культурно-образовательном проекте «Формирование творческой социальной активности личности ребёнка дошкольного возраста средствами музейной педагогики», которому присвоена категория «Исследовательского проекта». Проект был представлен специалистам Отдела образования г. Полоцка, допущен к работе. Затем рассмотрен специалистами Государственного учреждения дополнительного образования взрослых «Витебским областным институтом развития», а после его изучения и утверждения был назначен консультант Куксова Нина Александровна (старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и частных методик Государственного учреждения дополнительного образования взрослых «Витебский областной институт развития»).

Направления работы по данному проекту:

1) Самостоятельное проведение педагогами дошкольного учреждения занятий по программе для детей 4-х лет «Учимся смотреть и видеть,

слушать и слышать». Проведение консультаций воспитателю сотрудником музея, заведующей дошкольного учреждения, методистом после просмотра занятия для внесения поправок, дополнений.

2) Работа специалистов дошкольного учреждения (учителя-дефектолога, психолога, музыкальных руководителей) в рамках музейно-педагогического аспекта.

3) С детьми 5—6 лет планируется в качестве эксперимента организовать проведение исследовательской деятельности.

В 2016 г. такая форма работы начата в старшей группе с ребёнком Михаилом Шавко под руководством педагога высшей категории Ю. В. Сакович. Творческой группой УДО № 29 разработан научно-исследовательский проект «В стране стрелок и минут». Цель этого проекта: формировать у ребёнка первоначальные навыки самостоятельного познания предметов окружающего мира через исследовательскую деятельность. В работу по проекту привлечены и родители. Распределены направления работы между участниками проекта. Результатом исследовательской деятельности явилась продуктивная деятельность (кукла «Минутка»).

Таким образом, хотелось бы отметить, что совместные проекты — это не дань моде, а одна из форм сотрудничества музея и дошкольного учреждения. Работа занимает много времени, но если есть результат в виде методического пособия, или пособий, изготовленных в виде дидактических игр, сенсорных ковриков, то можно продолжать сотрудничество в этом направлении и его совершенствовать.

А. А. Соловьёв

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПРОКЛАДКОЙ ТЕПЛОТРАССЫ ПО УЛ. ШЕНЯГИНА В 2001 Г.

Зимой 2001 г. вдоль насыпи нового моста через р. Западная Двина и ул. Шенягина проводились работы по прокладке теплотрассы через всю территорию Заполотья с севера на юг. Глубина траншеи составляла от 2,0 до 3,0 м, ширина — от 3,0 до 6,0 м.

Обследование стенок траншеи выявило значительные повреждения культурного слоя разновременными перекопами. Толщина его, с учётом материковых ям, составляла от 0,3 до 2,0 м и отличалась крайней нерав-

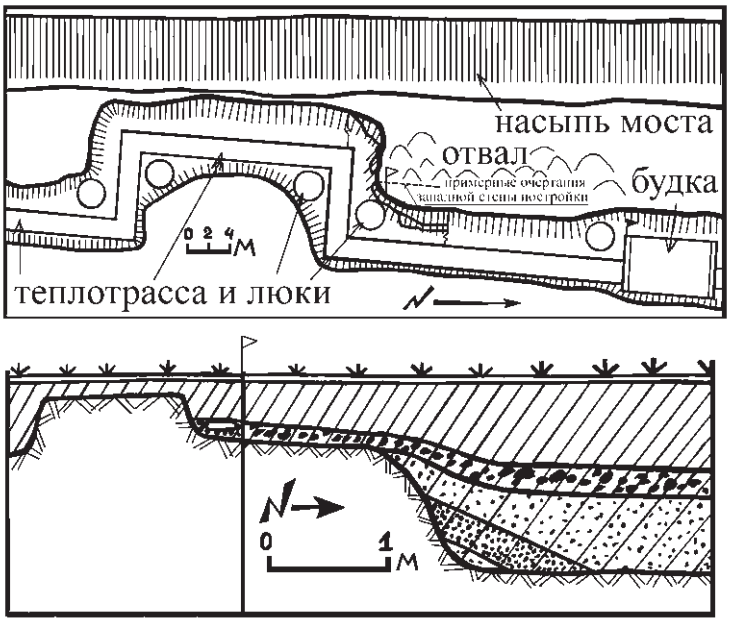


Рис. 1. План участка траншеи (вверху) и развёртка стратиграфии изучаемого участка культурного слоя (внизу)

номерностью. Материк представлен жёлтым песком, в толще которого имелись россыпи камней и кремня. В связи с тем, что практически на всём протяжении траншеи культурный слой был перемешан, особый интерес представляли те участки, где он сохранил свою стратиграфию.

Один из подобных участков располагался на расстоянии около 12,0 м на юг от технической будки для обслуживания теплотрассы, построенной в 2001 г. (располагалась напротив домов по ул. Шенягина № 34—36, на границе снесённых домовладений № 33 и 35).

В районе изученного нами участка траншея поворачивала на запад. В ходе работ экскаватором были вскрыты и частично уничтожены две материковые разновременные ямы, наложившиеся друг на друга. Нам удалось зачистить и исследовать участок частей северной и западной стенок траншеи длиной около 5,0 м, располагавшийся в месте её поворота на запад (*рис. 1*).

Под однородным перемешанным культурным слоем толщиной около 0,2—0,25 м нами прослежены две вышеупомянутые разновременные ямы, вырытые в материке. Они, судя по профилям стенок, образованы от сменивших друг друга деревянных построек.

Нижняя яма, расположенная на западной стенке траншеи, прослежена с глубины около 1,2—1,3 м. Произведена зачистка профиля её южной стен-

ки, которая была отклонена наружу, а также плоского дна. Глубина нижней ямы от уровня дна верхней ямы составила около 1,0 м, выявлена на длину около 1,3 м. Заполнение представлено светло-серой землёй с песком (с преобладанием земли). На глубине 0,4 м от верхнего края нижней ямы, а также у дна, прослежена прослойка земли с песком (с преобладанием песка) толщиной 0,2—2,5 м. В указанной прослойке находок не обнаружено.

Характер профилей стенки и заполнения описываемой ямы свидетельствует о её принадлежности к наземной срубной постройке в качестве земляного погреба. Песчаный материк обеспечивал в нём сухость.

Подобные подполья под деревянными жилищами XI—XII вв. ранее уже обнаруживались нами в ходе археологического надзора за земляными работами на улице и переулках Ф. Мироновой в 2005—2006 гг. Таким образом, найденная нами нижняя яма могла остаться от постройки, располагавшейся в районе современных домовладений № 33, 35 по ул. Шенягина в XI—XIII вв. [3, с. 117, 118: Мал. 4: 2, 6, 119].

Наибольший интерес представляет верхняя материковая яма. Она прослежена как на западной, так и на северной стенке траншеи. Глубина ямы от поверхности материка составила 0,3—0,4 м, стенки были вертикальными, дно — горизонтальным. Судя по характеру заполнения и зачищенному профилю дна и стенок указанной ямы, она также принадлежала деревянной постройке, сруб которой был впущен в грунт.

Дно найденной нами верхней ямы изначально было ровное, но позже просело над описанной выше нижней ямой при усадке культурного слоя, заполнявшего её. На западной стенке траншеи стратиграфию заполнения верхней ямы удалось проследить на участке длиной около 3,5 м, на северной стенке (где траншея поворачивала на запад) — на отрезке около 0,5—0,6 м.

Заполнение верхней части ямы представляло собой перемешанный однородный культурный слой, который также и перекрывал её. Культурный слой нижней части, вплоть до дна ямы, представлен угольной прослойкой, содержавшей повреждённые огнём артефакты. Толщина угольной прослойки местами составила от 10 до 20 см (*рис. 1*).

В коллекции керамики из угольного слоя представлены значительное количество грузил для рыболовных сетей, обломки керамической посуды (жбана, горшков), а также плинфа. В числе редких находок можно указать обломок пилы и бронзовой блесны. В районе поворота стенки траншеи на дне ямы найден обломок жёрнова из хрупкого гранита. Все находки имеют следы сильного воздействия огня — остекленение и вспенивание керамики (*рис. 2: 7—9*), обожжённую поверхность металла (*рис. 2: 25, 26*). По всей видимости, найденные объекты находились в деревянном строении, уничтоженном пожаром.

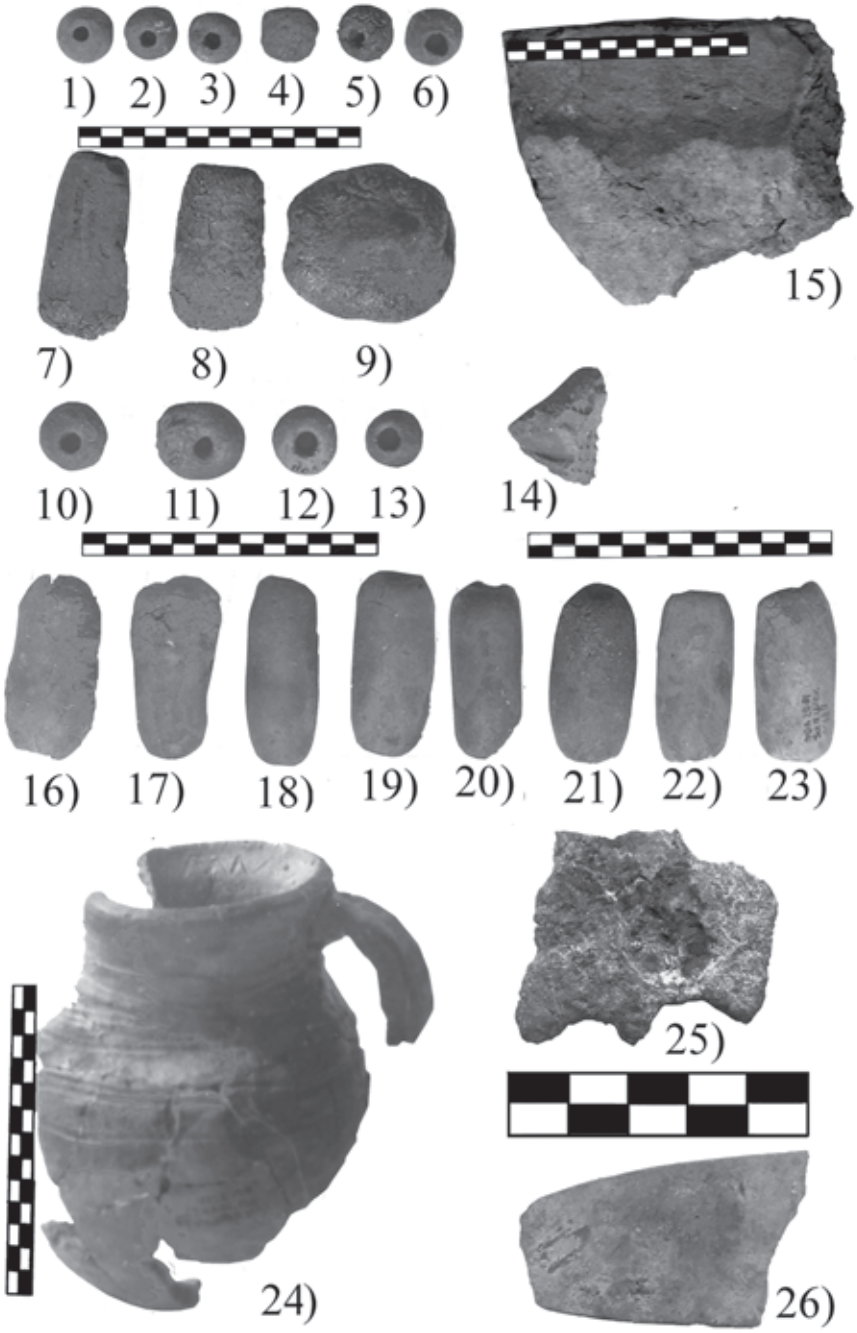


Рис. 2. Находки из прослойки угля из верхней ямы: рыболовные грузила и плинфа (вверху), кувшин (жбан), обломки пилы и блесны (внизу)

Форма рыболовных грузил в течение столетий не изменялась, их размеры зависели от размеров ячейки сети. Среди наших находок большинство составляют круглые грузила диаметром около 2,0—2,5 см (*рис. 2: 1—6, 10—13*) (КП-19 245509—24516; КВФ-4 4632—4641), имеются также и продолговатые изделия длиной около 8,0 см и диаметром 2,3—2,8 см (КП 19-24517—24520, КВФ 4-4642, 4643, 4656) (*рис. 2: 7, 8, 16—23*). Описанные грузила принадлежали двум разным сетям. Первая из них была с малыми грузиками и предназначалась для ловли карася, окуня, пескаря и другой мелкой рыбы. Вторая — для более крупной рыбы: леща, щуки, сома. Отдельно следует отметить фрагмент грузила со штампованным орнаментом, которое, предположительно, было привозным (*рис. 2: 14*).

Анализ керамики из сгоревшей постройки выявил, что жбан конца XV в. был изготовлен посредством выжимания из комка глины, имел низкое налепленное горло (раструб), мягкий угол между донышком и толстыми стенками. Сосуд сглажен как изнутри, так и снаружи (КВФ 5-7693). В подобных изделиях XIV—XV вв. венчик мог иметь карниз и бортик. Орнамент наносился на верхнюю половину жбана и повторял отделку горшков [2, с. 13] (*рис. 2: 24*).

Найденная плинфа была лекальной, со следами раствора, имела слабый обжиг. Как и остальные находки, изделие имело следы нагара (КП 22-034821).

К сожалению, большая часть верхней ямы от постройки уничтожена экскаватором в ходе земляных работ. Судя по зачищенному и исследованному участку стратиграфии и отсутствию признаков ямы на противоположных стенках траншеи, длина сторон здания не превышала 4,0—5,0 м, находка гранитного жёрнова может косвенно указывать на место расположения входа — это южная стена здания. Предположительно, на западной стене размещались сгоревшие в пожаре рыболовные сети, грузила которых найдены при раскопках.

Само сооружение, будучи заглублённым в землю, могло иметь стены срубной или столбовой конструкции, утеплённые снаружи землёй. Постройка имела земляной пол. Найденные фрагменты керамики позволяют датировать строение в пределах конца XV — середины XVI вв. Не исключён и тот факт, что пожар, уничтоживший здание, связан с событиями Ливонской войны (1558—1583).

Размещение постройки подобного типа (предположительно — дом рыбаков) в районе Заполотья вполне закономерно, поскольку наиболее привлекательной территорией для заселения городской элитой в XI—XVIII вв. традиционно было прибрежье Западной Двины. Рассматриваемая построй-

ка располагалась вблизи трассы бывших укреплений Заполотского посада в месте их пересечения с современной ул. Гастелло (в районе современного дома № 36 по ул. Шенягина).

Таким образом, рыбакам, жившим здесь, был обеспечен доступ к р. Полоте, которая была запружена напротив Мошны Верхнего замка с помощью мельничной плотины. Данная мельница зафиксирована на планах 1579 г., составленных секретарём короля Стефана Батория — С. Пахаловицким.

Вдоль городских укреплений проходила улица, по которой можно было добраться и до р. Западной Двины. При осаде Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г. русские войска, согнав население в Верхний замок, сожгли посад. По этой причине на гравюре С. Пахаловицкого на месте Заполотья указано — «mesto to spałono». Согласно данному изображению от сгоревшего в годы Ливонской войны Заполотского посада уцелел ров и частично планировка, представлявшая собой сеть из поперечных и продольных улиц, которые сходились в восточной части современного Заполотья [1, с. 41; 4, с. 116: рис. 18].

Находка подобной постройки в северной части Заполотского посада, как и результаты изучения остальных частей посадской территории, позволяют уточнить характер его заселения на протяжении нескольких столетий. Северная и северо-западная части данного посада считались периферийными, поэтому при археологических исследованиях там практически не встречаются фрагменты изразцов и глазурованной керамики, характерные для построек зажиточных или состоятельных горожан. Наиболее престижной для заселения являлась ул. Великая, которая имела своё продолжение и на территории Заполотья. На протяжении нескольких столетий (как до, так и после Ливонской войны) указанная улица, начинаясь на Великом посаде, далее проходила по подножию замковой горы, и через р. Полоту выходила на Заполотье.

На территории Заполотья южнее ул. Великой до середины XVI в. располагался бернардинский монастырь, при археологическом изучении которого обнаружены самые ранние из найденных на территории Полоцка коробчатые геральдические и сюжетные изразцы (датируются концом XV — серединой XVI вв.). Параллельно ул. Великой, на север от неё, проходила дорога, завершавшаяся «взвозом» на замковый мост, в непосредственной близости от которой располагалась найденная нами постройка.

Список литературы и источников

1. Бохан, Ю. М. Побыт феадалаў Вялікага Княства Літоўскага XIV—XVIII стагодзя / Ю. М. Бохан, А. А. Скеп'ян. — Мінск: Беларусь, 2011. — 271 с., іл.
2. Левко, О. Н. Гончарство Северо-Восточной Белоруссии XIV—XVIII вв. / О. Н. Левко. — Минск: Наука и техника, 1975 — 61 с., ил.
3. Салаўёў, А. А. Да вынікаў археалагічных даследаванняў на вуліцы і завулках Ф. Міронавай у 2005—2006 гг. / А. А. Салаўёў // Беларускае Падзвінне: зб. навук. прац. Рэсп. навук.-практ. канф. — Наваполацк, 2011. — Ч. 1. — С. 114—124.
4. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. — Мінск: Беларуская навука, 1998. — 183 с., іл.

А. А. Соловьёв

ИССЛЕДОВАНИЯ ДОМА НА НИЖНЕ-ПОКРОВСКОЙ 19

Дом № 17 на ул. Нижне-Покровской возведён в начале XX в. как жилое здание. обращает на себя внимание его необычная вытянутость вглубь квартала. При небольших торцевых стенах дом имел маленькие комнаты шириной около 3,0 м, расположенные на одной линии. Данные габариты и пропорции зданий были более характерны для средневковых построек (*рис. 1*), которые по наблюдениям Д. В. Дука в Полоцке не отличались большой площадью близких к квадрату помещений [3, с. 242 и 1, с. 42]. Это было характерно как для однокамерных так и для многокамерных домов средневековых городов. Большой интерес для нас представляет обнаруженин в непосредственной близости от изучаемого нами здания кладки под печь из кирпичей XVII в. Найденный кирпич был вторичного использования. Изделия имели 3—4 продольные штампованные полоски и габаритами был близок к изделиям середины XVII в., из которых сложены самые древине подвалы и фундаменты полоцкого иезуитского коллегиума и домика Петра Первого [4, с. 20—21; 6, с. 43—44]. В связи с этим у нас возникло предположение, что изучаемое нами здание начала XX в. в основе своей может оказаться значительно древнее и быть одной из немногочисленных камениц ул. Великой, упоминавшейся в исторических документах.

Именно такие небольшие вытянутые постройки были отмечены также на некоторых фиксационных планах Полоцка конца XVIII — начала XIX вв.

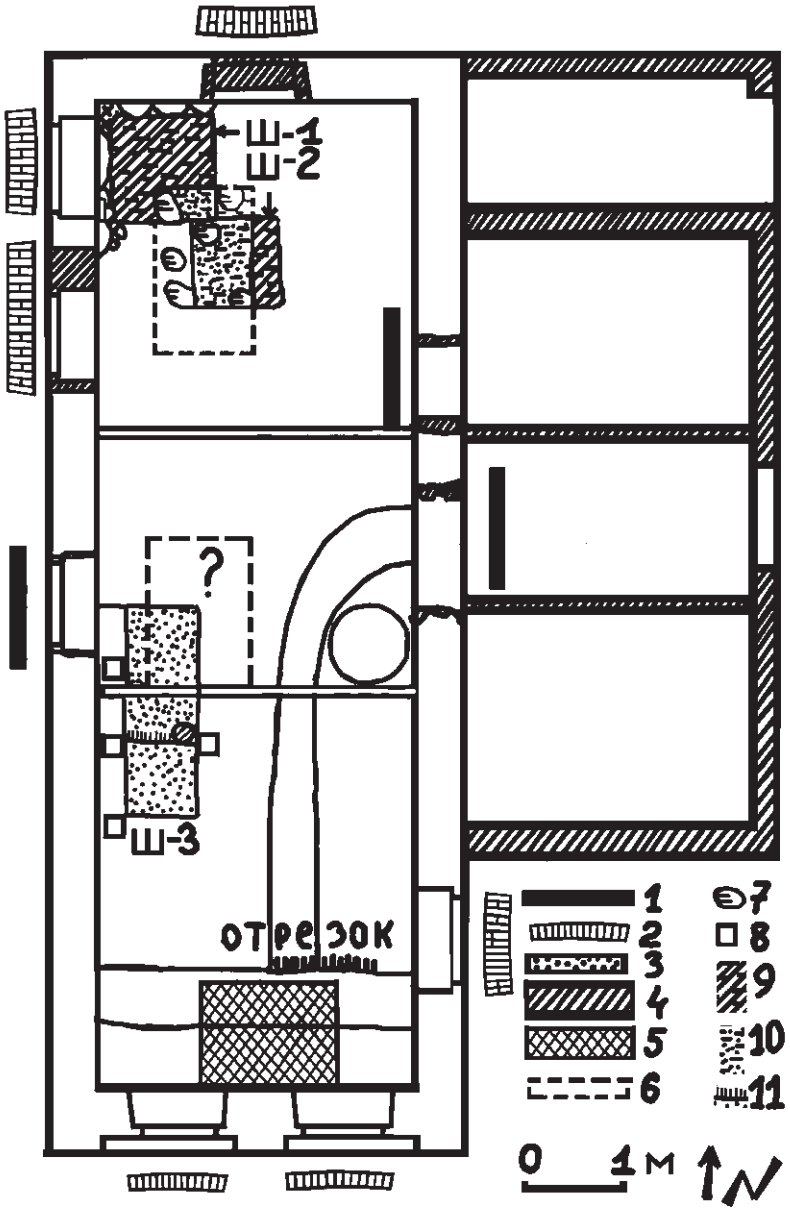


Рис. 1. План здания с поздними переделками и размещением шурфов и траншей. 1 — металлические перемычки прорубленных проёмов; 2 — кирпичные клинчатые перемычки первоначальных проёмов; 3 — песок; 4 — поздние кладки стен; 5 — завал изразцовой печи сер. XIX в.; 6 — предполагаемые очертания печей XVII — XVIII вв.; 7 — камни; 8 — столбовые опоры пола середины XX в.; 9 — серая земля с вкраплениями обожжённой глины; 10 — песок с глиной; 11 — скат песчаной поверхности

Особый интерес представляютт те из них, где зафиксированы очертания имевшихся домов рядовой городской застройки. Среди них имелось ещё много средневековых сооружений, возведённых до разделов Речи Посполитой. При этом многие из них либо выступали, либо перекрывали запроектитрованную уличную сеть. Поэтому и у нас возникло предположение, что наше здание могло быть построено с использованием его фундаментов. На планах начала — середины XIX вв. на его месте располагался деревянный дом, очертания которого не совпадали с существующим ныне. Вместе с этим возможность повторного использования древнего фундамента не исключалась. Косвенно на эту возможность указывала небрежная кладка его стен, выполненная их разновременного и разноформатного кирпича. Многие экземпляры имевшмеся в его стенах можно было датировать в пределах XVII—XVIII вв.

Таким образом, для проверки нашего предположения решено было произвести шурфовку прямо в доме после снятия пола. Целью их должно было стать поиск под существующей кладкой стен древних фундаметов или подвалов.

ШУРФ 1 (*рис. 1*) вырыт в северо — западной углу дома и доведён до гл. 1,0 м. Северная и западная сторона шурфа — кладка фундамента дома. Она выполненная из булыжников от 0,1 до 0,3 м «на сухо» от границы штукатурки до выступа фундаментов (около 0,15 м) около 0,4 м. От этого же выступа ведётся отсчёт глубины шурфа, на её уровне начинается культурный слой представленный подсыпкой строительным мусором советского послевоенного периода. Толщина её около 0,3 м. Далее следовал слой с тёмно-серой почти чёрной земли толщиной от 5 до 10 см, он имел вкрапления обожжённой глины.

Далее под ним следовал слой земли перемешанный и красной обожжённой глиной толщиной 0,15—0,25 м, насыщенный обломкими изразцов конца XVII — середины XVIII вв. Изразцы представлены сильно обгорелыми обломками стеновых и карнизных пластин. Найдены обломки куполка и коронок (*рис. 2—7*). Найдены обломки угловых и стеновых изделий. При чём угловых экземпляры были полихромные, имеющие обширные аналогии в коллегиуме. Многие изделия сильно повреждены огнём — глазурь вспенилассь и лицевая узорная поверхность изразцов стала ноздреватой. Изразцы были как рамочные (одноступенчатые) так и безрамочные (со смещённой рамкой). Первоначально основная масса изразцов была с коричневой и зелёной глазурью, а угловые балясины молочно белыми (*рис. 2*). Такими же были карнизы и куполки. Терракотовые изделия представлены в основном со смещённой рамкой пластинами с венком. Карнизы орнаментов не имели и были представлены плавно изогнутыми и округлыми профилированными пластинами.

Рис. 2. Обломки угловых стеновых изразцов от надставки печи

Рис. 3. Обломки угловых стеновых изразцов от надставки печи

Рис. 4. Обломки стеновых изразцов от надставки печи

Рис. 5. Обломки угловых и стеновых изразцов от базы печи

Рис. 6. Обломки угловых карнизных изразцов от надставки и базы печи

Рис. 7. Обломки коронок и куполка от свода печи

Фундамент печи практически полностью был уничтожен перекопом. Непотревоженыым частично сохранился только самый нижний ряд камней. Один из них судя по форме и размерам и характеру размещения был угловым (северо-западный угол печи). Обломки кирпичей представлены экземплярами с косыми бороздами. единичные экземпляры были со следами известкового раствора. Остатки фундамента печи прослежены с гл. 0,85 м. Под развалом изразцов прослежен слой угля и золы с тёмно серой землёй. В этом слое как и среди изразцов найдены единичные обломки посуды расписанные жёлтым и белым ангобом [3, с. 133]. С фундаментами существующего дома печь никаким образом не связана. Развалы изразцов вплотную примыкают к его булыжному фундаменту и частично использованы при его обсыпке. Тогда же возможно было выбрано и большинство камней из фундамента печи.

ШУРФ 2 (*рис. 1*) был заложен впритык к первому в 1,0 м от западной стены дома для поиска юго-восточного угла печи. с гл. около 0,45 м начинался слой развала печи откуда выбирались пережжённые пожаром изразцы. Там как и в районах трёх предполагаемых углов печи найдены обломки угловых изразцов — витых балясинок и капителей, встречено так же много обломкой изразцов с медальонами в венке со смещёной рамкой. С глубины около 0,55 м была проведена зачистка дна шурфа и выявлена чёткая граница восточной стенки котлована печи, которая незначительно превышала

размеры шурфа в обоих направлениях с севера на юг. Таким образом, длинна её раскопанной части составляла около 1,2 м, общая, с учётом предпечной части была как минимум до 1,6 м. Камней даже в составе нижнего ряда было практически не обнаружено. Ширину же печи было легко определить от камня северо-западного угла до восточной границы котлована, заполненного глиной, она была около 1,0 м.

В южной части фундамента преобладали обломки кирпича, многие из них со следами раствора. Находимый в развале печи кирпич тоже имел косые борозды и следы раствора. Они были перемешаны с землёй. Замечено, что там так же значительно уменьшается количество обломков изразцов конца XVII — начала XVIII вв. дальнейшая его разработка показала, что на расстоянии 0,5 м вглубь от южной стенки шурфа начинается перекоп в котором встречается как кирпичи так и изразцы. Среди находок примечателен изразец — перемычка мередины XIX ст. Так же там найдены фрагменты гладких изразцов широко применявшиеся в печах коллегиума середины XVIII в.

В слое над западной стеной печи найден обломок подобного карниза начала XIX вв. перекоп с современным кирпичом найден и с восточной стороны в полу метре от печи. Самыми ранними в развале печи были обломки изразца «ваза с цветами», а так же иезуитского и коврового изделия.

Исхода на значительной отдалённости развала найденной нами печи от «красной линии улицы в XVIII—XIX вв. возникло предположение, что дом конца XVII — середины XVIII вв., в котором она стояла, мог быть трёхкамерным. Печь могла стоять на одной оси в нашей находкой или вблизи от неё должна быть ещё одна печь. Для этого и был заложен третий шурф.

ШУРФ 3 (*рис. 3*) был врезан возле западной стены дома против печи. Таким образом была проведена попытка поиска второй противоположной печи, стоявшей в южной части предполагаемого дома. Чтобы сохранить фундамент стены шурф до конца не разрабытывался и возле стены были сохранены подпольные столбики поэтому шурф представлял собой вытянутый прямоугольник 2,1х0,6 м. С глубины 0,5—0,6 м под пластами мусора и перекопа начинался нетронутый культурный слой. В северной стенке шурфа была прослежена нивелировочная прослойка песка, примыкавшая к опорным столбиками под пол. Именно она была вкрхней границей культурного слоя. Под прослойкой песка была тёмно-серая почти чёрная земля с вкраплениями красной глины. С гл. 0,7 м в ней найдены первые обломки изразцов, которые ничего общего с найденной печью не имели. Шурф решено было довести до глубины около 1,0 м — уровня подошвы фундамента найденной ранее печи в Ш — 1 и 2. Было выяснено, что данный слой земли на глубине 0,8—0,95 м ограничен прослойкой песка. При этом поверхность

слоя была изогнута (перепад между её верхней и нижней точкой составлял 15—20 см), и образовывала уступ, имея уклон в южном направлении. Этот уровень вполне соответствовал глубине размещения основной массы обломков изразцов печи. Именно на этом уровне встречены единичные обломки изразцов, относящиеся к набору нашей печи. примет развала ещё одной печи выявить нам не удалось, поскольку в той части шурфа, где она могла быть. уничтожена опорным столбиком под пол. Таким образом остатки южной печи, если и были то не сохранились.

ОТРЕЗОК 1. (*рис. 1*) В южной части дома велась траншея под водопровод. Она пересекала помещение поперёк. При разработке её рабочим попадались единичные обломки керамики. Культурный слой начиался на уровне выступа фундамента. Для изучения стратиграфии нами была зачищена восточная часть северной стенки. Длинна его 1,5 м. Под слоем современного мусора 3—5 см был слой строительного мусора и перекопа толщиной 0,2 м. Под ним был слой красной сырой и обожжённой глины толщиной от 0,2 до 0,3 м (возрастал в западном направлении). Именно там и были найдены обломки изразцов датированных серединой XIX столетия. Они уже имели следы механизаированного производства и в материалалх коллегиума датируются первой пол. XIX в. [5, с. 90]. Основной развал печи прослежен в проитвоположной стенке траншеи. Кроме обломкомв изразцов там были найдены и куски кирпича современного образца. Далее под развалом печи следовал слой тёмно-серой земли толщиной 0,2—0,3 м, нижней границей которого является прослойка песка толщиной 5 см. Далее вновь следовал слой тёмно серой земли, который не изучался. По стратиграфии данная прослойка песка являлась продолжением найденной нами подсыпки зачищенной в Шурфе № 3.

На основе обнаруженных материалов стало возможным призвести реокнструкцию устройства и внешнего убранства нашей печи. Найденная нами печь представляла собой прямоугольник в плане сооружение около 1,0х1,6 м (по верхней площадке фундамента). С южной стороны была передняя часть печи. Она представляла собой предпечье, которое могло быть как глиняным, так и кирпичным, поскольку требовалась надёжная основа для дымовой трубы. Оно занимало около трети всей площадки фундамента. В случае выкладки его из кирпича стенки выкладывали в пол кирпича, сама же труба могла быть выведена из кирпичей на ребро. Отсутствие характерных для развалов таких печей находок самодельных кирпичей-перемычек или печных дуг с примесью крупной жарствы (толчёным камнем) в тесте говорит о том, что южная часть изученной нами печи была частично кирпичной (по крайней мере до уровня топки). Этим она схожа по конструкции с печами на этажах существующих зданий коллегиума. Они имели

предпечье, состоящее из печного и топочного проёма в толще стенымежду ними, выложенное одновременно со стеной. Сама печь «приставлялась» со стороны кельи и преджставляла собой двухъярусный изразцовый короб собранныей на каркасе и усиленный в нижнй части кирпичной кладкой [5, с. 63—67]. Большой фрагмент глиняной печной стенки, оплаленной при пожаре, говорит о том чтн, стенки её (например в месте сужения к трубе) частично были глиняными. Она не имела изразцового покрытия. Сама же печь несла прежде всего отопительную функцию и в меньшей степени кухонно-хозяйстенную, поскольку из за небольших размеров топки, она была малопригодной для варки и выпечки в больших количествах. На основе характера размещения фундамента печи и развалов изразцов можно сделатьь вывод об ориентации печи по линии север-юг. Обращённость короба на север говорит о размещении её в северной части дома которая была жилой. Главными были её восточный и северный фасад.

С северной стороны примыкал квадратный в плане изразцовый короб. Он занимал около 2/3 площади прямоугольной площадки фундамента под печь. В нижней части его располагалась топка, стенки которой омгли быть усилены кирпичной кладкой. Небольшие её размеры вынуждали строителей ставить кирпич в кладке её стен на ребро. При такой конструкции топочный проём был шириной около 0,4—0,5 м, примерно такой же была его высота, которая могла доходить и до 0,7 в замке арки. Это полностью увязывалось с материалами и находками в существующих корпусах коллегиума, возведённых в середине XVIII в. [5, с. 63—65]

Найденные обломки изразцов от её короба говорят о том, что это было роскошное и изящное полихромное сооружение [5, с. 70]. Основная масса обнаруженных нами обломков изразцов конецнтрировалась в северной и западной части печи. Многие из них были повреждены огнём, что было свидетельством исльного пожара погубившего постройку и печь. Глазурь на многих обломках присыпана мусором или вспенена, глина деформирована и покрыта глубокими трещинами. Всего же найдено около 6 видов изразцов.

Реконструкция их показала, что стеновые изразцы представлены 2 видами. Большинство изделий были рамочные с растительным орнаментом в декоратичном обрамлении. Именно эти изделия были наиболее повреждены огнём. Первоначально же глазурованные пластины были коричневыми, поверхность их была блестящей. Угловые изделия имели половину стенной пластины и молочного цвета балясинку. Верх её завершался капителью в коринфском стиле. Подобные изделия, только других цветов и имевшие украшения медальонами хорошо известны в изразцовых материалах от печей существующтх корпусов коллегиума [5, с. 37—38, 46—47]. Низ балясины имел

профилированную гладкую базу. Размеры пласти были около 25,0х19,0 см. Высота румпы от края рамки пластины составляла 10,5 см (*рис. 2 и 3*).

Много было и изделий со смещённой рамкой и медальоном в венке. Изразцы имели зелёную (присыпанную песком?) глазурь, но следы пожара на них были менее значительны. Угловые изделия состояли из двух частей, соединённых на «ус» — целой и половинной пластины. Размеры пластины были 17,2х21,8 см. Высота румпы от края пластины 9,5 см (*рис. 5*).

Карнизы представлены двумя видами изделий. Часть из них были с плавно изогнутыми пластинами с эмалью молочно белого цвета и первоначально были блестящими. Большинство их были повреждены огнём. Часто обломки их были покороблены настолько, что склейка при подборке становилась невозможна. Приблизительные размеры их лицевых пластин 19,5х9,5 см. Угловые изделия собранные на «ус» имели минимальную длинну в узкой части 4,5 см. высота румпы от края пластины 7,5 и 12,5 см. Небольшой вынос пластины позволял устанавливть изразец в любом положении, что было важно для веначющего карниза (*рис. 6*).

Часть из находок была карнизами с двухчастными пластинами с округой и гладкой частями. Они как и стеновые изразцы с медальонами, имели глазурованное покрытие зелёного цвета, с присыпкой при пожаре песком. Большинство найденных фрагментов были терракотовыми. Отсутствие больших фрагментов полного профиля позволяет определить размеры только приблизительно. Высота карниза около 11,0 см, длинна 19,0—20,0 см. С учётом того, что эти кранизы образовывали опорный ряд изразоцвого убранства печи высота румпы не имела большого значения. В учётом стеновых зелёноглазурованных изделий можно полагать, что высота их не превышала 9,5 см. Аналогии им хорошо известны в в изразцовом материале от печей существующего ныне коллегиума [5, с. 41—42].

Завершение печи было представлено коронками с растительным орнаментом. Они, судя по испорченной огнём глазури так же имели первоначально коричневое блестящее покрытие. Центральную часть печи завершал грушевидный куполок на постаменте. Они были покрыты белой эмалью и так же были повреждены в огне. Диаметр его у основы был около 7,0 см в средней части с учетом деформации обломка в огне 10,5—11,0 м.

Остальные части облицовки свода печи представлены мелкими обломками. Один из них мог быть в виде полусферы с верхним отверстием около 10,0 см в широкой части диаметр его около 13,0 см. На него устанавливали куполок. Целый аналог был собран на чердаке коллегиума [5, с. 45]

Коричневоглазурованные коронки, расположеные над карнизами, могли иметь по три зубца в виде трёхлистников, разделённых «ягодами»

между ними. С зади был длинныей шип, вероятно с вырезанным отверстием. Высота коронок была около 9,0 см длинна около19,0 см (*рис. 7*).

Большинство найденных нами терракотовых изделий было обнаружено с западной стороны фундамента печи. При этом они значительно меньше были повреждены огнём, среди находок нет ни одного углового изделия. это говорит, что по близости располагалась западная стена дома, где стояла найденная нами печь, приблизилельно там где расположена стена существующего ныне здания. Между печью и стеной был закуток для инвентаря. Таким образом, западный фасал почти не просматривался (*рис. 8*).

Что касается самой постройки в которой располагалась печь, то данный про неё выявлено крайне мало и наши реконструкции во многом гипитетические. Поиски печи наличие которой предполагалось в южной части дома, расположенной напротив выше описанной, ничего не дали. Поисковый шурф возле западной стенки изучаемого нами дома показал, что строительству обнаруженной нами печи, как и всего дома в котором она располагалась пред-

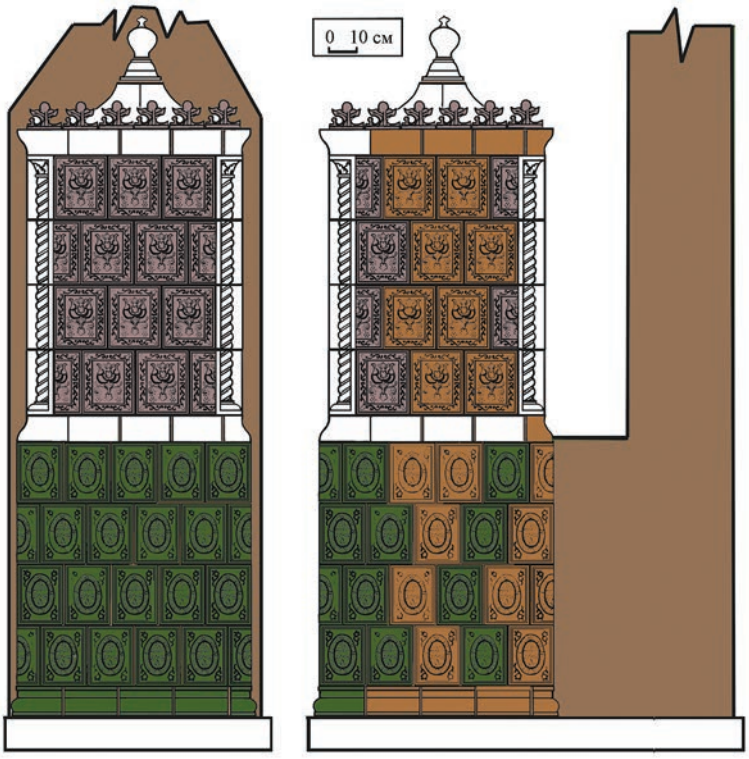


Рис. 8. Реконструкция полихромной печи

шествовала нивелировка территории жёлтым материковым песком, который образовал поверхность имевшую уклон в южном направлении. Расстояние от изгиба песка до развала печи указывала на то, что стоявшая тут постройка могла быть как минимум двухкамерной. Дом мог иметь 2—3 комнаты вытянутые по одной линии и быть схродгым с ныне существующим. На самом изгибе поверхности (перепад между её верхней и нижней точкой составлял 15—20 см) песка были замечены вкрапления земли в виде пятен диаметром 20—25 см, которые позволяли полагать о наличиии врытых в этом месте ряда столбов «стульев» или бревна, служившими опорой для сруба здания [1, с. 36]. Именно перекрывавший данный песок слой земли содержал вкраплния красной обожжённой печной глины и редкие обломки изразцов XVII—XVIII вв. Среди них имели место и экземпляры от найденной нами печи, они встречены севернее изгиба песка. Данная прослойка песка была прослежена и в траншее под водопровод, прорытой на расстоянии 0,6 м от южной стенки дома начала XX в. прослойка эта отделяла лежавший ниже культурный слой от верхних пластов конца XVII—XIX вв.

Возможно, что под центральной и южной частью дома имело место подполье приспособленное под склеп и выявленная нами нивелировочная прослойка песка являлась для них одновременно и дном предохранявшим их содержимое от сырости поднимавшейся с земли. Высота такого подполья с учётом уклона территории и уровня лаг под доски пола составляла высотой около 0,5 м, достаточной, чтобы рукой дотянуться до его дна став на колени. Найденные нами признаки наличия опорных конструкций на изгибе песчаной поверхности позволяют полагать что южная расположенная над ней стена сруба могла разделять южную комнату и сени, в которые была обращена найденная нами печь. Размеры сеней с учётом расстояния от развала печи до изгиба песчаной поверхности можно определить только приблизительно. Длина их была около 4,0 м, ширина сеней могла быть 4,0—4,5 м, с учётом стремления придать жилым помещениям форму близкую к квадрату, можно полагать, что длина их могла доходить до 5,0 м [1, с. 42].

Что касается боковых помещений, то они были также небольшими и близкими к квадрату либо прямоугольнику с соотношением сторон 2:3 или 3:4. Длина и ширина стен этих комнат определялась не только срубом сеней, но и небольшими размерами найденной нами печи, которая у верхнего края фундамента имела вид прямоугольника со сторонами около 1,6х1,0 м. Таким образом, два помещения постройки по бокам сеней могли быть близки к квадратным. Максимальная длина стороны этих комнат могла иногда достигать 5,5 м. Жильём была найденного нами дома северная комната, о чём говорит находка печи.

На основе этих наблюдений можно полагать, что размеры вытянутого прямоугольного дома могли достигать 16х5,5 м. Этим он имел определённое сходство с существующим ныне зданием. Он, какии домик Петра первого первоначально выходил на «красную линию» нынешней ул. Нижне-Покровской (в то время Великой)

После его гибели в последней трети XVIII в. (на плане 1786 г.) место пустовало (постройки если и были, то в непосредственной близи от него) [7], только к середине XIX в. территория была снивелирована и на этом месте строится большой деревянный дом, а пятно, старое пепелище частично было накрыто его пристройкой. Она зафиксирована в «Маршрутах 1858 г.» [2]. Благодаря тому, что она была меньше старого дома, развала найденной нами печи оказался за её пределами и потому сохранился. В доме была сложена печи из терракотовых и зелёноэмалированных изразцов с гладкими профилированными карнизами.

Только после его гибели в одном из пожаров начала XX в. возвели существующую ныне постройку. Её главные фасады были обращены на юг и запад. Там же и был вход, ныне переделанный в окно, поскольку к тому времени уже существовал особняк Ласковича (Нижне-Покровская, 19) (*рис. 9*). Она была угловой и была ориентирована и вдоль проезда к нему. Комнатки были небольшими и ориентированы по продольной оси здания. Строилось здание как небольшая еврейская школа с жильём для учителя. Судя по планировке учитель жил в северной части дома, а учебный класс располагался в южной наиболее освещённой. Фундамент дома был глубиной около 0,8 м от современной дневной поверхности и представлял собой булыжное заполнение траншей уложенными на сухо камнями. Эта кладка выступала за пределы стен изнутри здания на 10—15 см. Стены здания были довольно тонкими толщиной около 0,55 м (два кирпича). При этом кирпич был разноформатный от разборки более древних построек. На многих экземплярах имелся нагар. Прямоугольные проёмы окон перерыавли клинчаиые перемычки толщиной в киирпич. Первоначально фасады здания не были оштукатурены и швы имели округлую разделку. На главном южном фасаде под карнизом была выкладка «сухариками» ныне срубленные.

Подобное по архитектуре и первоначальному назначению зданние сохранилось против Бани № 2. (*рис. 10*) Оно так же вытянуто вглубь квартала и имеет схожий рисунок фасада.

Выводы. Исследование показало, что существующее ныне здание не было целенаправлено посажено на застройку отмеченную на планах Полоцка конца XVIII — начала XIX вв. Ко времени её возведения от неё не сохранилось и следа. Исключение омг составлять только бугорок на месте печи.

Рис. 9. Здание на ул. Нижне-Покровской

Рис. 10. Здание на ул. Ленина

Что касается внешнего убранства самой печи, то можно констатитровать, что она была полихромной и первоначально изразцы имели блестящее глазурованное покрытие. Низ сооружения, где имелась топка, был обложен стеновыми зелёными изразацми с медальоном в венке. Изразцовый панцырь печи опирался на ряд полукруглых гладких карнизов.

Верх (надставка) печи состояла из коричнево глазурованных и молочно белых изразцов. Затёки разплавленной при пожаре глазури на стеновых и карнизных изразцах говорили о том, что с верху и с низу надставку завершали плавно изогнутые карнизы покрытые молочно-белой эмалью. Стеновые изразцы покрывала коричневая глазурь. Двухцветными были угловые изделия, составленные из белой балясинки в нише и половины стеновой пластины. Низ балясины завершали профилированная база, верх — капитель. Подобные изразцы хорошо известны в материалах коллегиума. Завершался верх печи рядом коричневоглазурованных коронок, расположенных по краюе карнизаа. Ппри этом найденные обломки говорят о том, что это были ассимметричные изделияс верхушками в виде ягод и трёхлистников. Цетральная часть свода надставки завершалась глушевидным куполком, аналоги которому есть в материалах коллегиума. овзможно изразцовое покрытие имел весь свод печи и его изразцы были свообразным постаментом для куполка.

Полученные наблюдения, как и очертания здания на планах Полоцка XVIII—XIX вв. позволяют сделать некоторые выводы о внутренней планировке дома, в которой располагалась обнаруженная нами печь. Сразу надо отметить что это была полностью деревянное здание. Отаплиавлась только его северная часть. Найденная керамика имела ангобную роспись, характерную для XVII — первой пол. XVIII вв. таким образом, здание было построено в первой половине в конце XVII — начале XVIII вв. Главный фасад постройки, которой принадлежала найденная нами печь, был ориентирован

на ул. Великую, «красная линия на данном участке этой улицы практически не менялась на протяжении нескольких столетий. Об этом говорит расположение фасада дома № 25, построенного на остатках здания XVIII в. Таким образом, расположение фасадов дома начала XX в и постройки XVIII в. полностью совпадают. От южного фасада до печи было расстояние около 8,0 м.

Изразцовый материал свидетельствует, что дом погиб во время сильнейшего пожара, причиной которого могли стать один из пожаров второй трети XVIII в. Лицевая поверхность многих изразцов при пожаре сильно обгорела. Этот касалось полихромной надставки — верхней части печи, собранной из коричневых глазурованных изразцов с молочно белыми балясинками и карнизами. От удара балки печь обрушилась, но температура при пожаре оказалась такой сильной, что обломки некоторых разбившихся изразцов деформировались. Это выявилось при склейке. После этого все уцелевшие материалы изразцы, кирпичи и камни были старательно выбраны.

В середине столетия на месте сгоревшего строится новый дом, очертания которого более характерны для частных деревянных домов возводимых до 60—70-гг XX в. по традициннными технологиям. После гибели этой постройки строится существующщее ныне здание еврейской школы. Позже (в послевоенное время) часть окон западного и северного фасада были заложены или прорублены на новых местах. Новый вход и окна прорубили в восточной стене и тогда же сделали существующие ныне пристройки.

Список литературы и источников

1. Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. — Мн., 2001.
2. НИАБ, ф, 2523, оп, 1 ед. хр. 1. Маршруты кварталов и дворовых участков по городу Полоцку. 158 — 1859 гг.
3. Дук Д. У. Полацк XVI—XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. — Наваполацк, 2007.
4. Соловьёв А. А., 2012 в. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581—1914): Архитектурно-археологический очерк. Полоцк.
5. Соловьёв А. А. изразцы и печи полоцкого коллегиуима (конец XVI — первая треть XIX в.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. — Полоцк: Полоцк. Кн. Изд-во, 2013. — 95 с.: ил., VIII с. цв. ил.
6. Соловьёв А. А. Усадебный комплекс «Домик Петра Первого I» в городе Полоцке: история владельцы легенды. — Полоцк, 2015. — 123 с.: ил.
7. РГАВМФ, ф, 3л., оп 37, д. 11065, л. 1, план 1786 г.

Ю. У. Студзенікіна

ДА ПЫТАННЯ АБ ВЫНІКАХ ПАЎСТАННЯ 1863—1864 ГГ. НА ПОЛАЧЧЫНЕ

Паўстанне 1863—1864 гг. стала трэцім антырасійскім паўстаннем з часоў знаходжання беларускіх земляў у складзе Расійскай імперыі. Да 150-годдзя гэтай падзеі на сайце Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі была размешчана спецыяльная выстаўка «Паўстанне 1863—1864 гг. у дакументах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі», у адкрытым доступе з'явіліся цікавыя, раней не вывучаныя дакументы. З нагоды юбілею ў друк выйшла манаграфія А. Э. Фірыновіч «Паўстанне 1863—1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў», у якой былі прааналізаваны шматлікія архіўныя матэрыялы. На жаль, да нядаўняга часу ступень удзелу ў паўстанні палачан і жыхароў Полацкага павета была мала даследавана. На сённяшні час грунтоўная праца зроблена С. Я. Глазырыным, які ў сваіх работах асвяціў падзеі паўстання на тэрыторыі Полаччыны і дзейнасць полацкай рэвалюцыйнай арганізацыі. Нягледзячы на невысокую масавую актыўнасць палачан у паўстанні 1863—1864 гг., яго вынікі насілі агульны характар, былі скіраваны супраць непасрэдных удзельнікаў, а таксама супраць асоб, якія спачувалі паўстанцам. Рэакцыя царскіх уладаў пасля падаўлення паўстання на тэрыторыі Полаччыны стала чаканай і не адрознівалася ад аналагічных мерапрыемстваў на тэрыторыі іншых губерняў. У дадзеным даследаванні ставілася мэта высветліць, якімі былі дзеянні царскіх уладаў пасля падаўлення паўстання 1863—1864 гг., якімі сталі вынікі ўдзелу ў паўстанні жыхароў г. Полацка і Полацкага павета, як адбіліся наступствы паўстання на жыцці мясцовага насельніцтва.

З прычыны таго, што абсалютная большасць удзельнікаў паўстання адносілася да рымска-каталіцкага веравызнання, адным з першых пасля падаўлення выступленняў пацярпеў каталіцкі касцёл. На ўздыме нацыянальна-вызваленчага руху задачай касцёла была прапаганда патрыятычных ідэй сярод рымска-каталіцкіх вернікаў, святары выступілі ідэйнымі натхняльнікамі для мясцовага насельніцтва. Падчас фарміравання рэвалюцыйнай сітуацыі на Полаччыне (кастрычнік 1861 — люты 1862 г.) ідэалагічным цэнтрам патрыятычнага руху ў Полацку стаў Дамініканскі касцёл. Праяўляючы салідарнасць з жыхарамі Польшчы, мясцовае насельніцтва з'яўлялася на вуліцах горада ў польскім нацыянальным адзенні, з рэвалюцыйнай сімволікай, з жалобнымі плярэзамі. Палачане ўдзельнічалі ў па-

трыятычных маніфестацыях і шэсцях. У касцёле, пры яго настаяцелі Андрэі Піятроўскім (Пиотровском), спяваліся рэвалюцыйныя гімны, ля мошчаў каталіцкага святога Андрэя Баболі быў зладжаны шэраг жалобных літургій. У Полацкім павеце моцным ідэалагічным цэнтрам паўстання стаў Гарбачэва-Абітокскі касцёл. Святары Аўгуст Лапо і Антон Кавецкі падчас набажэнстваў заклікалі не падпарадкоўвацца мясцовай царскай адміністрацыі і падтрымліваць паўстанцаў [1, с. 379—382].

Ужо восенню 1863 г. па загаду начальніка Віцебскай губерні генерала М. Мураўёва як у Дамініканскім, так і ў іншых кляштарах адбыліся пільныя вобыскі. Нарэшце, полацкі Дамініканскі кляштар быў зачынены (1865 г.), а касцёл пры ім у гонар Божай маці, пабудаваны яшчэ ў 1672 г., быў пераўтвораны ў парафіяльны [17, с. 179]. Настаяцель полацкага Дамініканскага кляштара Андрэй Піятроўскі быў абвінавачаны ва ўзнікненні паміж каталікамі «духа метежа и враждебных чувств к правительству» і заключаны пад арышт у Дынабургскую крэпасць. У супрацьпраўных дзеяннях быў абвінавачаны ксёндз дамініканскага кляштара Людвіг Пагоскі, які быў прызнаны «совершенно неблагонадёжным», а яго дзеянні — «вредными для общественного спокойствия» [18, л. 10, 10 адв.]. Маёмасці былі пазбаўлены святары Гарбачэўскага касцёла Антон Кавецкі і Аўгусцін Лапо [8, л. 440 адв.].

У наступныя гады па павету праводзіўся пільны нагляд за дзейнасцю каталіцкіх святароў і за зместам іх пропаведзяў, старанна ахоўваліся інтарэсы праваслаўных вернікаў. Прадугледжваліся штрафы святарам каталіцкіх епархій за спраўленне духоўных патрэбаў праваслаўным вернікам, за хрышчэнне немаўлят з праваслаўных сем'яў па лацінскаму абраду [9, л. 1—19]. У сваю чаргу, вернікі, якія перайшлі ў праваслаўе, маглі разлічваць на грашовую дапамогу. Пры хрышчэнні па ўсходняму абраду пры Полацкай духоўнай кансісторыі яўрэйскі мешчанін Мордух Хацкевіч атрымаў імя Іаан і дапамогу ў памеры 20 руб. [11, л. 8].

Прааналізаваўшы колькасць вернікаў каталіцкай і праваслаўнай канфесій на Полаччыне пасля падаўлення паўстання, можна заўважыць, што найбольш актыўны пераход з каталіцтва да праваслаўя адбыўся ў 1864 г. Аналагічная тэндэнцыя была заўважана ў першае паўгоддзе 1866 г. (*табл. 1*).

Табліца 1. Аб колькасці насельніцтва, якое змяніла лацінства на праваслаўе з 1863 г. па 1 жніўня 1866 г. (Полацкі павет)

	мужчыны	*жанчыны*	*усяго*
1863 г.	5	11	16
1864 г.	34	22	56
1865 г.	16	20	36
1866 г. (студзень—ліпень)	16	8	24
Усяго	71	61	13

[10, л. 26.]

Адпаведна, назіралася паступовае павелічэнне агульнай колькасці праваслаўных гараджан (*табл. 2, 3*). А вось колькасць гарадскога насельніцтва каталіцкага веравызнання рэзка знізілася — болей чым у 3 разы. Гэтага нельга сказаць пра павет, тут канфесійная сітуацыя была іншай. Колькасць павятовага насельніцтва каталіцкага веравызнання крыху павялічылася, а праваслаўнага — нязначна паменшылася (*табл. 2, 3*).

Табліца 2. Колькасць жыхароў па веравызнанням (1863 г.)

Веравызнанні		*г. Полацк*		*Полацкі павет*	
		мужч.	*жанч.*	*мужч.*	*жанч.*
1.	Праваслаўнага	1861	1296	24972	24706
2.	Адзінаверцаў	186	202	211	228
3.	Раскольнікаў розных сект	41	39	1019	1102
4.	Рымска—каталіцкага	1739	1692	2555	2534
5.	Пратэстанскага	65	77	—	—
6.	Яўрэйскага	3963	3917	237	843
Усяго		7855	7223	28994	29413

[16, с. 202]

Табліца 3. Колькасць жыхароў па веравызнанням (1865 г.)

Веравызнанні		*г. Полацк*		*Полацкі павет*	
		мужч.	*жанч.*	*мужч.*	*жанч.*
1.	Праваслаўнага	3239	1480	24483	25324
2.	Адзінаверцаў	141	165	64	85
3.	Раскольнікаў розных сект	55	48	1795	1728
4.	Рымска-каталіцкага	479	503	2735	3016
5.	Пратэстанскага	80	109	41	44
6.	Яўрэйскага	3724	3789	940	1029
Усяго		7718	6094	30058	31226

[15, с. 292]

Асноўнай рухаючай сілай паўстання 1863—1864 гг. стала дробная і сярэдняя шляхта, студэнцкая моладзь каталіцкага веравызнання. Першапачаткова рэвалюцыйная арганізацыя ў Полацку, якая стала складвацца летам 1862 г., існавала ў форме таямнічых сходаў ці «сеймікаў». Яны праходзілі ў дамах мясцовай каталіцкай эліты: у прадвадзіцеля полацкага дваранства Эдуарда Рэута (Реутт), ксяндза Андрэя Піятроўскага, гараднічага Лукашэвіча, суддзі Сумарока, аптэкара Бухартоўскага. На пачатак сакавіка 1863 г. полацкая павятовая арганізацыя налічвала ўжо 40 чалавек. Найбольш актыўнымі яе членамі былі Іван Другавіна, Аляксандр Моль (Молль), Артур Рашкоўскі, Мечыслаў Цяпінскі, Аляксандр Зяленскі, Іосіф Шульц, Адам Чашніцкі, Антон Корсак [2]. Полацкі камітэт збіраў грошы на патрэбы паўстання, нарыхтоўваў правіянт і зброю. Канчатковай мэтай дзейнасці камітэта было стварэнне баявых паўстанскіх атрадаў. Адначасова ішла прапаганда сярод навучэнцаў і выкладчыкаў Полацкага кадэцкага корпуса, якой займаліся члены камітэта Станіслаў Бахаловіч і полацкі памешчык Іван Другавіна. Некоторыя прадстаўнікі афіцэрскага саставу былі нават заўважаны на таямнічых сходах. Аднак спроба антыўрадавай агітацыі ў корпусе аказалася няўдалай. У сваёй большасці навучэнцы корпуса і выкладчыкі, якія знаходзіліся на службе, былі закліканы абараняць інтарэсы дзеючай улады, і таму сярод іх не знайшлося актыўных прыхільнікаў паўстання. У лютым 1863 г. кадэт Полацкага кадэцкага корпуса фон Корф, якога Другавіна і Бахаловіч запрасілі да сабе на кватэру і пазнаёмілі з забароненай літаратурай, угаворвалі прыняць удзел у паўстанні («возмущении») з прыцягненнем да прысягі яшчэ 50 кадэт, не згадзіўся на прапанову. У адказ тыя, пагражаючы смерцю, узялі з Корфа слова пакінуць размову ў тайне і прымусілі яго з'есці «возмутительную прокла-

мацию». У далейшым кадэт фон Корф расказаў аб усім дырэктару Полацкага кадэцкага корпуса генералу Паўлоўскаму, а той, у сваю чаргу, данёс полацкаму паліцмайстру. Пасля здрады кадэта фон Корфа полацкая рэвалюцыйная арганізацыя была выкрыта, а ў пачатку сакавіка была арыштавана большая частка яе членаў [13, л. 6—7 адв.]. Толькі некаторым удалося пазбегнуць арышту і далучыцца да баявога атрада пад кіраўніцтвам Кульчыцкага. Атрад прыняў бой з войскам 24.04.1863 г. на мяжы Себежкага і Дрысенскага паветаў. Планы захопу Полацка былі сарваны царскімі войскамі. У гэты час на тэрыторыі Полаччыны і сумежных тэрыторый дзейнічалі Гарбачэўскі, Заскарскі, Юхнавіцкі і Бяздзедавіцкі ўзброеныя паўстанцкія атрады з колькасцю ад 10 да 120 чалавек. У маі 1863 г. паўстанцы былі разбіты пры спробе перайсці тэрыторыю Інфлянскага ваяводства [2]. Такім чынам, ваенныя дзеянні ў Полацкім павеце скончыліся. Арыштаваны памешчык Другавіна пры першым допыце шчыра прызнаўся ў распаўсюджанні ідэй паўстання, аб'явіўшы, што ён звязаны прысягай Рэвалюцыйнаму камітэту ў складзе Бахаловіча, Піятроўскага, Корсака. У ходзе следства высветлілася, што падсудныя дваране Станіслаў Ісідоравіч Бахаловіч, Іосіф Юліанавіч Піятроўскі, Антон Вікенцьевіч Корсак і Адольф Восіпавіч Кулак (Куллак), будучы студэнтамі, не скончылі курса і прыбылі ў пачатку 1863 г. на радзіму на падставе хваробы. Мэтай прыезду ў павет стала прыцягненне моладзі да паўстання («метяжа»), удзел у рэвалюцыйнай арганізацыі. Вышэй узгаданыя асобы разам з іншымі ўдзельнікамі былі арыштаваныя мясцовымі сялянамі і на допытах не выказалі раскаяння.

За дачыненне да падзеяў паўстання члены полацкай рэвалюцыйнай арганізацыі Бахаловіч, Корсак, Піятроўскі, Кулак былі асуджаны ў сакавіку 1863 г. Часовым палявым Аўдытарыятам. Яны былі прызнаныя віноўнымі ў асабістым удзеле ў паўстанні, знаходжанні ў «мятежнической шайке», а Бахаловіч да таго ж — у «покушении на возмущение кадет Полоцкого Кадетского корпуса», і былі далучаны да II катэгорыі злачынцаў, пазбаўлены дваранскай годнасці і ўсіх правоў маёмасці, сасланы на катаржную працу. Бахаловіч, як найбольшы актыўны, адпраўлены на працу ў крэпасцях на 10 год, Корсак, Піятроўскі і Кулак — на катаржную працу на заводах на 6 год кожны. Маёмасць, якая мелася ва ўласнасці кожнага ці магла з часам перайсці ім ад бацькоў па спадчыне, была канфіскаваная ў казну. Прыгавор быў вынесены ў прысутнасці Камісіі Ваеннага суда пры Віцебскім батальёне ўнутранай аховы. Асуджаныя для далейшай ссылкі былі накіраваны ў Табольскі прыказ і забяспечаны па 1 руб. 90 кап., усяго на 19 дзён. У архіўных дакументах указваецца ўзрост падсудных (ад 19 да 23 год), адукацыя (Корсак выхоўваўся ў Санкт-Пецярбургскім універсітэце, астатнія — у

Санкт-Пецярбургскай медыка-хірургічнай акадэміі), веравызнанне, знешні выгляд, падрабязна апісваюцца іх рост і знешнія дадзеныя [13, л. 1—21].

Да спробаў рэвалюцыйнай агітацыі прыраўноўваліся ўсякія падазроныя размовы насельніцтва. У якасці пакарання прадугледжвалася высылка віноўных у аддаленыя губерні Расійскай імперыі [3, с. 536]. Царскі ўрад лічыў неабходным «водворять переселенцев отдельными от государственных крестьян селениями, как для удобнейшего за ними наблюдения, так и для того, чтобы оградить туземное население от вредного влияния раздраженных против правительства пришельцев». Памешчык Полацкага павета Фердынант Сакалоўскі падчас гутаркі з кадэтам Полацкага кадэцкага корпуса Каснавіцкім выказаўся супраць дзеючых улад, якія ўшчамляюць у правах дваранства. Пасля размовы Сакалоўскі быў прызнаны віноўным у распаўсюджанні паміж навучэнцамі Полацкага кадэцкага корпуса палітычных ідэй з намерам уцягнуць іх у антыўрадавыя дзеянні і адпраўлены на жыхарства ў адзін з аддаленных паветаў Пермскай губерні [19, л. 1—12]. У спісе землеўладальнікаў Віцебскай губерні, сасланых на катаржную працу, лічыцца жыхар Полацкага павета Матвей Буткевіч, высланы з краю па прычыне палітычнай нядобранадзейнасці [20, л. 260].

Да судовай адказнасці прыцягваліся і тыя, хто дапамагаў паўстанцам зброяй. У 1865 г. Часовым палявым Аўдытарыятам разглядалася ваенна-судовая справа аб Фадзеі Келішэ, які займаў пасаду «столоначальника» Полацкага павятовага паліцэйскага ўпраўлення. За перадачу 2-х стрэльбаў віцебскаму двараніну Якушкоўскаму з мэтай атрымаць узнагароду Келіш быў прыцягнуты да адміністрацыйнага спагнання і пакінуты пад арыштам у турэмным замку г. Віцебска на 1 месяц [20, л. 9—12].

Пад падазрэнне траплялі і прадстаўніцы слабага полу. Полацкім павятовым спраўнікам у 1863 г. было зроблена дазнанне аб «противозаконных толках» памешчыцы Марыі Пятроўны Свіршчэўскай (Свирщевской). Па даносу сялянак Ганны Сямёнавай і Яўгеніі Нікіфаравай адбыўся вобыск асабістых рэчаў з мэтай знаходжання забароненай літаратуры [4, л. 1 адв. — 2].

У Полацкім павеце ў 1863 г. на другім тыдні Вялікага паста быў узяты пад арышт 19-гадовы ўраджэнец Полацкага павета, рымска-каталіцкага веравызнання Антон Крупінскі. Падазраваемы ва ўдзеле ў паўстанні, быў адасланы ў г. Варшаву, потым у г. Уладзімір, дзе Ваенна-судовай камісіяй быў асуджаны. Разам з астатнімі, у колькасці 40 чалавек, быў накіраваны ў арыштанскія роты ў г. Кастраму, аднак не даехаўшы да канчатковага пункту, Крупінскі збег і вярнуўся ў Полацкі павет, дзе і быў затрыманы [6, л. 1, 1 адв.].

Калі хворы Крупінскі знаходзіўся пад арыштам у Полацку, дапамагала і наведвала яго ў бальніцы памешчыца Полацкага павета Мадэста Глазко.

Падчас адпраўлення арыштанта Крупінскага ў г. Вільна сярод ягоных рэчаў былі знойдзены грошы (3 руб.), прадметы адзення і паперы, якіх у яго раней не было. Высветлілася, што гэтыя рэчы яму перадала Мадэста Глазко. Глазко была затрымана і абвінавачана ў спачуванні ідэям паўстання і асобам, якія ў ім удзельнічалі. Пасля вобыску асабістай маёмасці памешчыцы доказамі супраць яе сталі перапіска з ксяндзом Мокржыцкім, які лічыўся дзяржаўным злачынцам, а таксама захоўванне 3-х брашур, напісанных ксяндзом, і гімна патрыятычнага зместу. Падчас следства (1864 г.) Мадэста Глазко была прызнана віноўнай у захоўванні «сочинений возмутительного содержания» і выказванні спачування «политическим преступникам», над ёю быў усталяваны паліцэйскі нагляд і спагнана 100 руб. штрафу на карысць асоб, якія пацярпелі ад мяцяжа. Пазней надзор быў літасціва зняты па прычыне пераезду Глазко да сваякоў, якія валодалі маёмасцю па-за межамі Полацкага павета [6, л. 9, 16—17, 22, 27—28].

За ўкрывальніцтва мяцежнікаў і за саўдзел ў мяцяжы ў 1864 г. былі асуджаны памешчыкі Полацкага павета Антон Іванавіч Лакіс і яго 17-гадовы сын Мікалай, абодва дваране, рымска-каталіцкага веравызнання. Яны абвінавачваліся ў тым, што ў маі 1863 г. у лесе каля ўласнага маёнтка Мурагі некаторы час укрывалі паўстанцаў, у ліку якіх былі іх сваякі дваране Вікенцій і Аляксандр Альшэўскія. Вікенцій Альшэўскі быў заўважаны ў доме падсудных. Прыслуга Лакісаў дастаўляла ў лес для мяцежнікаў харчаванне. Мікалай Лакіс наведваў іх у лесе, асабіста дапамагаў Аляксандру Альшэўскаму. Нягледзячы на тое, што падсудныя сувязь з паўстанцамі адмаўлялі, яны былі прызнаныя віноўнымі. Маёнтак Мурагі быў пакінуты пад секвестрам і падвергнуты падзелу. Маёмасць Мікалая падлегла канфіскацыі (1864 г.), сам быў высланы з края на пастаяннае месца жыхарства ў Томскую губерню пад пільным наглядам паліцыі, яго бацька Антон — на катаржную працу. У стацейным спісе для Табольскага прыказа захавалася апісанне знешняга выгляду ссыльных [12, л. 2—11].

Маёнткі шляхцічаў, удзельнікаў паўстання, канфіскоўвалі ў казну і на льготных умовах прадаваліся выхадцам з цэнтральных губерняў. Дзейнасць дваранскіх сходаў — саслоўных выбарных органаў — была прыпынена. Дваранству забаранялася збірацца разам па некалькі чалавек, нават на сямейныя ўрачыстасці, без асобага дазволу мясцовых уладаў. Дзейнічалі штрафы і кантрыбуцыйныя зборы, якія спачатку накладваліся бескантрольна і ператварыліся ў крыніцу дадатковых даходаў мясцовых уладаў, а з 1866 г. накладваліся толькі са згоды губернатара. У вопісе маёнткаў Полацкага павета, якія былі падвергнуты секвестру, лічыцца 20 прозвішчаў уладальнікаў (*табл. 4*).

Табліца 4. Ведамасць аб маёнтках, падвергнутых секвестру (Полацкі павет)

	Маёнтак	*Уладальнік*	*Заўвагі*
1.	Замшаны	Траян Глазко	—
2.	Сакалішча	Канстанцін Вікенцьеў	—
3.	Сняткава	Казімір Станіслававіч Кляпацкі	—
4.	Чарапеты	Адстаўны інжынер Капітан Антон Аўгусцінавіч Глазко, жонка Юлія Адамаўна Глазко	Паліцыя па патрабаванні адміністратара секвесціраваных маёнткаў выганяе жонку і 4-х малалетніх дзяцей, некаторыя з якіх хворыя, з маёнтка, застаюцца без прытулку
5.	Бедржыца	Фартунат Іосіфавіч Корсак	—
6.	Дручаны	Яўгеній Рашкоўскі	—
7.	Мурагі	Мікалай і Антон Лакісы	Маёнтак Мурагі падвергнуты падзелу. Маёмасць Мікалая падлягае канфіскацыі
8.	Урынапаль, Пагост	Канстанцін Вейтко	Ва ўладанні разам з 2-ма сунаследнікамі, адбываецца падзел. Сасланы на катаржную працу на заводах на 6 год
9.	—	Алаіза і Феліцыян Рэуты	—
10	—	Кавецкі	—
11.	—	Іосіф і Варвара Лапо	—
12.	—	Пятроўская	—
13.	—	Абрампольскія	—
14.	—	Сасноўскія	—
15.	—	Залескі	—
16.	—	Баршчэўская	—
17.	—	Бахаловічы	—
18.	Ігольніца	Андрэй і Іосіф Шульцы	—

19.	Шэвіна, Дударава, 60 вёрст ад г. Полацка	Хрысціна Чайкоўская, жонка памешчыка Актавія Чайкоўскага	—
20.	Парэчча, у 65 вярстах ад г. Полацка	Аляксандр Моль	—

[8, л. 2—97], [20, л. 269]

У спецыяльна складзеных вопісах секвесціраваных маёнткаў падаваліся падрабязныя звесткі аб гаспадарцы, колькасці жывёлы, харчовых запасах [8, л. 229].

Пазней некаторыя маёнткі былі вызвалены ад секвестру са спагнаннем у дзяржаўную казну грашовага збору. Адной з прычын магла стаць сацыяльная незабяспечанасць і адсутнасць сродкаў да існавання. Так, дваранка Міхаліна Восіпаўна Абрампальская пасля высылкі ў 1864 г. мужа Фелікса Абрампальскага на жыхарства ўглыб Расіі дабілася зняцця секвестра з уласных маёнткаў Бяздзедавічы і Рудня з прычыны выхавання 3 малалетніх дачок [20, л. 174—175]. У Полацкім павеце ад секвестру былі вызвалены маёнткі 14 асоб (*табл. 5*).

Табліца 5. Спіс асобаў Полацкага павета, маёнткі якіх вызвалены ад секвестра

	Уладальнік	*Маёнтак*	*Заўвагі*
1.	Антон Лявонцьевіч Заржэцкі, памешчык	Маёнтак Гараўцы	Вызвалены ад секвестра са спагнаннем 20% збору (9 руб)
2.	Яўгеній Станіслававіч Кляпацкі, памешчык	Маёнтак Сестрынкі	Вызвалены ад секвестра са спагнаннем 20% збору (223 руб)
3.	Аляксандр Міхайлавіч Непакайчыцкі, дваранін	Частка зямлі ў маёнтку Рылі	Вызвалены ад секвестра са спагнаннем 20% збору (82 руб. 25 кап)
4.	Фелікс Пятровіч Абрампальскі, памешчык	Маёнтак Рудня	Вызвалены ад секвестра са спагнаннем 30% з даходу
5.	Ізабэла Пятроўская, дваранка	Дом у г. Полацку	Зняць з секвестра са спагнаннем узмоцненага 10% збору з дахода

6.	Іосіф Аркадзьевіч Рашкоўскі, памешчык	Частка маёнтку Дручана	Вызначана для канфіскацыі ў казну
7.	Станіслаў Сідаравіч Бахаловіч, памешчык	За бацькамі лічыцца маёнтак Дзмітрава	Частка, якая належыць канфіскацыі ў казну, знаходзіцца ў распараджэнні сунаследніцы Тэафілы-Гертруды Бахаловіч
8.	Алаізій Паўлавіч Рэут, памешчык	Маёнтак Кабачак	Знаходзіцца ў непадзельным уладанні з бацькамі. Канфіскацыя часткі маёнтка
9.	Адам Леапольдавіч Рэут, памешчык	Маёнтак Прасмушкі	Знаходзіцца ў непадзельным уладанні з сёстрамі, канфіскацыя часткі маёнтка
10.	Аляксандр Бернардавіч Лакіс, памешчык	Маёнтак Страшнае або Міхалова	—
11.	Станіслаў Улінскі, памешчык	Маёнтак Белае	Належыць канфірмацыі
12.	Іван Станіслававіч Анушкоўскі, дваранін	Частка зямлі Скорбіна	—
13.	Эдуард Антонавіч Рэут, памешчык	Маёнткі Лаважы, Андрэева	—
14.	Пётр Абрампальскі	Маёнткі Бяздзедавічы, Рудня	—

[20, л. 45—47 адв., л. 151, 191, 194]

Асабліва небяспечныя палітычныя злачынцы былі пазбаўлены правоў маёмасці назаўсёды, маёнткі былі канфіскаваны. Да ліку такіх адносіліся дваране Полацкага павета Мікалай Лакіс і Міхаіл Пачынскі, Раткоўскі (маёнтак Дручаны), Адам Рэут (маёнткі Марцінава, Шапчына, Чарэсава, Прасмушкі), ксяндзы м. Гарбачэва Полацкага павета Антон Кавецкі і Аўгусцін Лапо [7, л. 8], [8, л. 440 адв.], [21, л. 39 адв].

У спісе высланых у аддаленыя губерні Расійскай імперыі землеўладальнікаў Полацкага павета, маёнткі якіх на падставе ўказа 10.12.1865 г. падлягалі абавязковаму продажу, значыцца яшчэ 20 прозвішчаў (*табл. 6*).

Табліца 6. Спіс высланых землеўласнікаў Полацкага павета, маёнткі якіх падлягаюць абавязковаму продажу (10.12.1865 г.).

	Асоба	*Месца ссылкі*
1.	Антон Лакіс	Кастрамская губ.
2.	Вікенцій Шадурскі	Казанская губ.
3.	Яўгеній Кляпацкі	Кастрамская губ.
4.	Фама Рэут	Аланецкая губ.
5.	Эдуард Рэут	Арэнбургская губ.
6.	Фердынанд Сакалоўскі	Пермская губ.
7.	Станіслаў Улінскі	Казанская губ.
8.	Антон Зарлісцкі	Арэнбургская губ.
9.	Аляксандр Непакайніцкі	Аланецкая губ.
10.	Фелікс Абрампольскі	Пермская губ.
11.	Антон Корсак	Вяцкая губ.
12.	Антон Сумарок	Пермская губ.
13.	Казімір Пранеўскі	Варонежская губ.
14.	Жазафіна Рыцк	Арэнбургская губ.
15.	Міхаіл Рыцк	Енісейская губ.
16.	Франц Вісконт	Казанская губ.
17.	Багуміл Вісконт	Казанская губ.
18.	Усцін Шанцер (Шантер)	Пермская губ.
19.	Аляксандр Лакіс	не ўказана
20.	Іосіф Рашкоўскі	не ўказана

[20, с. 309]

Удалечыні ад радзімы ссыльных чакала цяжкая фізічная праца ў складаных умовах, вынікам якой былі хваробы і, як следства, смерць. У першыя гады ссылкі на чужыне сваю смерць знайшлі Антон Корсак, Антоній Сумарок, Станіслаў Улінскі, Матвей Буткевіч, Усцін Шанцер; іх маёнткі перайшлі да сваякоў, якія былі не прыналежныя да «политических беспорядков» (*табл. 7*).

Табліца 7. Спіс маёнткаў, якія перайшлі ад высланых асобаў, па прычыне іх смерці, па спадчыне да асобаў, якія не належалі да «политических беспорядков» (10.12.1865 г.)

	Уладальнік	*Маёнтак*	*Спадчыннік*
1.	Корсак Антон Іосіфавіч	Бедрыцы	Фартунат Корсак
2.	Сумарок Антоній Пятровіч	Замшаны	жонка
3.	Улінскі Станіслаў	Белае	жонка і дзеці
4.	Буткевіч Матвей	Юсціанпаль	жонка і дзеці
5.	Шанцер Усцін	Стасьпаль	сястра

[20, л. 314]

Інакш склаўся лёс некаторых сельскіх жыхароў, якія нярэдка дзейнічалі побач з рэгулярнымі войскамі на супрацьлеглым ад паўстанцаў баку. Нягледзячы на шматлікія спробы, полацкаму павятоваму камітэту не ўдалося прыцягнуць мясцовых сялян да ўдзелу ў рэвалюцыйнай барацьбе. Для агітацыі ў сялянскім асяродку выкарыстоўваліся Маніфест Часовага ўраду ад 20.01.(01.02.) 1863 г., нумары газеты «Мужыцкая праўда», беларускамоўныя выданні «Гутарка двух суседаў» [2]. Каб схіліць на свой бок мясцовае сялянства, гарбачэўскае святарства падчас гаспадарчых работ у полі чытала сялянам пропаведзі аб адраджэнні Рэчы Паспалітай, аб здрадзе царскага ўрада, вучыла маліцца на польскай мове, прапаноўвала грошы за ўдзел у паўстанні [1]. Аднак большасць сялян засталася безудзельнымі. У сваю чаргу, каб адцягнуць сельскі сегмент ад паўстання, царскія ўлады дазволілі сялянам выкарыстоўваць агнястрэльную зброю супраць паўстанцаў і арганізоўваць сялянскія варты. У выніку сельскія жыхары сачылі за дзеяннямі ўдзельнікаў паўстання, збіралі інфармацыю, зладжвалі варту і асабіста затрымлівалі падазроных людзей і «мятежников» [5, л. 11]. Сяляне, якія прымалі найбольш актыўны ўдзел у падаўленні паўстання (на 1864 г. 27 чалавек па Віцебскай губерні) былі ўзнагароджаны срэбранымі медалямі з надпісам: «За усердие» для нашэння ў пятліцы на Аннінскай стужцы, 10 чалавек атрымалі грашовыя прэміі ў памеры 15 руб. срэбрам [5, л. 1]. У Полацкім павеце медаль атрымаў селянін Дзяменцій Кляменцьеў, узнагарода была асабіста ўскладзена Віцебскім генерал-губернатарам [5, л. 5].

Такім чынам, палачане падтрымалі ідэі паўстання 1863—1864 гг., аднак на Полаччыне яно не мела велізарных маштабаў. За ўдзел у паўстанні былі жорстка пакараны дваране, дробныя і буйныя землеўласнікі, прадстаўнікі каталіцкай царквы. Праяўленне антыўрадавых настрояў і духу салідарна-

сці, нязначная дапамога ці нават спачуванне паўстанцам фактычна разглядалася як дачыненне да паўстання. Найбольш актыўным прыхільнікам рэвалюцыйна-вызваленчай барацьбы было каталіцкае святарства. За ідэалагічную падтрымку паўстання полацкі Дамініканскі кляштар быў зачынены, а касцёл ператвораны ў парафіяльны. Настаяцель кляштара Андрэй Піятроўскі і ксёндз Людвіг Пагоскі былі арыштаваны. За актыўную агітацыю сярод сялянства Полацкага павета адбылася канфіскацыя маёмасці святароў Гарбачэўскага касцёла Антона Кавецкага і Аўгусціна Лапо.

За ўдзел у паўстанні дваранства падверглася рэпрэсіям, а менавіта, пазбаўлялася шляхецкай годнасці, адпраўлялася ў аддаленыя, неабжытыя куткі Расійскай імперыі (Пермская, Вяцкая, Енісейская, Аланецкая, Казанская губерні і інш.). Найбольш актыўныя барацьбіты за незалежнасць (знойдзена 5 прозвішчаў: Станіслаў Бахаловіч, Антон Корсак, Іосіф Піятроўскі, Адольф Кулак, Мікалай і Антон Лакісы) былі сасланы на катаргу. Згодна з вывучанымі крыніцамі, маёнткі 20-ці землеўладальнікаў былі падвергнуты секвестру, некаторым ўдалося атрымаць назад сваю маёмасць, але толькі пасля спагнання грашовага збору, часта — узмоцненнага. Спіс страціўшых сваю маёмасць пасля канфіскацыі ў дзяржаўную казну, па знойдзеных дакументах, складае каля 20-ці прозвішчаў. Паўстанне 1863—1864 гг. на Полаччыне было неаднародным па складзе удзельнікаў, адрознівалася малалікасцю, не ўсе пастаўленыя задачы былі выкананы, што прывяло да яго хуткага падаўлення рэгулярнымі войскамі. Распаўсюджванне рэвалюцыйных ідэй не мела поспеху ў асяроддзі Полацкага кадэцкага корпусу, большасць прадстаўнікоў якога выступіла за падтрымку царскага рэжыму. Таксама не мела выніку і антыўрадавая прапаганда сярод сялянства, якому не былі зразумелыя лозунгі паўстання.

Тэма, прысвечаная падзеям паўстання 1863—1864 гг. і яго наступствам, патрабуе далейшага вывучэння. Разгледжаныя і прадстаўленыя матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі могуць дапоўніць экспазіцыю Краязнаўчага музея, філіяла НПГКМЗ, і выкарыстоўвацца ў асвячэнні гісторыі Полаччыны дадзенага перыяду.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Глазырын, С. Я. Роля каталіцкага касцёла Віцебскай губерні ў паўстанні 1863 г. / С. Я. Глазырын // Материалы региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов «Наука — образованию, производству, экономике». — Витебск: УО «ВГУ им. Машерова», 2011. — с. 379—382.

2. Глазырын, С.Я. Падзеі паўстання 1863 г. у Полацку і Полацкім павеце / С. Я. Глазырын // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зборнік навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21—23 красав. 2011 г.; у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. — Наваполацк: ПДУ, 2011. — Ч. 2. — с. 39—43.

3. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. / пад рэд. М. М. Нікольскага. — Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1940. — Т. II (1772—1903). — 939 с.

4. Дело о дознании и противозаконных толках Свирщевской // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей — НГАБ). — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 31819.

5. Дело о награждении крестьян медалями за принятие участия в подавлении польского восстания // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 31663.

6. Дело о полоцкой помещице Модесте Гласко, обвиняемой в хранении прокламаций противоправительственного характера и за сочувствие к восстанию // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 31579.

7. Дело о помещиках Полоцкого уезда Иосифе Ротковском, Станиславе Бохаловиче и Алоизии и Адаме Реутах // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 3. — Спр. 13357. — Л. 8; Л. 440 адв.

8. Дело о секвестре имений помещиков за участие в польском восстании по Полоцкому уезду // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 3. — Спр. 13291. — Л. 229.

9. Дело о совращении ксендзом Юновичем из православной веры в латинство дворянина Василия Ильина Плавинского // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 32423.

10. Дело о числе присоединившихся к православию из латинства с 1863 по 1866 г. // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 32744.

11. Дело по отношению Полоцкой духовной консистории о переходе в православную веру еврея Ивана Николаевича Хацкевича и о выдаче ему свидетельства и пособия // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 2. — Спр. 13316.

12. Дело по предложению господина военного губернатора города Витебска и Витебского гражданского губернатора // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 4. — Спр. 11382.

13. Дело по предложению господина военного губернатора города Витебска и Витебского гражданского губернатора об исполнении конфирмации // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 4. — Спр. 11367.

14. Матвейчык, Дз. Канфірмацыя як спецыфічны від крыніцы па гісторыі паўстання 1863—1864 гг. (на падставе матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Дз. Матвейчык // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі / [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: http://niab.by/stat/matwejczyk_confirm. — Дата доступу: 16.02.2016.

15. Памятная книжка Витебской губерніи за 1867 годъ. Год четвертый. / под редакціею А. М. Сементовскаго. — Санкт-Петербургъ: Тіпография К. Вульфа, 1867.

16. Памятная книжка Витебской губерніи на 1863 годъ. / под редакціею А. М. Сементовскаго / издание Витебского губернского статистического комитета. — Витебск: Типография губернского правления, 1863.

17. Памятная книжка Витебской губерніи на 1866 годъ. Год третій. / под редакціею А. М. Сементовскаго / издание Витебского губернского статистического комитета. — Санкт-Петербургъ: Тіпография К. Вульфа, 1866.

18. Приказ виленского генерал-губернатора М.М. Муравьева витебскому губернатору о ссылке ксендза Полоцкого доминиканского монастыря Людвига Погосского. // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 3. — Спр. 31276.

19. Раппорт военного начальника о неблагонадёжности помещика Полоцкого уезда Фердинанта Соколовского // НГАБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 31847.

20. Список лиц Витебской губ., об освобождении имущества коих от секвестра последовало разрешение начальника края // НГАБ. — Фонд 1416. — Воп. 3. — Спр. 13374.

21. Список участников восстания, имущество которых подлежало конфискации в казну // НГАБ. — Фонд 162. — Воп. 1. — Спр. 16.

22. Фірыновіч, А. Э. Паўстанне 1863—1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў / А. Э. Фірыновіч. — Мінск: Беларус. навука, 2013. — 315 с.

В. А. Філімонава

ПАЛОНІКА XVIII СТ. У ФОНДАХ НПГКМЗ

Трэба адзначыць, што тэрмін «палоніка» ў беларускім і польскім кнігазнаўстве разумеецца па-рознаму, у прыватнасці, пытанні выклікае тэрытарыяльны прынцып. Польскія даследчыкі ўключаюць у склад палонікі ўсе выданні, што выходзілі ў свет на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. Мы ж гэтыя выданні лічым беларускай кнігай (незалежна ад мовы выдання), якая з'яўляецца аб'ектам уліку менавіта беларускай гістарыяграфіі. Адначасова палонікамі з'яўляюцца тыя з іх, што маюць дачыненне да Польшчы па моўнаму, аўтарскаму прынцыпам і па зместу. Мы, складаючы раздзел палонікі, уносілі ў яго выданні, друкаваныя на этнічных польскіх землях.

У калекцыі старадукаваных лаціна-польскіх выданняў XVI—XVIII стст. раздзел палонікі складае самую значную частку і налічвае 11 адзінак захоўвання.

У фондах НПГКМЗ маюцца два выданні, друкаваныя ў Варшаўскай езуіцкай друкарні. Першае з іх — «Jus Regni Poloniae…» («Права дзяржавы польскай…», том першы), выдадзена ў 1741 г. [11]. Аўтар кнігі — Мікалай Залашоўскі — польскі вучоны-юрыст XVII ст., каталіцкі святар, які ў розныя часы быў прафесарам Юрыдычнага Калегіума Акадэміі Кракаўскай, прафесарам і рэктарам Акадэміі Любаньскага ў Познані; выконваў абавязкі архідыякана Познаньскага. Быў вялікім знаўцам гісторыі царквы, рымскага і кананічнага права і з'яўляўся аўтарам некалькіх навуковых прац, такіх як «Пытанне аб неадчужальнасці царкоўнай маёмасці» і «Трактат аб ўладзе галавы епіскапскай кафедры». Самая вядомая праца М. Залашоўскага — юрыдычная энцыклапедыя ў 2-х тамах «Права дзяржавы польскай», надрукаваная ўпершыню ў друкарні Познаньскай езуіцкага калегіума ў 1699 і 1702 гг., якая ўяўляла сабою першую спробу ў РП параўнальнага аналізу судовага права [10]. У фондах НПГКМЗ захоўваецца варшаўскі перадрук познаньскага выдання. Ён быў ажыццёўлены па ініцыятыве Юзафа Анджэя Залускага, заснавальніка знакамітай бібліятэкі Залускіх. На друк гэтай кнігі езуіты атрымалі прывілей ад караля РП Аўгуста III [4, s 137]. Пазней, у 1743 г., там жа быў выдадзены другі том гэтай працы. Першы том ахопліваў права публічнае, другі том быў прысвечаны праву прыватнаму і карнаму.

Хутка пасля выхаду кніга набыла статус падручніка, які быў абавязковы на юрыдычным факультэце Акадэміі Кракаўскай і, верагодна, выкарыстоўваўся ў Акадэміі Любаньскага ў Познані. Цікава, што пасля ажыццяўлення перадруку кнігі ў Варшаве супраць яго Акадэміяй Кракаўскай быў пададзены ў Рым пратэст са скаргай на парушэнне аўтарскіх (?) правоў, бо падчас першага выдання (у Познані) Мікалай Залашоўскі з'яўляўся дзейсным прафесарам Кракаўскай Акадэміі. Тым не менш, скаргу пакінулі без адказу [8, s. 119—126].

Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, дэфектны, страчана 39 старонак асноўнага тэксту. Кніга друкаваная фарматам in folio, у адну калонку і адзін колер, на паперы ручнога адліву з вадзянымі знакамі «Збан», «Арол», «Літары». Кніга сціпла афармлена: застаўкі, ініцыялы, канцоўкі, паясы наборнага арнаменту.

На пярэднім форзацы маецца надпіс XX ст. на польскай мове, які сведчыць аб прыналежнасці кнігі Лучайскаму касцёлу, адкуль кніга была перададзена ў фонд запаведніка ў 1971 г.

Наступнае варшаўскае выданне са збораў запаведніка належыць пяру канцлера ВКЛ Яна Фрыдрыха Сапегі: «Adnotationes historicae de origine… ordinis equitum aquilae albae» («Гістарычныя нататкі аб паходжанні … Ордэна кавалераў Белага Арла») [1]. На тытуле пазначаны выхадныя звесткі:

«1730. Coloniae. Apud Adamum Cholinum» (1730. Кёльн. Праз Адама Холіна), аднак у рэчаіснасці кніга была выдадзена ў Варшаве ў друкарні езуіцкага калегіума, што пацвяджае і «Бібліяграфія польская» Караля Эстрэйхера. У гэтым жа годзе варшаўскімі езуітамі быў выдадзены пераклад гэтага твора на польскую мову з аналагічным аздабленнем [4, s. 136; 6, s. 91—92].

Кніга ўяўляе сабою падрабязнае апісанне вышэйшай узнагароды Рэчы Паспалітай — ордэна Белага Арла, заснаванага Аўгустам II у 1705 г., які ў сваю чаргу з'яўляўся ўзнаўленнем ордэна Беззаганнага Зачацця, уведзенага Уладзіславам IV у 1634 г. Нягледзячы на гэта, «славу і даўнасць» той узнагароды аўтар выводзіць з найдаўнейшай гісторыі Польшчы ад такіх постацей як легендарны Лех, Баляслаў Харобры, Пшэмысл II і Уладзіслаў Лакетак.

Над афармленнем кнігі працаваў гравёр Ян Сурмацкі. «Бібліяграфія польская» Караля Эстрэйхера ўтрымлівае пералік 11 гравюр, выкананых у тэхніцы медзярыту, якія павінны быць у кнізе [6, s. 91—92]. У нашым асобніку — 10 гравюр, сярод якіх выявы Леха, Пшэмысла I, Уладзіслава Лакетка, Уладзіслава IV, ордэна Белага Арла і зоркі да яго, сучаснага кавалера ордэна (верагодна, самога Яна Фрыдрыха Сапегі), прыкладаў ордэнаў іншых краін. Гравюра, якая паказвае ордэн Белага Арла на ланцугу, страчана. Акрамя гэтага прысутнічаюць шараговыя элементы афармлення: застаўкі, канцоўкі і ініцыялы, выкананыя ў тэхніцы гравюры на дрэве.

Выданне задумвалася як амбіцыйны праект, з вялікім размахам. Аб гэтым сведчыць і друк працы ў дзвюх мовах, і выдатнае мастацкае выкананне. Дэдыкацыя Аўгусту II, «уваскрасіцелю ордэна», мноства пахвал у адрас яго і яго сына кажа пра панегірычны характар выдання, а таксама гэта можа сведчыць пра тое, што сам кароль паўдзельнічаў у фінансаванні выдання. Акрамя таго, сам Сапега стаў кавалерам Ордэна ў 1726 г., кніга магла быць своеасаблівай ветлівай падзякай каралю, з якім адносіны ў аўтара не заўсёды складваліся добра [20].

Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, дэфектны: вокладка ў дрэнным стане, тытульны ліст і некаторыя гравюры адарваныя ад кніжнага блока. Кніга друкаваная фарматам in quarto, у адну калонку і адзін колер, на паперы ручнога адліву рознай якасці з вадзянымі знакамі «Мадонна», «Крыж», «Лебедзь».

Кніга была перададзена ў фонд НПГКМЗ з абменна-рэзервовага фонду Дзяржаўнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына ў 1990 г.

Адным з буйнейшых цэнтраў кнігавыдання ў Польшчы з'яўляўся Кракаў. З друкарні сям'і Цэзарых у Кракаве паходзіць кніга «Mistyczne Miasto Boskie … Historya Boska, y Żywot Przenayswiętszey Maryi Panny…» («Містычны горад Божы … Гісторыя Божая, а таксама Жыццяпіс Найсвяцейшай Марыі

Панны» за аўтарствам Марыі з Агрэды, іспанскай манахіні-францішканкі [16]. Марыя сцвярджала, што ёй з'яўлялася Божая Маці, якая раскрыла ёй таямніцы свайго жыцця і невядомыя факты, якія нельга знайсці ў Бібліі. Кніга «Містычны горад Божы» і з'яўляецца вынікам гэтых размоў. Па словах Марыі з Агрэды, кніга была надыктавана ёй непасрэдна Маці Божай [2]. Аўтарка падрабязна апісвае яе жыццё, а таксама справы і таямніцы Ісуса Хрыста, якія яна прыводзіць як своеасаблівае кіраўніцтва для духоўнага росту чытача, апісвае тыя добрыя якасці, якімі павінен валодаць чалавек для дасягнення святасці. Кніга была напісана ў сярэдзіне XVII ст. на іспанскай мове і пазней перакладзена на некалькі моў. На польскую пераклад ажыццявіў піяр Стэфан Станеўскі, і ўпершыню ён быў надрукаваны ў Кракаве, у друкарні Міхала Цэзарыя ў 1730 г.

Твор падзелены на 3 часткі і 8 кніг, кожная частка мае асобны тытульны ліст і змест, асобную пагінацыю старонак. Напрыканцы кнігі надрукаваны твор невядомага аўтара «Жыціе Марыі з Агрэды». Асобнік, што захоўваецца ў фондах — дэфектны, тут страчаны агульны для ўсіх частак тытульны ліст, тытул і змест першай часткі, дазвол на друк і прысвячэнне кнігі Еве Шэмбековай, уводзіны да «Жыцця Дзевы Марыі» — усяго 10 старонак. Кніга друкаваная фарматам in folio, у 2 калонкі і адзін колер, на паперы ручнога адліву добрай якасці з вадзянымі знакамі «літары» невядомага паходжання. Кніга багата ўпрыгожана застаўкамі, канцоўкамі, ініцыяламі, элементамі наборнага арнаменту, усяго 18 розных элементаў, друкаваных з драўляных дошак. Пераплёт з кардону, абцягнуты скурай, знаходзіцца ў дрэнным стане. Кніга паступіла ў фонды у 1971 г. з касцёла вёскі Лучай Пастаўскага раёна.

З друкарні Акадэміі Кракаўскай у 1788 г. выходзіць збор паэм на лацінскай мове аднаго з выкладчыкаў акадэміі Ігнацыя Вільчака «Ignatii Wilczek Carmina» [9]. У дадзеным зборы змешчана некалькі твораў: паэмы «Бог адзіны», «Прадбачанне божае», «Мудрасць божая і ўдзячнасць», «Мужнасць» і малы верш «Эпіграма, або зварот Хрыста да Чалавека і чалавека да Хрыста». Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, поўны, у добрым стане. Кніга друкаваная фарматам in octavo, у адну калонку і адзін колер, на паперы ручнога адліву з невыразнымі вадзянымі знакамі. Кніга афармлена вельмі сціпла: 2 застаўкі, 1 канцоўка (дрэварыт). Пераплёт рэстаўраваны, з паперы сіняга колеру, зроблены у канцы XIX ці пачатку XX ст. Кніга была перададзена ў фонд НПГКМЗ з абменна-рэзервовага фонду Дзяржаўнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына ў 1990 г.

Адной з прыватных друкарняў, што распачалі сваю дзейнасць у Кракаве ў апошняй трэці XVIII ст., была друкарня сям'і Грэбеляў. У фондах НПГКМЗ маецца адно выданне названай друкарні, а менавіта «Kazania

Niedzielne i Swiętalne» («Казанні нядзельныя і святочныя»), сабраныя айцом Юзафам Менцыньскім, ксяндзом правінцыі Малапольскай (Кракаў, друкарня Антонія Грэбеля, 1793). Праца друкавалася ў двух тамах, у фондах захоўваецца том 2. Усяго ў кнізе ўтрымліваецца 25 прамоў для чытання па нядзелях і святах на другую палову года [12].

Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, дэфектны, адсутнічае 6 старонак асноўнага тэксту. Кніга друкаваная фарматам in octavo, у адну калонку і адзін колер, на паперы ручнога адліву без вадзяных знакаў. Кніга афармлена сціпла: знойдзем тут застаўкі, канцоўкі, выкананыя ў тэхніцы гравюры на дрэве. Пераплёт кардонны, абклеены мармуровай паперай, карашок абцягнуты матэрыялам, імітуючым скуру, з блінтавым цісненнем. Кніга была закуплена ў прыватнай асобы ў 2000 г.

Познань і Каліш — гарады гістарычнай вобласці Вялікая Польшча, размешчаныя адносна недалёка адзін ад аднаго. І выдавецкія прадпрыемствы Ордэна езуітаў, што працавалі пры калегіумах у гэтых гарадах, стваралі пэўную канкурэнцыю адно аднаму. Яны дзейнічалі прыкладна ў адзін час (Калішская езуіцкая друкарня з 1636 г., Познаньская — з 1677 г.), мелі шмат агульных рыс як паміж сабой, так і з іншымі езуіцкімі выдавецкімі прадпрыемствамі [3, s. 98—134]. Што тычыцца кніг, друкаваных у азначаных друкарнях, што захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ, іх 2 адзінкі, абедзве яны адносяцца да XVIII ст. Першае з іх было надрукавана ў Калішы цягам 1735—39 гг. «Nowe Żywoty Świętych…» «Новыя жыцці святых…» Стэфана Велевейскага [17]. Асноўнай крыніцай для напісання жыцій стаў шматтомны звод манаха-картэзіянца Лаўрэнція Сурыя «Праўдзівыя казанні аб святых» (1575), самы поўны і аўтарытэтны ў лацінскай агіяграфіі XVI ст., які меў значны ўплыў на развіццё жыційнай літаратуры таго часу. Акрамя таго, Велявейскі карыстаўся працамі іншых вядомых аўтараў, такіх як Цэзар Бароній, Іаган Трытэмій, Жан Боланд і інш. [7, s. 466—468].

Праца мела сваёй мэтай дапаўненне надзвычай папулярнага ў той час у Рэчы Паспалітай збору за аўтарствам Пятра Скаргі «Жыціи святых са Старога і Новага Запавету», які быў створаны яшчэ ў 1577 г., таксама на аснове Сурыя, і да моманту выхаду працы Велевейскага вытрымаў больш за 10 перавыданняў. Збор Пятра Скаргі ўваходзіў у абавязковую праграму для навучання ў езуіцкіх навучальных установах і некаторых парафіяльных школах, ён чытаўся замест Бібліі падчас царкоўных службаў. І меркавалася, што праца Стэфана Велевейскага, як дапаўненне да Скаргі, мусіць стаць такой жа запатрабаванай, але вялікага распаўсюджання яна не атрымала. У поўным аб'ёме твор не перавыдаваўся ніколі, але аж да 1895 г. мелі месца адзінкавыя перадрукі асобных жыцій [7, s. 466—468].

Кніга ўтрымлівае жыцці святых, упарадкаваныя такім чынам, што на кожны дзень года прыпадае адно жыціе. Пачынаецца год 1 студзеня з жыція святога Фульгенцыя з Руспы і заканчваецца 31 снежня жыціем святога Барбацьяна Равенскага. Усяго 365 жыцій святых пераважна пачатковага перыяду хрысціянства, якія ўшаноўваюцца каталіцкай царквой.

Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, дэфектны, страчана 36 старонак асноўнага тэксту. Кніга друкаваная фарматам in folio, у дзве калонкі і адзін колер, за выключэннем агульнага тытульнага ліста, друкаванага ў два колеры. Для друку выкарыстоўвалася папера ручнога адліву без вадзяных знакаў.

Кніга сціпла афармлена: мы знойдзем тут у невялікай колькасці застаўкі, канцоўкі пераважна расліннага характару, паясы наборнага арнаменту, адзіны ініцыял «С»; усё выканана ў тэхніцы гравюры на дрэве.

На тытульным лісце кнігі маецца налепка з дрэнна чытэльным надпісам на лацінскай мове, зробленым чарнілам цёмна-карычневага колеру. Надпіс сведчыць аб тым, што кніга была падараваная пробашчу Лучайскага касцёла (прозвішча нечытэльнае) Адамам Ракоўскім з уласнага кнігазбору. Надпіс можна датаваць 1768 або 1769 г., бо вядома, што айцец Адам Ракоўскі, сябра Ордэна езуітаў, менавіта ў гэтыя гады знаходзіўся ў Лучаі ў складзе езуіцкай місіі [14].

Акрамя таго, на тытуле таксама маюцца надпісы рознага часу, якія сведчаць аб прыналежнасці кнігі Лучайскаму касцёлу, адкуль кніга была перададзена ў фонды ў 1971 г.

Наступнае выданне паходзіць з друкарні езуіцкага калегіума ў Познані. Праца гісторыка, езуіта, прафесара Познаньскага калегіума Францішка Жэпніцкага (1710—1780) «Vitae Praesulum Poloniae Magni Ducatus Lithvaniae Res Praecipuae…» («З жыццяў біскупаў Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага справы выбітныя…»), што выйшла ў 1761—1763 гг. [19]. Праца складалася з чатырох частак (або кніг) і трох тамоў. У фондах НПГКМЗ захоўваецца том другі, які ўтрымлівае другую і трэцюю кнігу твора. Як сцвярджае сам аўтар у прадмове да першай кнігі, пры напісанні яе ён карыстаўся вялізным масівам пісьмовых крыніц з уласнага архіва, уключаючы акты земскія і гродскія, метрыку Каралеўства Польскага, рукапісныя хронікі езуіцкіх калегіумаў, а таксама больш за 70 прац розных аўтараў. У XVIII ст. кніга карысталася вялізнай папулярнасцю і ўжывалася ў езуіцкіх калегіумах у якасці навучальнага дапаможніка па гісторыі краю. Але пазней яна шмат крытыкавалася за недакладнасць і некрытычнае стаўленне аўтара да выкарыстаных ім крыніц [3, s. 128]. Кніга ўтрымлівае звесткі пра паходжанне біскупстваў Влоцлаўскага, Познаньскага, Плоцкага, Вармскага (Вармійскага) і Луцкага ў Польшчы і Віленскага ў Вялікім Княстве Літоўскім, а таксама жыццяпісы іх біскупаў.

Асобнік, які захоўваецца ў нашых фондах, дэфектны, страчана пярэдняя частка пераплёту і карашок. Кніга друкаваная ў восьмую частку папяровага ліста, у адну калонку і адзін колер, на паперы ручнога адліву без вадзяных знакаў. Кніга вельмі сціпла аформлена: ксілаграфічны ініцыял «С», 3 канцоўкі з 2-х дошак.

У кнізе маюцца шматлікія надпісы на лацінскай мове наступнага зместу «Cartusiae Beresanae» — «Картэзіянцы Бярозаўскія», якая сведчыць пра тое, што кніга ўваходзіла ў кнігазбор адзінага на Беларусі кляштара картэзіянцаў, што змяшчаўся ў Бярозе. Кляштар валодаў даволі значнай бібліятэкай. Згодна з вопісам 1820 г., яна налічвала на той момант 2177 кніг [21, с. 141]. Пасля ліквідацыі манастыра ў 1831 г. бібліятэка была распылена па розных гарадах і ўстановах.

У фонд НПГКМЗ кніга паступіла з абменна-рэзервовага фонду Дзяржаўнай бібліятэкі імя Леніна ў 1990 г.

Усе разгледжаныя кнігі з'яўляюцца часткай калекцыі лаціна-польскіх выданняў XVI—XVIII стст., і іх апісанні будуць змешчаны ў адпаведным каталогу.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Adnotationes Historicae de Origine, Antiquitate, Excellentia, Heroici ac Celeberrimi in Regno Poloniae Ordinis Equitum Aquilae Albae. [...] Joanne Friderico S.R.I. Comite in Kodeń Sapieha [...]. Coloniae apud Adamum Cholinum. 1730. НПГКМЗ КП-10/5971.
2. Campbell, T. Maria de Agreda / T. Campbell // The Catholic Encyclopedia. — Vol. 1. — New York: Robert Appleton Company, 1907. — [Electronic resourse]. — Mode of access: http://www.newadvent.org/cathen/01229a.htm — Date of access: 20.12.2013.
3. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. — T. 3. Cz. 1: Wielkopolska / oprac. A. Kawecka-Gryczowa [et al.]. — Wroclaw: Wydaw. PAN, 1977. — 306 s.
4. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. — T. 3. Cz. 2: Mazowsze z Podlasiem / Red.: K. Korotajowa, J. Krauze-Karpinska. — Wroclaw: Wydaw. PAN, 2001. — 415 s.
5. Estreicher, K. Bibliografia polska / K. Estreicher. — Kraków, 1915. — Tom XXVI. — 574 s. — [Electronic resourse]. — Mode of access: http://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/indeks/43303,0108.html — Date of access: 10.01.2016.
6. Estreicher, K. Bibliografia polska / K. Estreicher. — Kraków, 1929. — Tom XXVII. — 421 s. — [Electronic resourse]. — Mode of access: http://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/indeks/43303,0108.html — Date of access: 08.02.2014.
7. Estreicher, K. Bibliografia polska / K. Estreicher. — Kraków, 1938. — Tom XXXII. — 500 s. — [Electronic resourse]. — Mode of access: http://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/indeks/43303,0108.html — Date of access: 15.01.2016.

8. Estreicher, K. Bibliografia polska / K. Estreicher. — Kraków, 1951. — Tom XXXIV, Z. 1. — 462 s. — [Electronic resourse]. — Mode of access: http://www.estreicher.uj.edu.pl/staropolska/indeks/55893,0125.html. — Date of access: 08.02.2014.

9. Ignatii Wilczek Carmina […] Cracoviae A.D. 1788. Typis Scholae Principis Regni Universitatis Cracoviensis. НПГКМЗ КП-10/5974.

10. Jonscher, J. Mikołaj Zalaszowski / J. Jonscher // Słownik pracowników książki polskiej / pod red. I. Treichel. — Warszawa-Łódź, 1972. — S. 1001.

11. Jus Regni Poloniae, ex Statutis et Constitutionibus ejusdem Regni et M.D.L. collectum. Et Additionibus ex Jure Civili, Romano, Canonico, Saxonico […]. A Nicolao Zalaszowski […]. Reimpressum Varsaviae Typis S.R.M. Collegii Societatis Jesu. Anno Domini 1741. НПГКМЗ КП-3/25.

12. Kazania Niedzelne i Swiętalne. Przez X. Jozefa Męcinskiego […] zebrane. […] Tom II. W Krakowie 1793. W Drukarni Antoniego Grebla. НПГКМЗ КП-16/17721.

13. Korotajowa, K. Cezary / K. Korotajowa // Słownik pracowników książki polskiej. — Warszawa-Łódź: PWN, 1986. — S. 108—110.

14. Kościół Św. Tadeusza, Łuczaj // Zabytki i atrakcje Białorusi, Litwy i Podlasia [Electronic resourse]. — 2002—2016. — Mode of access: http://www.radzima.org/pl/object/5030.html — Date of access: 15.01.2016.

15. Kozlowski, J. Rzepnicki Franciszek / J. Kozlowski // Polski słownik biograficzny. — Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1992. — T. 34/1. Z.140. — S. 41.

16. Mistyczne Miasto Boskie[…] Historya Boska, y Żywot Przenayswiętszey Maryi Panny […]. W Krakowie, w Drukarni Michała Cezarego […]. R. P. 1730. НПКГМЗ КП-3/30.

17. Nowe Żywoty Świętych […]. Przez W.X. Stefana Wielewiejskiego Soc:Jesu […] wydane. Część I. […] Roku Pańskiego 1735. W Kaliszu, w Drukarni Collegium Soc:Jesu. НПГКМЗ КП-3/36.

18. Pachoński, J. Grebel / J. Pachoński // Słownik pracowników książki polskiej. — Warszawa-Łódź: PWN, 1986. — S. 291—292.

19. Vitae Praesulum Poloniae Magni Ducatus Lithvaniae Res Praecipuae Illorum temporibus gestae Ad Annum MDCCLX […]. Opera P. Francisci Rzepnicki e Societate Jesu. […]. Typis Posnaniensibus Clari Collegii Societatis Jesu. 1762. НПГКМЗ КП-10/5972.

20. Zielińska, Z. Sapieha Jan Fryderyk / Z. Zielińska // Polski słownik biograficzny. — Warsyawa-Kraków: Polska Akademia Nauk, Instytut Historii, 1994. — T. 35/1. Z. 144. — S. 12—16.

21. Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. / М.В. Нікалаеў [і інш.]; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў. — Мінск: БелЭН імя П. Броўкі, 2011. Т. 2. Кніжнасць новай Беларусі (XIX-XXI стст.). — 436 с.

22. Нікалаеў, М. Гісторыя беларускай кнігі: у 2-х т. / М. Нікалаеў. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. — Том 1: Кніжная культура Вялікага княства Літоўскага. — 424 с.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аўчыннікава Юлія Аляксандраўна, старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Арлова Таццяна Апалінар'еўна, загадчык навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Бараненка Таццяна Валер'еўна, старшы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я — філіяла НПГКМЗ.

Воднева Ірына Пятроўна, загадчык Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Гаўрылава Славіна Вячаславаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Даўгун Вольга Міхайлаўна, старшы навуковы супрацоўнік аддзела фондаў НПГКМЗ.

Капыл Сяргей Пятровіч, загадчык Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Кісляк Анастасія Уладзіміраўна, старшы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Леднік Валерый Аляксандравіч, загадчык Прыродна-экалагічнага музея — філіяла НПГКМЗ.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч, старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Раманенкава Галіна Мікалаеўна, вядучы навуковы супрацоўнік экскурсійнага аддзела НПГКМЗ.

Рудакоў Павел Сяргеевіч, вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НПГКМЗ.

Салаўёў Аляксандр Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Смірнова Таццяна Рафаілаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НПГКМЗ.

Студзенікіна Юлія Уладзіміраўна, вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НПГКМЗ.

Філімонава Вольга Аляксандраўна, старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання — філіяла НПГКМЗ.

Навуковае выданне

МАТЭРЫЯЛЫ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г.)

Укладальнік **Явіч Таццяна Уладзіміраўна**

Камп'ютарная вёрстка В. У. Гаўрылаў
Карэктар В. Я. Ашуева

Макет выкананы на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПГКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22

Падпісана да друку 20.11.2018. Фармат 70х100 $^{1}/_{16}$.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура «ПТ Сериф».
Ум. друк. арк. 21,0. Улік.-выд. арк. 12,3.
Наклад 50 ас. Замова 8904.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014.
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.

Полоцкъ. Замокъ Іезуитовъ.

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2015 г. / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск: Медысонт, 2018. — 182 с.

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культуролагам.

Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік
Рэспубліка Беларусь, 211400,
Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, 22
http://polotsk.museum.by